

ОТЕЛЛО,

ВЕНЕЦІЯНСКІЙ МАВРЪ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Шекспира (*).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

АЛЕКСАНДРУ ЮРЬЕВИЧУ ЗИБЕРУ.

(*) «Отелло» Шекспира не въ первый разъ является на русскомъ языкѣ: на сценѣ играютъ у насъ чрезвычайно-тяжелый и нескладный прозаическій переводъ, г-на Пв. П — ва; былъ въ «Репертуарѣ» даже, (когда онъ выходилъ отдѣльно отъ «Пантеона»), напечатанъ переводъ «Отелло» въ стихахъ; не-смотря на это, мы рѣшились напечатать переводъ г-на *Лазаревскаго*, въ той увѣренности, что *хорошій переводъ* Шекспировой пьесы, на русскомъ языкѣ, будетъ всегда самою отдаленною новостью.

Ред.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Венеціанскій Дождь.	Монтано, предшественникъ Отелло въ
Брабанціо, сенаторъ, отецъ Дездемоны.	управленіи Кипромъ.
Два другіе сенаторы.	Шутъ при Отелло.
Граціано, братъ Брабанціо.	Герольдъ.
Лодовико, родственникъ Брабанціо.	Дездемова, дочь Брабанціо, жена
Отелло, Мавръ.	Отелло.
Мишель Кассіо, лейтенантъ.	Эмилія, жена Яго.
Яго, знаменосецъ Мавра.	Бланка, любовница Кассіо.
Родриго, венеціанскій дворянинъ.	
Сенаторы, офицеры, вѣстники, музыканты, матросы, свита.	

Первое дѣйствіе въ Венеціи, остальные въ Кипрѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. — Улица.

ВХОДЯТЪ РОДРИГО И ЯГО.

РОДРИГО.

Э, лучше замолчи ужъ Яго! — Мнѣ
 Казалось-бы, что дѣло-то твое
 Не больно чисто здѣсь; — подумай самъ —
 Вѣдь ты другой хозяинъ въ кошелькѣ
 Моемъ, — а ты вѣдь, Яго, зналъ объ этомъ....

яго.

Проклятiе! — Да слушайте-жъ, спнiйоръ, —
 Ну, если я когда-нибудь объ этомъ
 Хотя во снѣ мечталъ — гнушайте мною!

РОДРИГО.

Ты толковалъ о ненависти вѣчной....

яго.

Вы въ-правѣ презирать меня, спнiйоръ,
 Когда я эту ненависть забуду.
 Представьте: трое знаменитыхъ гражданъ
 Не-разъ просили лично гордеца,
 Чтобъ сдѣлалъ, знаете, меня своимъ
 Опъ лейтенантомъ; — и, клянуса честию,
 Себѣ я цѣну знаю; — кажется,
 Я стоилъ-бы такого повышенья;
 Но изъ тщеславiя и личныхъ выгодъ,
 Опъ отъ просителей отдѣлался
 Чертовски ловко, пасказавъ имъ бездну
 Великолѣпныхъ пустяковъ, закидавъ
 Ихъ кучею военныхъ терминновъ,
 И накопецъ — отказъ. — «Я, — говорить, —
 Себѣ уже назначилъ лейтенанта!»
 Кто-жъ это? — Вотъ ужъ мудреца пашель!
 Какой-то Флорентинецъ Кассiо,
 Нарядный шутъ, который радъ молиться
 Любой смазливой дѣвочкѣ, — въ бою
 Ни разу неводившiй эскадрона,
 И дѣло битвы повимающiй
 Не лучше пряхи, — но за то куда
 Какъ бойкiй на теорiи, на книгѣ....
 Да, здѣсь и ветхiе сенаторы
 Большие то-же мастера у насъ!
 Безъ практики пустая болтовня —
 Вотъ все его военное искусство!
 Но все-таки опъ избранъ; пу — а миѣ,
 Который бился на его глазахъ
 Въ Родосѣ, Кипрѣ и другихъ странахъ
 Языческихъ и христіанскихъ, — миѣ

Въ вознагражденъе — бездна обѣщаній!
Оно и кетати, — этотъ арифметичкь —
Ужъ лейтенантъ, а я, благословясь,
Остануся ихъ мавритаиской чести
Пока простымъ знаменопосцемъ.

РОДРИГО.

О,

Клянуся небомъ, Яго, что теперь
Хотѣлъ-бы быть я палачомъ его.

ЯГО.

Но гдѣ-же средства? — Гдѣ-жъ, Родриго, средства?...
Вотъ службы ходъ у насъ, синьйоръ, обычный:
Чтобы служить усердно, ревностно,
Съ примѣрной пользой — нужны только подлость,
Рекомендательныя письма — вотъ и все!
Гдѣ ты, святая правда старины,
Когда за первымъ шелъ всегда второй!...
Судите-же теперь, синьйоръ, вы сами —
Могу-ли Мавру преданнымъ я быть?

РОДРИГО.

Но почему-жъ его ты не покинешь?

ЯГО

О, я скажу, синьйоръ, скажу причину...
Вотъ видите: мнѣ крѣпко-бы хотѣлось
Хоть чѣмъ-нибудь да заплатитъ ему.
Всѣ мы начальствовать не можемъ — такъ!...
За то-жъ не каждый и начальникъ можетъ
Имѣть усердныхъ, преданныхъ людей; —
Вы знаете, конечно, много ихъ —
Покорныхъ, пресмыкающихся слугъ,
Что, рабства своего лобзая цѣпи,
Влачатъ ярмо работы до могилы,
Какъ глуныя ослы, за клокъ соломы;
А одряхлѣють — этихъ честныхъ слугъ
Кнутомъ женуть!... Но есть, синьйоръ, такіе,
Что подъ приличной маскою усердья,

Хлюпочуть только о себѣ; — они,
 Кажись, такъ вѣрно служить, — для чего?
 Чтобы набить себѣ кармацъ вѣрише, —
 А съ золотомъ, спшійоръ, скажите сами,
 Кому у насъ откажутъ въ благородствѣ?
 Вотъ это люди дѣльные, съ душой,
 Какъ говорится; я — одинъ изъ нихъ.
 Будь Мавромъ я, я-бъ не хотѣлъ быть Яго,
 И это вѣрно такъ, какъ вы — Родриго.
 Служа ему, — что-жъ — грѣшенъ! не могу
 Забыть и Яго бѣдняка.
 Пусть судить небо насъ, но глубоко,
 Душевно несправедливъ Мавра, долженъ я
 Казаться преданнымъ ему, — хоть, разъ
 Еще клянусь, для личныхъ чисто цѣлей....
 Да если-бъ мы поступками своими
 Разоблачали тайный помыслъ сердца —
 Не вес-ль равно, что кипуть это сердце
 Такъ, на распутье.... Ключи, кому угодно!...
 О, нѣтъ — я не таковъ, какимъ кажуся....

РОДРИГО.

Да, нужно, чтобы этотъ толстогубый
 Былъ счастливъ, если могъ уснѣть
 Подобнымъ образомъ уладить дѣлю.

ЯГО.

Ну, что-же! подымайте старика,
 На свѣжій слѣдъ искусно наведите,
 Облейте ядомъ бѣшенный восторгъ
 Отелло.... ненавистнымъ именемъ
 Его будите улицы; родню
 Венеціянки подстрекните. Да,
 Спшійоръ Родриго! онъ теперь въ раю
 Восторговъ — бросьте-жъ ядовитый пламень
 На розы счастья его, — и если
 Ужъ суждено ему унитися благомъ —
 Все-жъ какъ-нибудь да можно отравить

Блаженство это; — все-жъ таки воплиѣ
Не будетъ наслаждаться гнусный Мавръ.

РОДРИГО.

Вотъ домъ ея отца; я вызову
Его моими криками.

яго.

Кричите,
Синьйоръ, отчаянья ужаснымъ воплемъ,
Который тяжкою, мертвящей
Тоской сжимаетъ мысль, когда среди ночи
Шипѣнье огненныхъ языковъ
Пожара — мирный сонъ неожиданно будить.

РОДРИГО.

Брабанцио! синьйоръ Брабанцио!

яго.

Брабанцио! проснитесь! воры! воры!
Вставайте! Осмотрите домъ, запоры!
Зовите дочь! Скорѣе! воры! воры!

БРАБАНЦИО (*показывается на-верху*).

Кто тамъ внизу?

РОДРИГО.

Синьйоръ! семейство ваше....

Теперь семейство ваше все-ли дома?

яго.

Все-ль двери ваши запорты, синьйоръ?

БРАБАНЦИО.

Что за вопросъ? къ-чему? что это значить?

яго.

Да значить то, что обокрали васъ!...
Но одѣвайтесь-же! Вамъ говорить —
У васъ украли половину сердца,
И душу вашу растерзали. Да,

Теперь, быть-можетъ, въ это самое
 Мгновенье, дикій коршунъ заклевалъ
 Уже голубку вашу.... 1) О спѣшите!
 Набатовъ разбудите спящій городъ, —
 Иначе дьяволъ васъ пожалуетъ
 Почетнымъ титуломъ дѣдушки, синьйоръ....
 Идите-же, — вамъ дѣло говорить!

БРАБАНЦЮ.

Что за вранье? — Вы спятили съ ума?

РОДРИГО.

Почтеннѣйшій синьйоръ! узнали вы
 Мой голосъ?

БРАБАНЦЮ.

Нѣтъ! но кто ты?

РОДРИГО.

Я — Родриго!

БРАБАНЦЮ.

О, это пизко! — я вѣдь запретилъ
 Тебѣ топтать пороги у дверей
 Мопхъ! Забылъ ты? — Я сказалъ тебѣ
 Однажды навсегда, что дочь моя
 Не для тебя; — и вотъ опять, и въ полночь,
 Безумно распаливши чувство
 Роскошною трапезой и виномъ,
 И полный странной дерзости, пришелъ
 Ты мирный сонъ мой буйно возмущать....

РОДРИГО.

Синьйоръ! Синьйоръ! Синьйоръ!

БРАБАНЦЮ.

Но потрудитесь убѣдить себя,
 Что я еще имѣю столько власти,
 По сану своему, и столько силъ
 Въ себѣ, что отплачу тебѣ за дерзость.

РОДРИГО.

О будьте терпѣливѣе, синьйоръ!

БРАБАНЦЮ.

Что ты горлаишь мнѣ о воровствѣ?

Вѣдь это, кажется, Венеція

Еще, и домъ мой не въ лѣсу, не въ полѣ...

РОДРИГО.

Я прихожу къ вамъ съ чистою душой,
Брабанцю!

ЯГО.

Толкуй ты съ нимъ! — Вы, синьйоръ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не задумавшись, кинутъ Бога, если чорту вздумается кликнуть ихъ. Мы пришли сдѣлать доброе дѣло, а вы считаете насъ чуть не разбойниками. — Подумаешь, право, что вы сами бѣтаете изъ того, чтобы породниться съ мавритаишскимъ жеребцомъ; что вы сами желаете тѣшить слухъ свой ржаніемъ маленькихъ своихъ впуковъ ³⁾, сами хлопчете о томъ, чтобы добыть родичей рышетой да скаковой породы. ⁴⁾

БРАБАНЦЮ.

О несчастный! кто ты презрѣнный?

ЯГО.

Я чловѣкъ, синьйоръ; чловѣкъ, который пришелъ доложить вашей милости, что Мавръ теперь въ упительномъ восторгѣ, а ваша дочь — въ его объятіяхъ.... ⁵⁾

БРАБАНЦЮ.

Ты подлецъ!

ЯГО.

Вы — сенаторъ...

БРАБАНЦЮ.

О, ты отвѣтишь мнѣ за все! Тебя,

Родриго, знаю я.

РОДРИГО.

Я, синьйоръ, готовъ

Вамъ отвѣчать; но умоляю васъ —
 Дослушать. Развѣ съ вашей воли,
 На вашу радость, — что отчасти можетъ
 Казаться вѣроятнымъ, — Дездемона
 Въ глухую пору ночи, безъ проводниковъ,
 Въ наемной, бѣдной лодкѣ гондольера,
 Летитъ упасть въ презрѣнныя объятія. —
 Въ добычу сладострастнаго Отелло?
 О, если это вамъ, синьйоръ, извѣстно,
 И вы благословили вашу дочь, —
 То мы, конечно, дерзко и безумно
 Васъ оскорбили; если-жъ вы не знали
 Объ этомъ ничего еще — то мой постунокъ
 Оправданъ самъ собою, — и сама
 Собою уничтожается обида.
 Не думайте, что я безчувственно
 И грубо насмѣхаюсь и шучу
 Надъ вами. Повторю опять, синьйоръ,
 Когда изъ-подъ родительскаго крова,
 Безъ вашего согласья, ваша дочь
 Бѣжала, — о нескупимъ тогда
 Ея проступокъ!... Какъ! пожертвовать
 Своею красотою, дѣтскимъ долгомъ,
 Образованіемъ своимъ, богатствомъ,
 Бродячему скитальцу, прошлецу
 Всевѣтному!... Но правда правдою
 Себя докажетъ: посмотрите сами,
 Когда она теперь въ опочивальнѣ,
 Или, по-крайней-мѣрѣ, въ этомъ домѣ —
 Тогда пусть грозный приговоръ закона
 На голову обманщика надеть,
 И клевету презрѣнную накажетъ.

БРАБАНЦЮ.

Огня! Зажгите факелы!... На-верхъ,
 Сюда! Зовите всѣхъ людей! — Оно
 Такъ сходно съ сномъ моимъ, несчастье это!...
 Ему уже я вѣрю! о, не даромъ
 Предчувствіе такъ давить, давить душу!...
 Огня! огня!

(Уходитъ.)

яго.

Теперь, сивильоръ, прощайте. —

Я оставаться больше не могу; —
 Не-кстати, знаете, да что и пользы —
 Быть мнѣ свидѣтелемъ противу Мавра?
 Останься-жъ я, вѣдь это неизбежно. —
 Я знаю, — не-смотря, что это дѣло
 Сенату не покажется конечно, —
 Онъ побойтся отрѣшить его:
 Теперь онъ занятъ слишкомъ кипрскою
 Войною, — а по мнѣнію его,
 Другаго, кромѣ Мавра, нѣтъ у насъ,
 Кто-бъ могъ съ успѣхомъ кончить дѣло.
 И потому, хоть я люблю его
 Какъ муки адскія, — однако все-жъ,
 Сообразивши вѣрно и умно
 Итогъ на-право и на-лѣво, я
 Надѣну маску преданной любви,
 Но, честію клянуся, только маску...
 Чтобы вѣрнѣй найти его, начните
 Вы поиски свои отъ Саджиттери; ^{е)}
 Я съ Мавромъ буду тамъ. Теперь, прощайте!

(Уходитъ).

(Входитъ Брабанціо, за нимъ слуги съ факелами.

БРАБАНЦИО.

О Боже! слишкомъ ты вѣрна
 Моя потеря! — Да, ушла!... и старости,
 Моей печальной, горькой старости
 Покинула лишь слезы... только слезы!...
 Гдѣ-жъ видѣлъ ты ее, Родриго, гдѣ? —
 Дитя несчастное! — Ты говоришь,
 Что съ Мавромъ? — Кто теперь захочетъ быть
 Отцомъ? — Какъ ты узналъ ее, Родриго?
 О, обманули вы меня, мои
 Надежды! — Что-жъ она тебѣ сказала?
 Давайте больше факеловъ; будите
 Родныхъ моихъ! — Какъ думаешь — они
 Обвѣщаны уже? —

РОДРИГО.

Я думаю;

По-видимому такъ...

БРАБАНЦЮ.

О небеса! —

Но какъ она ушла? — И, кровь родная,
 Она мнѣ измѣнила! — О, теперь,
 Отцы, не вѣрьте сердцу дочерей,
 Не вѣрьте ихъ поступкамъ. — Нѣтъ-ли здѣсь
 Волшебствъ какихъ, которыми чаруютъ
 Дѣвицъе молодое сердце?... Вы
 Ничего такого не читали?

РОДРИГО.

Читалъ, синьйоръ; мнѣ помнится....

БРАБАНЦЮ.

Ко мнѣ

Скорѣй просите брата. — О, зачѣмъ
 Я вамъ ее не отдалъ? — Разослать
 По всѣмъ дорогамъ! — Вы не знаете,
 Гдѣ можно ихъ найти?

РОДРИГО.

Да, я пайду

Ихъ, если вамъ угодно слѣдовать
 Съ надежной стражею за мной.

БРАБАНЦЮ.

Идемъ,

Мой другъ! Я буду спрашивать во всѣхъ
 Домахъ, — во многихъ даже власть могу
 Употребить.... Пусть люди всѣ вооружатся!
 Да отыскать скорѣй почную стражу!
 О, я цѣню, синьйоръ, усердье ваше!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Венеція. — Другая улица.

ВХОДЯТЪ ОТЕЛЛО, ЯГО, СЛУГИ.

яго.

Хотя по долгу добраго солдата,
 Я хладнокровно въ битвахъ убивалъ
 Людей, но все-жъ-таки того я миѣнья,
 Что грѣхъ противу совѣсти — убить
 Обдуманно; во миѣ не достаетъ,
 И очепь-часто, злобы на душѣ,
 Хотя пользы видны ясно — девять
 Или десять разъ мой вѣрный, острый мечъ
 Просился съ боку моего въ чужой 7).

ОТЕЛЛО.

Я радъ, что ты порывъ свой удержалъ.

яго.

Но онъ такъ дерзко говорилъ о васъ,
 Что съ маленькой моею добротой
 На-силу я себя переневолилъ.
 Закопю-ль вы обвиняны, спящійоръ?
 Со всѣми-ль формами, какъ водится
 У насъ? — чтобъ это было вѣрно, знаете...
 Не то — «великолѣпный» 8) такъ любимъ
 И миѣниемъ въ Совѣтѣ столько силенъ,
 (Сильнѣе вдвое Дожа) что, пожалуй,
 Еще и разведетъ онъ васъ; — свопмъ
 Влиянемъ, съ помощью законовъ, онъ
 Хлопотъ надѣлать можетъ бездну вамъ,
 Мой генераль.

ОТЕЛЛО.

Пусть опъ изобрѣтаетъ,
 Какой ему угодно плачь: — въ отвѣтъ,
 На жалобы его и клевету,
 Я расскажу почетныя заслуги

Мои Республикѣ; — я объявлю
 Мой знаменитый родъ; — когда
 Увижу, что во мнѣиіи людскомъ
 Тщеславіе меня возвысить можетъ, —
 Я укажу на предковъ царской крови...
 Но не могу-ли я безъ лишняго
 Смиренія и то сказать, что счастье
 Мое всегда шло только на-ровнѣ
 Съ моею личною заслугой.
 Да Яго, не люби я жарко такъ,
 Такъ беззавѣтно милой Дездемоны,
 О, я не отдалъ бы раздольную свою
 Судьбину и за всё сокровища
 Морей... Но посмотри, что за огни
 Сверкаютъ тамъ?

(Входитъ Кассіо, въ нѣкоторомъ отдаленіи офицеры съ факелами).

яго.

Конечно, пробужденный
 Отецъ съ родней своей. — По мнѣ, снпійоръ,
 Такъ лучше-бъ вамъ уйти осюда.

ОТЕЛЛО:

Нѣтъ!

Я долженъ здѣсь остаться. Мой характеръ,
 Мой санъ и совѣсть чистая меня
 Правдиво выкажутъ... Такъ, это онъ
 Дѣйствительно?

яго.

Клянуся Янусомъ,
 Я, кажется... да, точно я ошибся.

ОТЕЛЛО:

Мой лейтенантъ и офицеры Дожа!
 Да будетъ ночь, друзья, на радость вамъ!
 Чтѣ новаго?

КАССИО:

Привѣтствуетъ васъ Дождь,
 Мой генералъ! — онъ ждетъ васъ съ петербѣмъ

Теперь, сію-жъ-мишуту.

ОТЕЛЛО.

Дождь? теперь?

Не знаешь-ли за-чѣмъ?

КАССИО.

Мнѣ кажется,
Получены извѣстія изъ Кипра;
Дѣла должны быть важныя. Съ галеръ
Явились къ намъ, за эту ночь, уже
Двѣнадцать вѣстниковъ. Сенаторы
Почти ужъ все у Дожа собрались;
Къ вамъ посылали на домъ много разъ,
Но васъ ни-разу дома не застали.
Теперь три партіи солдатъ вездѣ
Васъ по городу щупутъ.

ОТЕЛЛО.

Ну, я радъ,
Что вы пашли меня. Послова только
Скажу домашнимъ, и потомъ пойдемъ
Все вмѣстѣ.

(Уходитъ).

КАССИО.

Что подѣлываетъ здѣсь
Нашъ генераль, скажи-ка, Яго!

ЯГО.

Э, въ эту ночь, нашъ генераль гальионъ
Богатый захватилъ; и если призъ
Окажется законнымъ — дѣло въ шляпѣ!

КАССИО.

Я ничего не понимаю, Яго!

ЯГО.

Ну, онъ женился.

КАССИО.

Яго! онъ женился?

На комъ?

(Отелло входитъ).

яго.

На... Генераль! угодно вамъ

Идти?

ОТЕЛЛО.

Идемъ скорѣе.

КАССИО.

Вотъ другой

Отрядъ, который тоже ищетъ васъ.

(Входятъ Брабанцио, Родриго и ночная стража съ факелами и оружіемъ).

яго.

Брабанцио! О, будьте осторожнѣй,
Мой генераль! — Конечно, опъ идетъ
Съ дурнымъ намѣреньемъ.

ОТЕЛЛО.

Остановитесь!

РОДРИГО.

Спльйоръ, вотъ Мавръ!

БРАБАНЦИО.

Схватить почпаго вора!

(Объ стороны обнажаютъ мечи).

яго.

А, это вы, Родриго! Не угодно-ль вамъ
Начать со мною?

ОТЕЛЛО.

Вложите свѣтлые

Мечи! Да не покроетъ ржавчиной
Роса полночи доблестную сталь.*(Къ Брабанцио).*Спльйоръ! вы можете повелѣвать
Успльйшнѣй, нежели оружіемъ,
Своею честной сѣдиною здѣсь.

БРАБАНЦИО.

Безчестный воръ! гдѣ дочь? гдѣ дочь моя?
Проклятый, какъ твое искусство, ты

Очаровалъ ее. — Судите-жь насъ,
 Вы, люди добрые!.. Могла-ль она,
 Безъ чаръ, безъ гнусныхъ заклинаній,
 Она — прекрасная, счастливая,
 Едва расцвѣтшая, любивши такъ
 Свою дѣвичью волю, отказавши гордо
 Богатымъ, благороднымъ женихамъ
 Роднаго города... могла-ль она
 Рѣшиться, — бросивъ на позоръ толпы
 Безстыдно имя честное, — бѣжать
 Въ глухую ночь отъ дѣвственнаго ложа
 Въ объятя чорнаго уroda, Мавра?..
 Не правда-ль, отвращенье, а не страсть,
 Вселить онъ только можетъ?.. Будь судьей
 Моимъ весь мѣръ!.. О это слишкомъ-видпо,
 Что только чарами нечистыми
 Ты могъ увлечь ее; что только травами,
 Да наговорами могъ воспалить
 Въ невинномъ сердцѣ темныя желанья...
 О, это все разсмотреть! — Да... оно
 Иначе быть не можетъ!.. Между-тѣмъ
 Я долженъ взять тебя за твой развратъ,
 За гнусную, проклятую науку,
 Противную законамъ... Взять его!
 Живаго или мертваго — по взять!

ОТЕЛЛО.

Остановитесь, рабы! — и вы,
 Друзья мои, остановитесь...
 О, если нужно дѣйствовать мечомъ,
 Помощниковъ не нужно мнѣ!.. Спѣшоръ,
 Гдѣ вамъ угодно выслушать меня?

БРАБАНЦЮ.

Въ тюрьму тебя, — пока въ урочный срокъ
 Не призовутъ къ отвѣту предъ лицо
 Закона.

ОТЕЛЛО.

Какъ-же я могу, спѣшоръ,

Повиноваться вамъ, не презирая
Велѣній Дожа? Вотъ кругомъ его
Служители... Они зовутъ мепя
Въ Совѣтъ, по государственному дѣлу.

ОФИЦЕРЪ.

Дѣйствительно, достойнѣйшій сивѣйоръ!
Свѣтлѣйшій Дождь уже въ Совѣтъ. Къ вамъ
Я тоже, думаю, уже послалъ.

БРАБАНЦЮ.

Какъ, Дождь уже въ Совѣтъ? Въ полночь? — Отвести-жь
Его туда, и это дѣло важно.
Великѣй Дождь и благородные
Сенаторы должны считать мою
Обиду личнымъ оскорбленьемъ.
Да, ежели мы будемъ оставлять
Подобныя дѣла безъ наказанья...
Такъ скоро эта сволочь пехристей
Поганыхъ, да рабовъ, предписывать
Начнетъ свои законы самому
Сенату.

СЦЕНА III.

Зала совѣта. — Дождь и сенаторы сидятъ за столомъ. — Офицеры.

ДОЖЬ.

Всѣ эти вѣсти столько разногласны,
Что трудно вѣрить имъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Дѣйствительно,

Она довольно-странны. — У меня
Въ письмѣ показано сто-семь галеръ.

ДОЖЬ.

Въ моеиъ сто-сорокъ.

2-й сЕНАТОРЪ.

А въ моемъ такъ двѣсти.

Но хотъ во всѣхъ извѣстяхъ этихъ счетъ
 Невѣренъ, — гдѣ одиъ догадки, тамъ
 Противурѣчья ужъ необходимы, —
 По-крайней-мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
 Что это Турки, и что этотъ флотъ
 Идетъ на Кипръ.

ДОЖЬ.

Все это можетъ быть,

Но на извѣстяхъ этихъ не хочу
 Я стропить никакихъ распоряженій;
 Я признаю за вѣрное одно —
 И, признаюся, — не совѣмъ спокойно, —
 Что намъ грозитъ опасность велика.

МАТРОСЪ (извнѣ).

Ого!

Еще, еще!

(Входитъ офицеръ съ матросомъ).

ОФИЦЕРЪ.

Вотъ посланный съ галеръ!

ДОЖЬ.

Опять? Ну, что?

МАТРОСЪ.

Турецкiй флотъ готовъ

Начать осаду острова Родоса:
 Спiсьиоръ Анджело приказалъ объ этомъ
 Республикѣ донести.

ДОЖЬ.

Что скажете

Объ этой перемѣнѣ плана?

1-й сЕНАТОРЪ.

Что это явное безумiе,
 Или пустая хитрость; что они
 Движеньемъ этимъ думаютъ закрыть

Прямую только цѣль. — Подумайте,
 Какъ важень Туркамъ Кипръ, и какъ
 Они прекрасно понимаютъ это;
 Подумайте, что сколько онъ дороже
 Для нихъ Родоса, столько-же слабѣй,
 Что средства для защиты у него
 Въ сравненіи съ Родосскими ничтожны; —
 Примите это все въ соображеніе,
 И согласитесь послѣ, что враги
 Не столько-же безумны, чтобъ, оставивъ
 Въ тылу столь важный постъ, и презирая,
 Съ побѣдой вѣрную, богатую
 Добычу, — побѣжали дерзко такъ
 На бесполезную опасность.

дожъ.

Нѣтъ, по всеѣмъ
 Соображеньямъ — не Родосъ ихъ цѣль!

ОФИЦЕРЪ.

Еще извѣстье!

(Входитъ новый вѣстникъ).

вѣстникъ.

Корабли враговъ

Идутъ теперь открыто на Родосъ,
 Уже соединившись съ повымъ флотомъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Охъ, такъ

И я разсчитывала!... Какъ полагать
 Примѣрно можно-бы у нихъ число
 Запасныхъ кораблей?

вѣстникъ.

До тридцати

Судовъ. — Теперь враги идутъ на Кипръ,
 И мало не скрывая ужъ своихъ
 Намѣреній. — Синьйоръ Монтано, вашъ
 Достойный, доблестный слуга, послалъ
 Меня вамъ объявить объ этомъ дѣлѣ,
 И проситъ вѣрить истинѣ его.

ДОЖЬ.

Теперь, по-крайней-мѣрѣ, знаемъ мы,
Что цѣль ихъ — Кипръ. — А гдѣ пашъ Маркъ Люккезе?

1-й СЕНАТОРЪ.

Теперь въ Флоренціи.

ДОЖЬ.

Пшпште-же

Къ нему, чтобъ опъ немедленно пріѣхалъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Вотъ и Брабанціо, и храбрый Мавръ.

(Входятъ Брабанціо, Отелло, Яго, Родриго и офицеры).

ДОЖЬ *(къ Отелло).*

Достойный генералъ! судьба войны
Противъ враговъ всеобщихъ — Оттомаповъ
Должна принадлежать по праву вамъ.
Я васъ не вижу... *(Къ Брабанціо).* Здравствуйте, сппъюръ!
Намъ такъ необходимы въ эту почъ
Совѣты ваши, ваша помощь...

БРАБАНЦІО.

Ахъ! п мпѣ

Необходима ваша помощь, Дождь!
Простите мпѣ! Не долгъ мой, не дѣла
Республики меня подняли съ ложа; —
Теперь далекъ я отъ всего чужаго,
Теперь въ своей душѣ пошу я, Дождь,
Суровую печаль; — для повыхъ чувствъ
Она окаменела сердце мпѣ.

ДОЖЬ.

Что съ вами?

БРАБАНЦІО.

Дочь моя! о дочь моя!

СЕНАТОРЪ.

Что, умерла она?

БРАБАНЦЮ.

Да! для отца,

Для старика сѣдаго умерла...
 Ее, дитя, опутали соблазномъ,
 Обвѣли чарами ей сердце молодое,
 Ее украли у меня.... Могла-ль
 Она, имѣя очь, здравый смыслъ,
 Такъ глубоко сама упасть? — О пѣть!
 Безъ чародѣйства это невозможно!

ДОЖЬ.

Кто-бъ ни былъ онъ, похитившій разсудокъ
 У вашей дочери, и дочь у васъ —
 Кто-бъ ни былъ этотъ человѣкъ, синьйоръ, —
 Вы сами прочитаете предъ нимъ
 Кровавыя страницы страшныхъ книгъ
 Неумолпаго закона.... да!
 Хотя-бъ вы обвинили нашего
 Роднаго сына.

БРАБАНЦЮ.

Дождь, благодарю!

Благодарю васъ, справедливый Дождь!
 Онъ здѣсь, межъ нами; это — Мавръ!

ДОЖЬ И СЕНАТОРЫ.

Отелло? —

Какъ неприятно это намъ! — Ну, что-жъ
 Вы можете сказать въ свою защиту? —

БРАБАНЦЮ.

Да, что-жъ онъ скажетъ противъ истины
 Святой!

ОТЕЛЛО.

Достойные, почетные

Синьйоры! Повелитель мой
 Великодушные и благородные!
 Да, правду онъ сказалъ, что въ эту ночь
 Я дочь его похитилъ; — что потомъ

Я обвинчался съ ней — и это правда.
 Вотъ преступленіе мое!... Языкѣ
 Мой грубъ, я не умѣю фразъ клеить, —
 Въ семь лѣтъ, чуть только заиграла сила
 Въ крови горячей, дѣтскою рукою
 Я мечъ схватилъ, — и, кромѣ девяти
 Последнихъ лунъ, все иѣжилъ долю я
 Свою въ широко-вольпомъ полѣ битвъ,
 Подъ бѣднымъ полотниемъ солдатскаго
 Шатра... Да, съ свѣтомъ вовсе незнакомъ я,
 И все, о чемъ-бы могъ я говорить
 Все только — кровь да битвы... Какъ-же мнѣ
 Осмѣлится предъ вами защищаться?
 Но все-жь, падъясь на терпѣнье ваше,
 Довѣрчиво я разскажу простую,
 Безъ вымысла, безъ украшеній, повѣсть
 Любви моею, — и вы увидите,
 Какою сверхъ-естественною силой,
 Какими чарами и заклинаемъ,
 Плѣнилъ я Дездемону.

БРАБАНЦЮ.

Дѣвочка

Такая робкая, краснѣвшая
 Стыдливо при движеніи каждомъ,
 Такая тихая — могла-ль она,
 Забывъ свой полъ, и родину, и честь —
 Все это принести ему на жертву,
 Тогда, какъ на него смотрѣть она —
 Боялась? Можно-ли предполагать,
 Чтобъ это чистое, прекрасное созданье,
 Презрѣло все законы естества
 Само-собою? Не должно-ли искать
 Причину заблужденья въ таинствахъ
 Ужасныхъ ада? Повторяю вновь,
 Что только зельями волшебными,
 Воспламенившими тревожно кровь,
 Что только очаровавшимъ напиткомъ
 Онъ могъ увлечь несчастную ее.

ДОЖЬ.

Но обвиненіе не есть улика ;

Безъ доказательствъ болѣе прямыхъ
И ясныхъ, по однихъ догадкамъ вашимъ,
Основаннымъ на мелкихъ предразсудкахъ,
Законъ не можетъ обвинить его.

1-й сенаторъ.

Но говорю-жъ теперь ты самъ, Отелло!
Преступно-ли ты распалилъ любовь
И страсть на сердцѣ дѣвы молодой,
Или ты вымолилъ любовь у ней,
Или откликнулась душа ея
На зовъ родной твоей души?

ОТЕЛЛО.

Прошу,

Спийторы, васъ послать за ней... И пусть,
Въ присутствіи отца, она сама
Разскажетъ все. — Когда вы изъ рѣчей
Ея увидите, что я преступникъ...
О, отнимите у меня тогда
Довѣрье ваше, мой высокій санъ...
Нѣтъ! мало этого — возьмите честь
Мою и опозоренную жизнь.

ДОЖЬ.

Послать за Дездемоной.

ОТЕЛЛО.

Проводи

Ихъ, Яго; ты скорѣй найдешь ее.

(Яго и офицеры уходятъ.)

Пока-жъ она придетъ, — такъ откровенно,
Какъ передъ небомъ исповѣдую
Грѣхи свои, — я расскажу предъ вами,
Какъ приобрѣлъ любовь я Дездемоны,
Какъ Дездемона полюбила Мавра.

ДОЖЬ.

Мы слушаемъ, Отелло, васъ.

ОТЕЛЛО.

Отецъ

Ея любилъ меня; нерѣдко звалъ
 Въ свой домъ; съ участиемъ спрашивалъ
 О приключеніяхъ былыхъ, годъ за годъ;
 О битвахъ, объ осадахъ, обо всемъ
 Что встрѣтилъ я, что перепесъ. Предъ нимъ
 Я развивалъ всю жизнь, отъ колыбели
 До нашего послѣдняго свиданья.
 Я говорилъ о бѣдствіяхъ своихъ,
 О приключеньяхъ на моряхъ, на сушѣ;
 О томъ, какъ я едва лишь избѣжалъ
 Однажды вѣрпой, страшной гибели
 Въ остервененной схваткѣ на проломѣ;
 О томъ, какъ одолѣвшій врагъ увлекъ
 Меня въ неволю горькую, — и какъ потомъ
 Освободился изъ неволи я.
 Я говорилъ о путешествіяхъ
 Своихъ, — о безпредѣльности пустынь,
 О мрачныхъ подземельяхъ и глухихъ
 Пещерахъ, объ утесахъ, о горахъ,
 Упершихся главами въ небеса;
 О Каппибалахъ, пожирающихъ
 Одинъ другаго, объ Аптропофагахъ,
 О людяхъ, у которыхъ плечи выше
 Ихъ головы, *) — и скромную бесѣду
 Мою любила слушать Дездемона..
 Случалоя: домашнія заботы
 Ее отъ насъ нерѣдко отзовутъ,
 Но какъ она, едва окончивъ ихъ,
 Поспѣшно возвращалась къ намъ опять
 И жадно слушала мои рассказы!
 Я это видѣлъ — и не долго ждалъ,
 Пока изъ мыльныхъ устъ ея услышалъ
 Желанье доброй, пламенной души,
 Чтобы опять я рассказалъ ей повѣсть
 Моихъ прошедшихъ лѣтъ; одни отрывки
 Извѣстны были ей. — Я говорилъ —
 И слезы на очахъ ея дрожали,
 Когда въ рассказѣ вѣрно отражались
 Страданья бѣдной юности моей..
 Когда я кончилъ — за мои страданья
 Она мнѣ много вздоховъ подарила,

Потомъ, съ улыбкой грустнаго участья,
 Она сказала: «Ахъ, какъ это страшно!
 О, какъ печально! какъ печально это!»
 Она уже жалѣть была готова,
 Что слушала меня; и между тѣмъ
 Сама хотѣла быть мужчиной. — Иѣжно
 Она меня благодарила... и потомъ
 Сказала такъ наивно: «Если есть
 У васъ, Отецъ, другъ, который-бы
 Меня уже любилъ, — такъ научите
 Его рассказывать историю вашу,
 Чтобъ полюбить и я его могла...»
 И послѣ этого полупризнанья
 Подумалъ я: — ты полюбила
 Меня за горе, добрая душа, —
 Я полюбилъ тебя за состраданье...
 Вотъ все, чѣмъ я причаровалъ ее!
 Но вотъ и Дездемона; пусть она
 Сама расскажетъ вамъ.

(Входятъ Дездемона, Яго и свита.)

ДОЖЬ.

Я думаю

О томъ, что если-бы рассказъ его
 Слыхала дочь моя... О, добрый нашъ
 Брабанціо! устройте къ лучшему
 Все это. — Человѣкъ съ обломками
 Оружія вѣрше все-таки
 Сражается, чѣмъ вовсе безоружный...

БРАБАНЦИО.

Постойте-жь, слушайте ее; — и если
 Она признается, что съ доброй воли
 Покинула сѣдаго старика-отца, —
 О, пусть тогда проклятiе сожжетъ
 Сѣдныи эти, если я укоромъ
 Хотя однажды опозорю Мавра.
 Ко мнѣ, о благородная сипьйора!
 Ты не замѣтила, о дочь моя,
 Средь этого блестящаго собранья

Того, кто столько правъ святыхъ имѣть
На все вниманіе твое?

ДЕСДЕМОНА.

Отецъ!

Судьба ужъ раздѣлила право это.
За жизнь, за воспитаніе свое,
Обязана я вамъ — и это все
Меня заставитъ уважать васъ вѣчно.
Вы были повелителемъ мопмъ.
По праву, — и, какъ жепщица, до сей
Поры была я только дочь... но — вотъ
Мой мужъ. — Какъ мать моя повиновалась
Вамъ предпочтительно передъ отцомъ
Своимъ, — такъ я должна покорной быть
Супругу своему Отелло.

БРАБАНЦЮ.

Да сохранитъ васъ Божья благодать! —
Я кончилъ... *(Дожу)* Не угодно-ль перейти
Теперь къ дѣламъ общественнымъ. — О, легче
Любить приемыша, чѣмъ милое
Дитя, изъ крови сердца нашего
Рожденное... Отелло! подойди
Ко мнѣ. Я отдаю ее тебѣ
Отъ всей души, — ее, которую
Отъ всей души хотѣлъ-бы я хранить
У своего покинутого сердца...
Но ты уже владѣешь ею, Мавръ...
Мое сокровище! о дочь моя!
Я радъ, что не имѣю больше васъ...
Поступокъ твой заставилъ-бы меня
Жестокимъ быть, — заставилъ-бы меня
Ковать дѣтей цѣпямъ... Дожъ! я кончилъ.

ДОЖЬ.

Позвольте-жъ мнѣ за васъ договорить,
Синьйоръ! — Позвольте, убѣжденіе
Свое сказать, — и пусть оно поможетъ
Супругамъ молодымъ опять войти

Въ любовь и милость вашу. — Если мы
 Всѣ средства истощили для того,
 Чтобы отвести ударъ, и выпили до дна
 Всю чашу горя — легче намъ тогда,
 И сердце вновь знакомится съ надеждой...
 Оплакивать бывое горе — значить
 Вновь это горе на сердце собирать.
 Кто переноситъ гордо, хладнокровно
 Удары неизбежныя судьбы, —
 Тотъ самъ смѣется падъ судьбою...
 Окраденный самъ крадетъ кое-что
 У вора равнодушною улыбкой;
 Горюя-жъ бесполезно, самъ себя
 Онъ добиваетъ только.

БРАБАНЦЮ.

Ну, такъ пусть

Отпнутъ Турки Кипръ у насъ; его,
 По-этому, ничуть не потеряемъ мы
 До-той-поры, пока своей потерѣ
 Смѣяться будемъ. Добрые совѣты
 Тому пріятны, кто пайдти умѣетъ
 Въ нихъ утѣшеніе; но терпѣть тотъ
 Вдвойнѣ — отъ горя и совѣтовъ дружныхъ,
 Кто долженъ взять займы терпѣнья,
 Чтобы расплатиться хоть съ одной печалью...
 Для утѣшенія или на смѣхъ
 Читаются совѣты эти намъ —
 Двусмысленны всегда они; — слова —
 Всегда слова... и я еще не слышалъ,
 Чтобы въ истинно-растерзанное сердце
 Могли слова пустыя проникать. —
 Я умоляю васъ, спяньоры, перейдемъ
 Теперь къ общественнымъ дѣламъ.

дожъ.

Для осады Кипра Турки дѣлаютъ огромныя приготовленія. —
 Отелло, вы, конечно, лучше другихъ знаете крѣпкое положеніе
 этого острова; и — хотя мы имѣемъ тамъ совершенно-достой-
 наго офицера, — между-тѣмъ общее мнѣніе, этотъ полновла-

стный рѣшитель событій, слишкомъ самоувѣренно указываетъ на васъ; — изъ благодарности вы должны пожертвовать восторгами еще поваго счастья для предпріятія труднаго и опаснаго.

ОТЕЛЛО.

Привычка — деспоть; для меня теперь,
 Достойные снѣйоры, одръ желѣзный,
 Да камень въ изголовьи — тотъ-же пухъ
 На полѣ битвы.... Признаюсь — война,
 Ея опасности, труды, лишенья,
 Дарятъ мнѣ много, много наслажденья....
 Я радъ идти противу Оттомановъ,
 Но, преклонивъ главу мою, молю
 Васъ о женьѣ: не дайте ей замѣтить,
 Что безъ меня, она здѣсь — сирота....

ДОЖЬ.

Она остаться можетъ, если вамъ
 Угодно, у отца.

БРАБАНЦЮ.

Я не хочу.

ОТЕЛЛО.

Ни я.

ДЕСДЕМОНА.

Ни я. — Милувшей горестн
 Своимъ присутствіемъ я не хочу —
 Напоминать ему. — Не правда-ли,
 Не захотите вы, великодушный Дождь,
 Отвергнуть искренней мольбы моей? —
 Она проста и такъ естественна,
 Снѣйоръ....

ДОЖЬ.

Что-жь вамъ угодно, Десдемона?

ДЕСДЕМОНА.

Что истинно и глубоко люблю
 Я Мавра — въ этомъ всѣхъ завѣрить можетъ
 Моя рѣшимость — раздѣлить труды

Его опасной доли; — для него
 Сдастся, полюблю я робкимъ сердцемъ
 И самую войну; — лицо Отелло
 Я видѣла въ душѣ его великой, —
 И душу, и судьбу свою охотно
 Я посвятила доблестной судьбѣ
 Его. — И вотъ опъ безъ меня пойдетъ
 На всѣ опасности войны, и я
 Останусь чуждою той доблести,
 Которой опъ очаровалъ меня...
 И, грустная, должна я много дней
 Тяжолыхъ пережить далеко отъ него....
 Позвольте, Дождь, мнѣ слѣдовать за Мавромъ.

ОТЕЛЛО.

Спийоры! — ваши голоса, спийоры...
 Пусть вольно выберетъ она дорогу,
 Я умоляю васъ. — Свидѣтель небо —
 Теперь я забываю страсть свою;
 И васъ прошу объ этомъ не за тѣмъ,
 Чтобъ наслажденіемъ залить огонь
 Ея... О вѣтъ! по только, чтобъ душѣ
 Ея покой и счастье подарить.
 И пусть проститъ вамъ небо, если вы
 Подумать можете, что чрезъ нее
 На мигъ забуду я свой важный подвигъ....
 Да, если страсть оцѣпенитъ мой духъ
 Презрѣнной слабостью, забвениемъ долга, —
 Пусть бабы шлемъ мой боевой поставятъ
 Между своихъ горшковъ, и имя Мавра
 Пусть заклеятъ на вѣкъ пятно позора.

ДОЖЬ.

Рѣшите-жъ сами это, какъ хотите....
 Межъ-тѣмъ опасность все растетъ,
 И вамъ спѣшить необходимо. Вы
 Должны уѣхать въ эту ночь.

ДЕСДЕМОНА.

Теперь,

Спыйоръ мой, въ эту ночь?

ДОЖЬ.

Да! въ эту ночь.

ОТЕЛЛО.

Отъ всей души.

ДОЖЬ.

А по-утру, часу
Въ девятомъ, мы увидимся опять,
Спыйоры, здѣсь. — Отелло! вы оставьте
Здѣсь офицера своего — онъ вамъ
Доставитъ вѣсть о томъ, на что рѣшима;
А между-тѣмъ онъ можетъ выполнить
И ваши порученья.

ОТЕЛЛО.

Если вамъ

Угодно — я оставлю моего
Знаменоносца; въ вѣрности его
И честности я убѣжденъ; ему
Я поручу заботы о женѣ,
И все, чѣмъ вы, синыйоръ, снабдите меня
Благоволите.

ДОЖЬ.

Это кончено. —

Спыйоры! доброй ночи. — Да, Брабанцио,
Мой благородный другъ! вѣдь правда, что
Прямая доблесть не нуждается
Въ мишурной красотѣ.... п зять вашъ Мавръ
Прекрасенъ, — хоть и чоренъ онъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Прощайте, храбрый Мавръ! Блаженствуйте
Любовью Дездемоны.

БРАБАНЦИО.

Но гляди

За нею, Мавръ; но не спускай очей
Съ нея; она съумѣла обмануть

Отца, — обманетъ и тебя коварно.

(Дождь, сенаторы и офицеры уходятъ).

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, жизнию ручаюсь за нее!...

Итакъ, мой честный Яго, Дездемону

Оставлю твоему усердью я;

Пусть ей сопутствуетъ твоя жена,

И въ добрый часъ устрой ты ихъ отъѣздъ.

Ко мнѣ, мой ангелъ Дездемона!... Часъ,

Часъ только намъ остался для любви,

Бесѣды, пѣжныхъ о тебѣ заботъ ...

Что-жъ дѣлать? — повинемся судьбѣ!...

(Отелло и Дездемона уходятъ).

РОДРИГО.

Яго!

яго.

Ну, что ты скажешь, доблестный Родриго?

РОДРИГО.

А! угадай, на что рѣшился я?

яго.

Дѣло видимое — добратся до койки, да на боковую.

РОДРИГО.

Я хочу утопиться, — непосредственно утопиться.

яго.

Топись — пожалуй; — но если ты это сдѣлаешь — конечно! я перестану любить тебя. Да и для чего-бы это, многоумный спяворъ мой?

РОДРИГО.

Да, для того, Яго, что глупо-же жить, когда жизнь одно мучение, — и если къ-тому-жъ единственный лекаръ намъ смерть, то и слѣдуетъ, что при этомъ разѣ должно умереть.

яго.

О бѣдный! бѣдный! — Я гляжу на міръ уже цѣлые двадцать-восемь лѣтъ, и съ-тѣхъ-поръ, какъ научился различать благо-дѣянія отъ оскорбленій, ни разу не встрѣтилъ еще человѣка, который-бы постигъ великое искусство — любить себя.... И прежде — сказалъ-бы я — чѣмъ топиться изъ любви къ какой-нибудь дѣвчонкѣ, прежде я-бы обмѣнялся своимъ человѣчествомъ съ любою обезьяной.

РОДРИГО.

Да что-жь я буду дѣлать? Признаться, оно и самому мнѣ какъ-то неловко отъ этой дури, да какую-жь добродѣтельную поможешь ты горю?

яго.

Добродѣтелю! фи! — Быть тѣмъ или другимъ зависить чисто отъ насъ. Тѣло наше — садъ, садовникъ — воля: и — разводимъ-ли мы крапиву или сѣмъ латукъ, выращиваемъ иссопъ или тимъ, лелѣемъ одинъ родъ травъ, или вырываемъ съ корнемъ другой, дѣлается-ли этотъ садъ отъ безпечности нашей безплоднымъ или, въ-слѣдствіе труда, приносить плодъ обильный — все, все это въ нашей волѣ. — Если-бы на вѣсахъ нашей жизни чашка разума не была въ равновѣсїи съ чашкою страстей, то бурное волненіе крови и пошлыя желанія нашей природы приводили-бы насъ всегда къ самому бѣдственному концу; — но мы имѣемъ разумъ, который укрощаетъ наше бѣшеное чувство, жажду наслажденія, наши неумиримыя страсти.... Изъ чего и слѣдуетъ, что эта вещьца, которая у васъ зовется любовью — просто, сухая дрянь, которую садовникъ хладнокровно обсѣкаетъ на старыхъ деревьяхъ....

РОДРИГО.

Ну, это ужъ вздоръ, Яго.

яго.

Просто — лишній градусъ волненія крови, маленькая уступка со стороны воли. Ну, перестань-же, — будь человѣкомъ! — Ты хочешь утопить себя?.. вѣдь топятъ только кошекъ, да слѣпыхъ щенятъ. — Я объявилъ уже себя твоимъ другомъ, и повторяю еще, что я связаю съ твоими интересами самыми неразрыв-

ными узами. — Я не могу никогда лучше услужить тебѣ, какъ именно теперь... Нужно только застаться тебѣ порядочнымъ кошелькомъ... Слѣдуй за нами на войну; не мѣшаетъ пакленть бороду, чтобъ не быть, знаешь, такимъ хорошенькимъ... Ну, и опять я говорю, наполни порядкомъ кошелекъ свой... Дѣло рѣшеное — Дездемона не будетъ долго иѣжинчать съ своимъ Мавромъ... не мѣшаетъ, помни, застаться деньгамъ... такъ точно какъ и Мавръ съ нею. Начало-то было у нихъ слишкомъ-горячо, — повѣрь, что также скоро пойдетъ дѣло и къ концу... не забудь только о полновѣсности кошелка своего... Эти Мавры — пародъ не слишкомъ-то постоянный... дѣло въ томъ, чтобъ кошелекъ твой не истощался... самый лакомый кусочекъ скоро покажется ему горьче полыни. — Уже потому, что она молода, она должна перемѣниться. Пусть только насытитъ съ Мавромъ первую страсть — и она захочетъ поправить ошибку своего выбора. Она должна перемѣниться, — должна, повторяю я... между тѣмъ наполни получше кошелекъ свой. Если ужъ непременно хочется пропасть тебѣ — все-жъ можно выдумать для этого способъ поделикатнѣй, нежели просто утопиться... Припаси золота какъ-можно больше... Если мой геній и всѣ силы ада не уничтожатъ этого союза и всѣхъ пустыхъ клятвъ между варварійскимъ бродягою и хитрою Венеціанкой — изъ нея перепадетъ таки кое-что и на твою долю... только, ужъ знаешь—деньги въ этомъ разѣ чисто необходимы... Сдѣлай дружбу, Родриго, не топись! — Выбрось изъ головы мысль эту! Это, чисто, вѣ всякаго разсчета: расчитывай лучше на то, какъ-бы скорѣе вѣситься на шею своей богинѣ, ¹⁰⁾ нежели топиться, не вкусивъ отъ запрещеннаго древа.

РОДРИГО.

А будешь ты помогать исполненію надеждъ моихъ, если я стапу дожидаться?

яго.

О, я твой, — будь увѣренъ! — Иди-ка, да похлопочи о деньгахъ. Я часто говорилъ тебѣ прежде, опять и опять повторяю теперь, что Мавра я ненавижу; ненависть моя глубоко запала въ сердце; твоя должна имѣть не меньше основанія, — и мы теперь соединимся для мести. — Если ты сможешь опозорить его, то и себѣ доставишь удовольствіе, и мнѣ нѣсколько развлеченія

Много, о! много въ пространствахъ грядущаго кроется очерковъ событій, которые время скоро воззоветъ къ бытію... Ну, впередъ, маршь! Добывай денегъ! Завтра потолкуемъ больше. Прощай!

РОДРИГО.

Гдѣ-жъ мы завтра встрѣтимся?

яго.

Да у меня-же.

РОДРИГО.

Я приду къ тебѣ пораньше.

яго.

Ну, иди-же, прощай! Слышишь Родриго?

РОДРИГО.

Что?

яго.

Не топись! слышишь?

РОДРИГО.

Нѣтъ; — я уже раздумалъ. Продамъ всѣ свои земли.

яго.

Дѣло! — Ну, ступай-же. Прощай. Да какъ можно побольше золота въ кошелекъ!..

(Родриго уходитъ).

Вотъ такъ-то у меня всегда глупцы
Работаютъ для моего кармана...
Да и не глупо-ль тратить опытность
Свою съ подобными шутами, если-бъ
Я не выгадывалъ себѣ при этомъ
И удовольствіе и пользу. — Мавра
Я не завижу... Ну, а тутъ еще
Друзья со всѣхъ сторонъ кричатъ, что опъ
Вступалъ во временную должность
За пологомъ моей постели...
Хоть въ этомъ я еще не убѣжденъ
Дѣйствительно, — по подозрѣнію
Въ такихъ вещахъ заставить поработать

Съ такую-жъ ревностью, какъ очевидность...
 Онъ довѣряетъ мнѣ, — моп навѣты
 Падуть ему на сердце. Кассіо
 Здѣсь чисто золото — не человѣкъ...
 Теперь посмотримъ: получить его
 Мѣстечко, мщеніе свое насытить,
 Двойная ловкость, Яго!.. Но вѣдь какъ?
 Но какъ?.. А вотъ посмотримъ... Да, спустя
 Немного времени, сказать Отелло
 Такъ... стороной... что Кассіо пемножко
 Фампльяреть съ Десдемопой...
 Его фигурка, сладенькія рѣчи
 Для ревности все-жъ значать что-нибудь...
 Онъ сотворенъ для женскаго грѣха!..
 А Мавръ такъ простъ, довѣрчивъ къ честнымъ людямъ,
 Довѣрчивъ ко всему, что носитъ маску
 Дурацкой честности... И, какъ осель,
 Водить себя за носъ позволить... Да!
 Начало сознаю... а почъ п адъ
 Произведуть на свѣтъ — чудовище!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Городской приморскій портъ на островѣ Кипрѣ.

Платформа.

ВХОДЯТЪ МОНТАНО И ДВА ОФИЦЕРА.

МОНТАНО.

А что, не видно-ль на морѣ чего?

1-й офицеръ.

Да ровно ничего. Валу, гремя,
Холмами ходять. Межь небесъ и моря
Нѣтъ мѣста парусу заполоскаться.

МОНТАНО.

Да, бурно ураганъ ведетъ съ землей
Свою бесѣду: никогда подобный
Не бушевалъ по стѣнамъ крѣпостнымъ;
И если также бѣшено свистить
На морѣ онъ — дубовые бока
Не сдержатъ патиска пывучихъ горъ.
Какія вѣсти будутъ, Боже мой!...

2-й офицеръ.

Не дурны, — ураганъ разсѣетъ флотъ
Турецкій — это вѣрно! — Подойдите
Сюда на берегъ, пѣною облитый,
Смотрите, какъ валы чудовищнымъ
Хребтомъ тѣсятъ ряды косматыхъ тучъ,
Желая словно потушить своимъ
Ключомъ горящую Медвѣдицу,
И свѣтлыхъ стражей полюсовъ педвпжныхъ.
Я не вдалъ еще морской пучины
Въ такомъ ужасно-яроетномъ разгулѣ.

МОНТАНО.

Да, если только Турки не успѣли
Поставить корабли на рейдъ — они
Погибли.

(Входитъ третій офицеръ.)

3-й офицеръ.

Вѣсти, господа! Война
Окончена. — Спасибо бурѣ... да!
Она такъ расчесала флотъ певѣрныхъ,
Что планамъ ихъ уже не исполняться.
Одинъ изъ благородныхъ кораблей
Республики намъ эту вѣсть привезъ; —

Онъ видѣлъ гибель большей части флота.

МОНТАНО.

Возможно-ль, справедливо-ль это?

3-й офицеръ.

Да!

Корабль, принесшій эту новость, здѣсь.
Онъ изъ Веропы. — Флорентинецъ Кассио,
Недавній лейтенантъ Отелло, вышелъ
Уже на берегъ; — знаменитый Мавръ
Плыветъ за нимъ; ему поручена
Вся власть на нашемъ островѣ.

МОНТАНО.

Я радъ

Отъ всей души: — Отелло былъ всегда
Начальникомъ достойнымъ.

3-й офицеръ.

Но хотя

Онъ намъ принесъ и радостную вѣсть
Объ истребленіи враговъ — въ очахъ
Его однако-же видна тревога;
Онъ молить у судьбы спасенья Мавру...
Ихъ корабли шли вмѣстѣ, только ночью
Ихъ бурей разогнало.

МОНТАНО.

Да спасутъ

Его святые Небеса! — Когда-то
Я подъ начальствомъ у него служилъ —
Онъ властвуетъ, какъ истинный солдатъ.
Идемъ-же на берегъ; посмотримъ тамъ
Привышій къ намъ корабль, — а, можетъ-быть,
Что и Отелловъ парусъ мы увидимъ: —
Мы жадно взоры устремимъ на волны —
Пока вечернимъ паромъ не взойдутъ
Онъ подъ небеса.

3-й офицеръ.

Идемъ. Теперь
Мгновенно каждое ведетъ съ собой
Рядъ повиыхъ происшествiй.

(Входитъ Кассiо).

КАССИО.

Благодарный

Привѣтъ мой храбрымъ Кипрiотамъ,
Умѣющимъ цѣнить Отелло... О,
Да защитятъ его святыя силы
Противъ стихiй; я потерялъ его
Въ опасномъ мѣстѣ.

МОНТАНО.

А надеженъ-ли

Корабль его?

КАССИО.

Корабль построенъ прочно,
И кормчiй опытенъ, пеустрашимъ, —
Я не хочу несчастья наклика́ть,
И твердо вѣрую въ его спасенье...

*(Голоса извнѣ: Парусъ! парусъ! парусъ!).**(Входитъ офицеръ).*

КАССИО.

Что значить этотъ шумъ?

4-й офицеръ.

Весь городъ пустъ;
Толпы народа упизали берегъ —
И берегъ стопеть крикомъ: парусъ! парусъ!

КАССИО.

Мнѣ тайный голосъ сердца говоритъ,
Что тамъ нашъ генераль.

(Слышенъ выстрѣлъ).

2-й офицеръ.

Вотъ съ корабля

Салютъ. О, это наши!

КАССИО.

Господа,

Скорѣй, скорѣе кто-нибудь на берегъ. —
Узнайте, кто прѣхалъ.

2-й офицеръ.

Я бѣгу.

(Уходитъ).

МОПТАНО.

Скажите, лейтенантъ, что генералъ —
Женать?

КАССИО.

И какъ нельзя счастливѣй. Опъ

Владѣеть женщиной, которая
Далеко выше всѣхъ о ней разказовъ
Кочующей молвы, — далеко выше
Всѣхъ описаній льстиваго пера, —
И если можетъ совершеннымъ быть
Созданіе земли — жена Отелло
Вѣнецъ земнаго совершенства.

(Входитъ офицеръ).

Ну, что-же... кто прибылъ на корабль?

2 й офицеръ.

Знаменопосецъ генерала, Яго.

КАССИО.

Да, это слшскомъ-скоро и счастливо. —
И горы волпъ, и бурный ураганъ,
И острыхъ скалъ гребнистые ряды,
И мели — вѣроломные враги
Судовъ невпныхъ — все, склоняся, пало
Предъ дивомъ красоты, и, затапвъ
Глубоко жажду гибели и зла,
Легѣяло корабль, принесшій къ намъ
Прелестнѣйшую Дездемону.

МОПТАНО.

Кто

Она?

КАССИО.

Та, о которой говорплъ
 Я вамъ. Она — властитель нашего
 Велпкаго начальника, Отелло.
 Опъ поручалъ ее заботамъ Яго, —
 И надобно сказать, что бравый Яго
 Опередилъ самое ожиданье,
 Успѣвъ прибыть на островъ за семь дней.
 Великій Юпитеръ! храни Отелло.... мощнымъ
 Дыханіемъ своимъ падуи его вѣтрила;
 Скорѣй обрадуи гордымъ кораблемъ
 Его нашъ рейдъ, — и страстную тревогу
 Крови его горячеи успокой
 Въ объятяхъ Десдемоны. — Только опъ
 Для новой доблести разбудить насъ
 И успокоитъ островъ. -- Посмотрите....

(Входятъ Десдемона, Эмилиа, Яго, Родриго и слуги).

Глядите — драгоценность корабля
 На берегу уже. — Склоните-же
 Предъ ней колѣна ваши, Кипріоты; —
 Привѣтъ мой благородной Десдемонѣ, —
 Да осѣнитъ васъ благодать небесъ!

ДЕСДЕМОНА.

Благодарю васъ, добрый Кассіо!
 Какія новости вы можете
 Сказать мнѣ о моемъ супругѣ?

КАССИО.

Опъ

Еще не прибылъ къ намъ; но сколько я
 Могу судить — опъ внѣ опасности
 И скоро будетъ здѣсь.

ДЕСДЕМОНА.

А между-тѣмъ

Меня невольнo грусть томить. Гдѣ вы
 Его оставили?

КАССИО.

Ужасная

Борьба межъ небомъ и морской пучпой
 Насъ разлучила.... Слышатель?... Корабль!
 (Въ отдаленіи слышны крики: «Парусъ! парусъ!» Слышенъ
 выстрѣлъ).

2-й офицеръ.

Опъ салютуетъ крѣпости; корабль
 На вѣрно пашъ.

КАССИО.

Узнайте, кто пріѣхалъ. (Офицеръ уходитъ).

Да будетъ опъ благословепъ, пріѣздъ
 Вашъ, Яго! (Эмилиа). Мой привѣтъ сивъйоръ! (Целуетъ ее).
 Ну, не сердись-же, добрый Яго, что
 Неможко вольпичаю я: — меня
 Воспитывали такъ, что въ этомъ смѣломъ,
 Быть-можетъ, пѣсколько поступкѣ, я
 Хочу быть только вѣжливъ.

яго.

О сивъйоръ!

Пусть будетъ только такъ щедра она
 Для васъ на поцѣлуп, какъ для Яго
 На язычокъ, — клянусь, пріѣтется скоро.

ДЕСДЕМОНА.

Увы! она почти не говоритъ.

яго.

Не говоритъ!?... клянусь вамъ, — слишкомъ много...
 И только чуть задремлешь.... тутъ она
 Какъ-разъ уже разговорится. — Да,
 При васъ, сивъйора, язычокъ она
 Хоронитъ въ сердце, — правда! — да за то
 Ужъ какъ работаетъ-то сердце...

эмплиа.

Откуда-жъ это убѣжденье, Яго?

яго.

Ну, ну, жена — ужъ лучше перестань!

Всѣ бабы вы — невпшыя картинки,
 Чуть только ступите за свой порогъ;
 За то ужь дома — что твой колокольчикъ!
 Вы словно кошки дпкія на кухнѣ;—
 Когда кусаетесь — святые вы;
 Святую-жъ эту только зацѣпи
 И станетъ ангельчикъ чертенкомъ... право!
 Хозяйство вамъ — игрушка, но за то
 Ужъ слишкомъ вы хозяйки — на постелѣ...

ДЕСДЕМОНА.

Фп, злаязычникъ!

ЯГО.

О, синьора, нѣтъ, —
 Я только истину сказалъ. — И пусть
 Я буду Турокъ, если это ложь.
 Для вздора часто вы встаете съ ложа,
 И только съ доброй цѣлю ложитесь:

ЭМПІЯ.

Ужъ не тебѣ, конечно, поручла-бъ
 Я похвалить себя.

ЯГО.

Да и умно-бъ
 Ты это сдѣлала, жена.

ДЕСДЕМОНА.

А что

Сказалъ-бы ты, когда-бъ меня хвалить
 Пришлось, Яго?

ЯГО.

Васъ? — О пощадите...
 Для сладенькихъ рѣчей я чисто нѣмъ,
 И съ ними ровню ничего не стою.

ДЕСДЕМОНА.

Что нужды! испытай! — Пошелъ-ли кто
 На пристань?

яго.

Да, спыйора!

ДЕСДЕМОНУ.

Какъ-то мнѣ

Невесело.... Но я хотѣла-бы
Притворствомъ обмануть тоску свою....
Ну, какъ-же-бъ похвалить меня ты, Яго?

яго.

Я погружаюсь въ мысль, по въ мысляхъ пусто....
Овѣ присохла словно къ мозгу. — Нужно
Оттуда выгнать ихъ. А!... вдохновеенье!...
Вотъ что мнѣ муза пзрекла, спыйора:
Умна и хороша.... пу, умъ пусть служить,
А красота — знай тѣшится, не тужить.

ДЕСДЕМОНА.

Вотъ странная манера похвалы....
А что-бъ сказалъ ты женщигѣ, — положимъ,
Отличной по уму, по безобразной?

яго.

Не хороша.... да только-бы съ умомъ, —
Утѣшится съ хорошенькимъ глупцомъ!

ДЕСДЕМОНА.

Да это хуже прежняго еще!

ЭМИЛИЯ.

Ну, Пшеія.... а дурочкѣ смазливой?

яго.

Ихъ вовсе пѣтъ: — у каждой толку станеть,
Шутя себѣ наслѣдника оставить.

ДЕСДЕМОНА.

Все это старыя и глупыя прибаутки, годныя для того только,

чтобъ смѣшпть дураковъ въ трактирахъ. И что-же послѣ этого изречете вы той несчастной, которая и глупа и безобразна?

яго.

О, самыя уродливыя дуры
Умѣютъ тоже лихо строить куры! —

ДЕСДЕМОНА.

Какой тяжолый вздоръ! Самую худшую хвалишь ты больше всѣхъ. — Но какъ-бы воспѣлъ ты женщину дѣйствительно достойную, — ту, предъ которою невольно склопается самое ядовитое злословіе?

яго.

Та женщина, въ которой съ красотою
Нѣтъ глупаго тщеславья съ суетою;
Которая прекрасно говоритъ,
Но во время и кетати промолчить;
Которая богата на добро
И разсыпаетъ золото умно;
Которая, хоть скажетъ: «я-бъ могла»!
Умно прибавитъ: «отойду отъ зла»!
Которая прощаетъ оскорбленья,
И зная средства мстить, не знаетъ мщенья;
Которая на тощій хвостъ семги
Не промѣняетъ щучей головы; 11)
Въ которой мыслить здраво свѣтлый умъ,
Не открывая заповѣдныхъ думъ;
Которая влечетъ широкій рядъ
Вдыхателей, но не глядитъ назадъ; —
Она-бъ годилась... печего сказать...

ДЕСДЕМОНА.

На что?

яго.

Ребятъ кормить, да пиво продавать.

ДЕСДЕМОНА.

О, это самое невѣрное и вздорное заключеніе!... Не вѣрь

правствепнымъ убѣжденіямъ его, Эмплія, хоть онъ и мужъ твой. Не правда-ли, Кассіо, сужденія его довольно-плоски, и онъ не слишкомъ стѣсняется выраженіемъ ихъ?

КАССИО.

Это, снпійора, не больше, какъ ходячія прибаутки кстати. Онъ скорѣе поправился-бы вамъ съ мечомъ въ рукѣ, нежели съ философіей на устахъ.

(Десдемона дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, чтобы удалиться; Кассіо приближается къ ней, и, провозжая, беретъ ее почитительно подъ руку; нѣсколько жестовъ взаимной вѣжливости; Яго наблюдаетъ это съ насмѣшливою радостію.)

яго *(въ-сторону)*.

Онъ беретъ ее подъ руку; ну, такъ... такъ, шепчитесь нѣжнѣе, невинные голубочки... о, въ этой паутинѣ, Кассіо, скоро затрепещется большой слѣпень.... Да, улыбайся ей, улыбайся слаще; твои нѣжности совьютъ тебѣ, дружокъ, веревку; о, ты мастерски точишь балы смазливымъ бабенкамъ; кто объ этомъ и спорить; а все-таки за подобный вздоръ, право, жаль потерять лейтенантство... Ну, что изъ того, что ты такъ часто цѣлуешь свои пальцы, хоть ты и опять, вотъ! лобзаешь ихъ съ такою ловкостію... Славный поцѣлуй, — ей-Богу! — чудесная ловкость! кто объ этомъ и спорить. — И опять ваши пальцы у устъ вашихъ! О, изъ любви къ вамъ, снпійоръ Кассіо, — я-бы желалъ, чтобы брызнула изъ нихъ въ глотку твою всякая скверна... *(Звукъ трубы)* А, это Мавръ! я узнаю звукъ трубы его.

КАССИО.

Это дѣйствительно онъ.

ДЕСДЕМОНА.

Поспѣшимъ встрѣтить и принять его.

КАССИО.

Вотъ онъ идетъ.

(Входитъ Отелло и свита.)

ОТЕЛЛО.

О, моя прекрасная вонительница!

ДЕСДЕМОНА.

Мой милый Отелло!...

ОТЕЛЛО.

Я удивленъ и восхищенъ тобою,
 О Дездемона, счастье души
 Моей... О! если послѣ бурь всегда
 Такъ легко, счастливо на сердцѣ — пусть
 Бушуетъ ураганъ и гибельнымъ
 Дыханьемъ гонитъ смерть изъ пѣдръ пучины;
 Пусть мой корабль летаетъ по валамъ,
 Высокимъ какъ Олимпъ, — и кипутый
 Съ гребня ихъ въ глубь летитъ до двери ада...
 О смерть! иди ко мнѣ... я слишкомъ-счастливъ!
 Тамъ... дальше... у меня уже не будетъ
 Мгновеній тише и святѣ этихъ...

ДЕСДЕМОНА.

О, да помилуетъ тебя Господь!
 Пусть наше счастье и любовь растутъ
 И множатся день за день!

ОТЕЛЛО.

О, услышите,
 Святые ангелы, ея молитву!
 Я не могу сказать всего, чѣмъ мысль
 Моя полна... Ахъ, сколько чувства здѣсь —
 А слово пусто, холодно... За-чѣмъ
 На мигъ одинъ ты, счастье мпогихъ лѣтъ!...
 Цѣлуй меня, цѣлуй!...

(Цѣлуетъ ее нѣсколько разъ.)

И пусть лишь споръ

За эти поцѣлуйи иногда
 Встревожитъ миръ грядущихъ нашихъ дней...

яго (съ-стороны).

Да, вы теперь поете такъ согласно...
 Но эту музыку рѣчей разстрою-жь я,
 Клянуся честію, разстрою!

ОТЕЛЛО.

Ну,

Идемъ теперь мы въ крѣпость. — Новости,
Друзья! Война окончена, — враги
Перестопились. — Какъ живутъ, скажите,
Старинные знакомцы наши здѣсь?

(Дездемона.)

О, ангелъ мой! повѣрь, что искренно
Тебя полюбятъ Кипріоты: всѣ
Они такъ пестинно и много преданы
Отелло твоему. О милая!
Я говорю, и самъ не понимая
Своихъ рѣчей... и мысль моя и сердце
Въ такомъ восторженномъ бреду... *(Яго)* Сходи,
Мой Яго, къ пристани, вели свести
Дорожный чемоданъ мой съ корабля,
Да приведи съ собою въ цитадель
И кормчаго — что за липхой морякъ!
Онъ заслужилъ признательность мою
И уваженіе. Ко мнѣ, ко мнѣ,
О Дездемона! столько счастливъ я
Тебя встрѣчая въ Кипрѣ!.

(Отелло, Дездемона и свита уходятъ.)

яго.

Ты пойдеши меня теперь въ гавани. Приходи туда. Но слушай, Родриго, — если есть у тебя то, что зовутъ сердцемъ, — слушай! — (Вѣдь говорятъ-же, что и самые малодушные, когда думаютъ, что любятъ они, одушевляются какимъ-то благородствомъ, незнакомымъ ихъ природѣ.) — На эту ночь въ караулъ наряженъ лейтенантъ: и прежде всего долженъ сказать я тебѣ, что Дездемона рѣшительно влюблена въ него.

РОДРИГО.

Въ него? вздоръ! это невозможно!

яго.

Палецъ на уста — вотъ такъ .. и я объясню тебѣ все дѣло. —
Замѣть себѣ, какъ бурна была сначала любовь ея къ Мавру, —

а причина? его тщеславіе, Родриго, да великолѣпная ложь, только!... И ты скажешь, что она долго будетъ любить его за эту болтовню? Нѣтъ! не думай такъ, Родриго! — Нужно же глазамъ ея успокоиться, — насытиться, что называется, — а что за радость вѣчно созерцать такого дьявола, — прости меня Господи!... Когда остываетъ кровь и притупляется поемпогу жажда наслажденія, такъ для того, чтобы опять воспламенить ее и создать новыя желанія, нужна красота формы, извѣстное отношеніе лѣтъ, благородная манера, нужно все то, чего нѣтъ у Мавра; и не находя въ немъ ничего этого, нѣжность чувства Деседемоны скоро исчезнетъ, и мѣсто ея сначала заступитъ равнодушіе, а потомъ и отвращеніе къ Мавру; сама природа разбудитъ въ ней то и другое, и, естественно, заставитъ сдѣлать новый выборъ. Теперь, — такъ-какъ мы согласились уже въ этомъ, — (для меня, по-крайней-мѣрѣ, оно ясно какъ день) теперь, говорю, рѣши самъ, кто на лучшей дорогѣ достигъ этого счастья... Кассіо, очевидно! — О, это смѣтливый и тонкій балагуръ, и именно съ тою степенью совѣсти, чтобы умѣть ноступками приличными и по виду честными отвести вниманіе отъ низкихъ, но слишкомъ-хитро скрываемыхъ намѣреній своихъ; подобнаго ему не знаю я, право, не знаю; о хитрости плутовъ, ловкѣй плутовъ, — пайди и ухватиться за случай — это его дѣло; по глазамъ такъ и скажешь, что это совершеннѣйшій человекъ, — да на дѣлѣ другое! дьявольскій плутовъ! — Къ тому-жъ, Родриго, онъ и прекрасенъ, молодъ, имѣетъ бездну другихъ достоинствъ, которыя всегда кружатъ эти глупыя молодыя головки: преестествонный и опасный мошенникъ... и женщина уже замѣтила его.

РОДРИГО.

Я не могу вѣрить послѣднему: она — олицетворенная добродѣтель.

яго.

Охъ, у всего есть свой конецъ, Родриго! — Вѣдь и впрямь, которое пьетъ она, красовалось прежде въ золотыхъ клятвахъ впонограда. — Будь она такъ чиста, какъ ты думаешь — полюбила-бъ ли она Мавра?... Вздоръ! вздоръ, Родриго! — Да развѣ ты и не замѣтилъ, какія штуки выдѣлывала она съ рукою Кассіо? Не замѣтилъ?...

РОДРИГО.

Правда, замѣтилъ что-то; по думаю, что это не болѣе какъ обыкновенная вѣжливость.

ЯГО.

Развратъ, клянуся этой рукою, развратъ! — это интродукція, это темный еще прологъ въ драму желаній нечестныхъ и сладострастныхъ. Губы ихъ сходились такъ близко, что дышаніи какъ-бы сливались въ поцѣлуй... Нечистые помыслы, Родриго! Когда эти взаимныя вѣжности ходятъ ужъ по знакомой дорожкѣ — отъ рукъ дѣло пойдетъ уже быстро и до другаго-прочаго... разумѣешь?... Ну, да! — Но тутъ-то надо дѣйствовать и памъ — и вы ужъ, синьйоръ, благоволите предоставить мнѣ честь поруководить немощно петерпѣніе Ваше. Я привелъ васъ сюда изъ самой Венеціи... Бодрствуйте-же эту ночь: я устрою дѣла такъ, что команду назначать вамъ; Кассіо васъ не знаетъ, — я буду вблизи васъ. — Найдите средство взбѣсить Кассіо, или горделиво выражаясь, или подшучивая надъ его дисциплиной, или чѣмъ-нибудь другимъ, какъ вамъ уже тамъ заблагоразсудится; случай тутъ самый лучший совѣтчикъ...

РОДРИГО.

Ладно, ладно....

ЯГО.

Онъ вспыльчивъ, синьйоръ, и бѣшенъ въ гнѣвѣ своемъ.... можетъ-быть онъ васъ еще и ударитъ.... О, заставьте его сдѣлать это; тогда я съумѣю поднять весь островъ, и мятежъ утихнетъ развѣ тогда только, когда на мѣсто Кассіо назначенъ будетъ другой.... Такимъ образомъ, всѣ препятствія падаютъ, и вы приближаетесь къ своимъ цѣлямъ, помощію средствъ, которыя я пушу потомъ въ дѣло; — а безъ того нѣтъ ровни никакой надежды на успѣхъ.

РОДРИГО.

Я сдѣлаю все это, если только найду какой-нибудь случай или возможность.

ЯГО.

За это ужъ я ручаюсь. — Идите-же сейчасъ въ крѣпость. Я пойду выгрузить вещи Мавра. — Прощайте.

РОДРИГО.

Прощай.

(Уходитъ).

яго.

Что Кассіо влюбленъ въ нее — я вѣрю;
 Что любитъ Кассіо она — почти
 И это вѣроятно. — Мавръ, — хоть я
 Его и ненавижу, — одаренъ
 Возвышенной и любящей душой
 И сердцемъ благороднымъ; — я увѣренъ,
 Что будетъ онъ супругъ внимательный
 И пѣжрый.... Да, признаться, я и самъ
 Люблю ее, хотя любовь моя.
 Питается не жаждой страсти, — пѣть!
 Пусть я грѣшу, но это — жажда мести!...
 О, мысль проклятая засѣла крѣпко тутъ, —

(Указываетъ на голову).

Что сладострастный Мавръ дереступалъ
 Когда-то за порогъ моей опочивальни, —
 И ядовитымъ минераломъ въ грудь
 Мою запала эта мысль.... Да, Мавръ!
 За бабу, баба.... Если-жъ не успѣю....
 Я жгучимъ ядомъ ревности искусно
 Твой гордый умъ и душу оболую....
 И если этотъ шутъ, котораго тащу
 Изъ самой я Венецыи за собой,
 Какъ добраго бульдога для охоты, —
 Сумѣетъ ловко повести дѣла —
 Я подцѣплю васъ, милый мой Мишель!
 Я отепечу ловко васъ предъ Мавромъ, —
 Вѣдь чуть-ли не имѣете и вы
 Претензіи на мой ночной колпакъ....
 И штука въ томъ, что я потомъ съумѣю
 У Мавра выслужить признательность,
 Любовь и благодарность, все за то,
 Что обтяну его ослиной шкурой,
 И міръ души на вѣки изгошю,
 И человѣка въ немъ я опозорю.... *(Кладетъ руку на лобъ).*
 Ты здѣсь уже, о мысль! — Но ходишь ты
 Еще туманнымъ, смутнымъ очеркомъ....

Да это такъ всегда.... Когда-жъ придетъ
Пора ползти коварству, — такъ оно
Само-себѣ найдетъ дорогу.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Улица.

(Входитъ герольдъ съ объявленіемъ, — за нимъ толпа народа).

ГЕРОЛЬДЪ.

Нашему благородному и храброму Отелло, получившему извѣ-
стіе о совершенной гибели турецкаго флота, угодно, чтобъ весь
народъ торжествовалъ эту счастливую новость пляской, потѣшны-
ми огнями и другими удовольствіями — какъ кому угодно, —
ибо кромѣ торжества по этому случаю, сегодня-же Отелло празд-
нуетъ и свою свадьбу. — По его волѣ объявляется это всепа-
родно. — Всѣ крѣпостныя ворота отпираются, и каждому пре-
доставляется полная свобода веселиться отъ настоящей поры,
то-есть, съ пяти часовъ вечера, до-тѣхъ-поръ, пока колоколъ
прозвучитъ одиннадцать часовъ. — Да благословитъ небо нашъ
островъ и нашего благороднаго генерала Отелло! (Уходитъ).

СЦЕНА III.

Зала въ крѣпости.

ВХОДЯТЪ ОТЕЛЛО, ДЕСДЕМОНА, КАССИО И СВИТА.

ОТЕЛЛО.

Сегодня, добрый мой Мишель, тебѣ
Я поручаю стражу городскую....
И запиная этотъ важный постъ,
Конечно, нужно быть благоразумнымъ,
И помнить строго дѣло межъ бездѣльемъ.

КАССИО.

Я передалъ ужь Яго пужные

Приказы; — между-тѣмъ и самъ сейчасъ
 Всѣ осмотрю посты.

ОТЕЛЛО.

Ну, хорошо;
 Нашъ честный Яго разумѣтъ дѣло.
 Прощай, Мишель; да поутру пораньше
 Зайди ко мнѣ, — намъ нужно кой о чемъ
 Потолковать съ тобой. — (Дездемона).

Теперь пойдѣмъ,
 Мой милый другъ; распоряженія
 Всѣ сдѣлапы, — пусть гѣшится народъ, —
 И наше счастье, Дездемона, близко....
 Прощайте! доброй ночи!

(Отелло, Дездемона и свита уходятъ. Входитъ Яго).

КАССИО.

Здорово, Яго; кажется, пора и намъ отправляться къ своему
 мѣсту.

ЯГО.

И, что вы, лейтенантъ! еще не было и десяти часовъ; — ге-
 пералъ покинулъ насъ такъ рано для своей Дездемоны. Намъ,
 конечно, не судить его за то, — вѣдь врядъ-ли пришлось еще
 ему и пошлать порядкомъ съ пею, — а кто не скажетъ, что
 это былъ-бы лакомый кусочекъ и для самого Юпитера.

КАССИО.

О, да! она женщина самая очаровательная!

ЯГО.

И, — за что ручаюсь я, — слишкомъ-жадная къ насла-
 жденію.

КАССИО.

Существо самое-нѣжное и безкопечно-восхитительное.

ЯГО.

Что за очъ, Кассіо! и что за страстное выраженіе у очей
 этихъ!

КАССИО.

Да, они такъ краснорѣчивы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, и такъ скромны.

ЯГО.

А когда говорить она, — не вызываютъ-ли на любовь они, эти чудесные звуки.

КАССИО.

Кляпуться, она совершенна.

ЯГО.

Охъ, да, Кассіо!... Пусть-же счастье осѣпнеть ихъ брачное ложе! Пойдемъ, лейтенантъ, у меня найдется еще бутылка добраго вина, а за порогомъ найдемъ пару, другую лихихъ кипріотовъ, которые съ радостью чокнутся за здоровье чорнаго Отелло.

КАССИО.

Только не теперь, мой добрый Яго! — Да и голова-то моя слишкомъ слаба для вина; — я боюсь его; — по моему-бы лучше, если-бъ товарищи выдумали что-нибудь другое для развлечения.

ЯГО.

Да вѣдь это, Кассіо, друзья наши... И при томъ стаканъ, одинъ стаканъ только; что придется на вашу долю больше — я пью за васъ.

КАССИО.

Я выпилъ уже сегодня вечеромъ одинъ стаканъ, и то съ условіемъ, чтобы вино развели водой, — а вотъ посмотри, я непохожъ уже и самъ на себя. — Да, это несчастная слабость, и я, конечно, не рѣшусь уже на новый пріемъ.

ЯГО.

Такъ то! И вы, послѣ этого, мужичка!.. Э, полпо-те, — да вѣдь почъ эта и назначена для шалостей только. Благородные друзья наши ждутъ этого — не дождутся.

КАССИО.

А гдѣ они?

яго.

Да вотъ за дверью. — Просите-ка ихъ.

КАССИО.

Пожалуй, но только мнѣ не хотѣлось-бы этого.

(Уходитъ).

яго.

Ну, еслибъ удалось теперь подлѣтъ

Еще хотя одинъ стаканъ выпя

Къ тому, что въ немъ играетъ ~~ж~~ порядкомъ, —

О, онъ тогда на ссору и на драку

Полезъ-бы, какъ собачка молодой

Моей снѣпшоры... А межъ-тѣмъ Родриго,

Безмозглый шутъ, которому любовь

Со всѣмъ, кажись, башку перевернула, —

Успѣлъ уже, во славу божества

Души своей, порядкомъ пализаться...

Опъ недалеко... Трое Киприотовъ,

Съ характеромъ отважнымъ, благороднымъ,

И слишкомъ-щекотливымъ въ дѣлѣ чести,

Краса и честь воинственнаго Кипра,

То-жъ осушили полные стаканы,

И впору явятся. — Теперь, среди

Ватаги этихъ пьяныхъ, нужно мнѣ

Съумѣть заставить Кассіо обидѣть

Какимъ-нибудь поступкомъ островитяшъ...

Но вотъ они идутъ; когда мечты

Мои осуществятся, — о, тогда

Ладья моя отважно полетитъ,

Гонимая и вѣтромъ и стремнипой...

(Входятъ Кассіо, Монтано и офицеры).

КАССИО.

Кляпуть небомъ — они меня поилъ больше, чѣмъ нужно.

МОНТАНО.

Э, вздоръ! — Какая-нибудь тамъ бутылка, пу, слово старого солдата.

яго.

Эй, вина! — шевелись!..

(Поетъ).

Чарочка по столику похаживаетъ,
Разумница поговариваетъ:
Солдатъ — человекъ
Не какой его вѣкъ, —
Такъ пусть-же вино онъ потягиваетъ.

Люди!.. вина!

(Приносятъ вино).

КАССИО.

Клянусь небомъ — славно ты поешь Яго!

яго.

Я выучилъ эту пѣсенку въ Англiи, — гдѣ пьютъ ужъ чисто на-славу, — какъ честный человекъ! — Всѣ ваши Датчане и Нѣмцы, и толстяки Голландцы, — пу, да выпьемъ-же что-ли?... не стоять ровню ничего противъ Англичанъ.

КАССИО.

Будто твой Англичанинъ и за-правду ужъ такой записной птухъ?

яго.

Какъ честный человекъ! Онъ шутя положить замертво пьяного Датчанина, онъ и не пошатнется перетянувши Нѣмца, и прежде чѣмъ успѣетъ пропустить въ глотку другую бутылку, у Голландца пойдетъ ужъ оно черезъ глотку.

КАССИО.

Здоровье нашего генерала!

МОНТАНО.

Я не прочь, лейтенантъ, — и потягаюсь такъ съ вамп.

яго.

О милая Англія!

(Поетъ).

Король Стефанъ, герой страны,
 Въ цѣлковый сшилъ себѣ штаны; —
 Но лишнее портной содрагъ!..
 За то и онъ ужъ слачи далъ —
 «Ты, проето, братецъ дрянн!» сказалъ.
 А онъ вѣдь парень былъ лихой,
 Не то, что ты такой-сякой...
 Такъ у него ужъ поучись —
 Въ кармапѣ нѣтъ — не горячись,
 А есть деньга — такъ шевелись! 12)

Эй, впа!

КАССИО.

Ну, братъ Яго, — да это еще лучше первой.

яго.

Хотите послушать еще ее?

КАССИО.

Нѣтъ; и я считаю того недостойнымъ своего званія, кто дѣ-
 лаетъ подобныя вещи. — Да!.. Всѣ мы подъ небомъ ходимъ.. и
 на небо пойдугъ всѣ души — и тѣ, которыя спасутся, и тѣ,
 которыя не спасутся.

яго.

Правда ваша, правда, добрый лейтенантъ!

КАССИО.

Что касается собственно до меня, — вѣдь я не оскорблю-же
 этимъ ни генерала, ни другихъ начальниковъ, — я надѣюсь
 быть спасеннымъ.

яго.

Я тоже, лейтенантъ!

КАССИО.

Да, да; хорошо! но пусть ужъ, Яго, я прежде... лейтенантъ

долженъ быть спасенъ прежде знаменосца... Но довольно объ этомъ, пора и за дѣло... О прости памъ, Боже! прегрѣшенія наша!.. Господа помпите свое дѣло!.. Не думайте, что я пьянъ... Вотъ мой знаменосецъ! это правая рука моя, а это лѣвая. — Я теперь не пьянъ уже... я могу очень-твердо стоять и очень-твердо говорить.

всѣ.

Совершенно-справедливо!

кассю.

Ну, и хорошо: а вамъ не должно и думать, что я пьянъ.

(Уходитъ).

монтано.

На платформу, господа, — перемѣнимъ стражу.

яго (Монтано).

Вы видѣли конечно офицера,
 Что первый выбѣжалъ отсюда; — вотъ
 Прямо солдатъ! соперникъ Цезаря!
 Какъ мастерски распоряжается
 Опъ въ дѣлѣ! — Но порокъ несчастный этотъ
 Потянетъ ровно столько-жъ, какъ и всѣ
 Достоинства его... Ахъ, жалокъ опъ!
 И я боюсь, чтобы довѣренность
 Къ нему Отелло — не была когда
 Нибудь причиною кровавыхъ смуть
 На островѣ, въ минуту слабости
 Его.

монтано.

А это развѣ съ нимъ случается
 Не рѣдко?

яго.

Да, обыкновенно — такъ,
 На сонъ грядущій... Если-бъ сутки были
 Изъ сорока восьми часовъ — такъ опъ
 И тутъ-бы не заснулъ, пока вино
 Не закачало-бъ колыбель его.

МОНТАНО.

Но это-жъ должно объявить Отелло!
 Быть-можетъ, этого не знаетъ онъ; —
 Или, по добротѣ своей, п знать
 Не хочетъ слабостей его, одни
 Достоинства въ немъ оцѣняя...
 Не такъ-ли?

(Входитъ Родриго).

яго (тихо).

Какъ, ты здѣсь еще, Родриго?
 Прошу-жъ тебя, бѣги за лейтенантомъ;
 Скорѣй! скорѣй!

(Родриго уходитъ).

МОНТАНО.

Ахъ, это жаль, что Мавръ
 Довѣрилъ важный лейтенантскій постъ
 Тому, кто постоянно пьянъ. — Сказать
 Объ этомъ Мавру было-бъ добрымъ дѣломъ...

яго.

Но я... вѣтъ, не рѣшусь я донести,
 Ни даже за прекрасный этотъ островъ,
 Я такъ люблю сивьора Кассіо!..
 Ахъ я отдалъ бы все, чтобъ исцѣлить
 Его отъ этой слабости... Но что за шумъ?
 Вы слышите?

(Крики извнѣ: «Помогите! помогите!» Вбѣгаетъ Кассіо, преслѣдуя Родриго).

КАССИО.

Ты негодяй, мерзавецъ!

МОНТАНО.

Въ чемъ дѣло, лейтенантъ?

КАССИО.

Ахъ, ты бездѣльникъ!

Меня учить! Да я тебя, уродъ,
 Какъ пробку вколочу въ плетенку эту.

РОДРИГО.

Какъ! бить меня!?

КАССИО.

Ты смѣешь разсуждать

Еще, животное!

(Бьетъ его).

МОНТАНО.

Ахъ, удержитесь

Мой добрый лейтенантъ, прошу васъ!

КАССИО.

Прочь!

Оставь меня! или, клянуся, я
Влѣплю тебѣ пощечину.

МОНТАНО.

Вотъ какъ!

Да вы, сивьюръ, пьяно...

КАССИО.

Я пьянъ?

*(Они дерутся).*яго *(тихо Родриго).*Бѣги! — скорѣе, говорятъ тебѣ;
Кричи, зови на помощь!*(Родриго уходитъ).*

Боже мой!

Ахъ, добрый лейтенантъ! — ахъ помогите!

О лейтенантъ!... сивьюръ мой! о Монтано...

Да падо-жъ развести ихъ господа!

Ну, стража... нечего сказать!

(Слышенъ набатъ).

Набатъ!

Ахъ, да ча-чѣмъ они волнуютъ островъ!...

За-чѣмъ тревожить городъ, чортъ возьми!

Молю васъ, лейтенантъ, остановитесь!

Да вы покроете на-вѣкъ стыдомъ

Себя...

(Входитъ Отелло и свита).

ОТЕЛЛО.

Что за причина шума?

МОНТАНО.

Ахь!

Я весь въ крови... я на смерть пораженъ...
Смерть и ему!

ОТЕЛЛО.

Остановитесь-же,
Остановитесь, ради вашей жизни!

ЯГО.

Стой! перестаньте! Лейтенантъ... Сипьйоръ
Монтано! Вы забыли, господа,
И мѣсто и обязанность свою...
Остановитесь! съ вами говорить
Вашъ генераль! Я честию заклинаю васъ,
Остановитесь!

ОТЕЛЛО.

Что это такое?

Откуда? какъ случилось все это?
Да развѣ Турки вы? — За-чѣмъ вы сами
Хотите сдѣлать надъ собою то,
Что запретило Небо Оттомапамъ?
Для чести христіанства, прекратите
Сей-часъ-же эту варварскую травлю...
Кто ступить шагъ одинъ для мести — тотъ
Не дорожитъ своею душою... да,
Движеніе это будетъ стоить жизни!
Пусть смолкнетъ этотъ страшный вопль; — за-чѣмъ
Тревожатъ островъ?... Ну, да говори-жь
Миѣ кто-пибудь: въ чѣмъ дѣлю? — Честный Яго!
Скажи! — и самъ ты этимъ пораженъ
Такъ глубоко, — скажи миѣ кто-же началъ?
Изъ дружбы, изъ любви ко миѣ, скажи!

ЯГО.

Не знаю, генераль! — Мгновеніе
Назадъ, мы всѣ здѣсь весело-болтали,

Такъ весело, какъ повобрачные
 Болтають первый вечеръ въ спальнѣ... **Вдругъ**
 Какъ будто что пашло на нихъ: мечи
 Сверкнули, — въ изступленіи кровавомъ
 Они схватились грудь-на-грудь... Но что
 Было причиной этой страшной ссоры
 Я не могу сказать... и пусть-бы лучше
 Пропали въ честной битвѣ эти ночи,
 Что принесли меня въ свидѣтели
 Несчастной ссоры этой...

ОТЕЛЛО.

Какъ ты могъ,
 Мишэль, до этого себя упизить?

КАССИО.

О пощадите! умоляю васъ...
 Я не могу вамъ ничего сказать.

ОТЕЛЛО.

Вы, храбрый мой Монтано, прежде были
 Всегда такъ енисходительны къ другимъ;
 Отъ ранней юности васъ отличали,
 Какъ человѣка самихъ стротихъ правилъ,
 И имя ваше славилось въ устахъ
 Мудрейшихъ; — такъ за-чѣмъ-же вы теперь,
 Свѣйгоръ, подобными поступками
 Грязните сами это имя?... Да,
 Грязните и мѣняете его
 На прозвище почнаго драчуна
 И забѣйки!... Отвѣчайте мнѣ!

МОНТАНО.

Мой благородный генералъ! я раненъ
 И, кажется, опасно раненъ я...
 Спросите Яго; — онъ вамъ скажетъ все,
 Но самого меня увольте, генералъ,
 Отъ этихъ объясненій... тяжело,
 Такъ тяжело припоминать мнѣ это, —
 Хоть знаю, что ни словомъ, ни поступкомъ
 Не измѣнилъ себя я въ эту ночь —

Когда самохрапение не есть
Порокъ; когда не преступление
Отъ смерти оборона...

ОТЕЛЛО.

О, клянусь
Вамъ Небомъ — гнѣвъ меня уже безумитъ!
Онъ поведетъ меня другимъ путемъ...
И если разъ забудусь я, — страстями
Разсудокъ помутивъ, — о, лучшаго
Изъ васъ, клянуся, сокрушу тогда
Подъ этою рукой! — Я знать хочу,
Какъ начался постыдный этотъ споръ?
Кто былъ причиною его?... и кто
Окажется виновнымъ — если-бы
Насъ вмѣстѣ родила одна утроба —
Онъ потерялъ меня на-вѣки. Какъ!
Мы не успѣли позабыть еще
Осаду, жители еще полны
Тревожнымъ ужасомъ — и вамъ, спяньоры,
Затѣять мелочныя ссоры... въ почъ...
И гдѣ? — тамъ — гдѣ хранить общественный
Покой... Ужасно!... Яго, кто же началъ?

МОНТАНО.

Но если ты изъ дружбы, уваженья,
Изъ страха скажешь словомъ больше,
Иль меньше противъ истины — тогда
Ты, Яго, не солдатъ.

ЯГО.

Вы тронули

Слабѣйшую струну мою, спяньоръ!...
Я соглашусь скорѣй себѣ языкъ
Отрѣзать, нежели обидѣть Кассіо...
Но думаю, что правду говоря,
Его ничѣмъ не оскорблю я... Вотъ
Какъ было дѣло, генералъ: — сидимъ
Съ Монтано мы, болтая кой-о-чемъ,
Какъ вдругъ врывается къ намъ кто-то съ воплемъ:

Спасите! помогите! — Кассіо
 Бѣжалъ за нимъ, съ мечомъ въ рукѣ, готовый
 Его прозвать.... Вотъ этотъ офицеръ
 Кидается къ нему и умоляетъ
 Оставить эту ссору... я межъ-тѣмъ
 Слѣшу на ушцу, чтобъ удержать
 Бѣжавшаго, который воплями
 Своими могъ встревожить сонный городъ, —
 Какъ и случилось, — но опъ бѣжалъ
 Такъ скоро, что догнать его не могъ я.
 Бѣгу назадъ, и тѣмъ скорѣй, что слышу
 Удары звонкіе мечей, и Кассіо
 Гремящаго проклятьями... чего
 До самой этой ночи я-бъ не могъ
 Сказать о немъ... Когда я къ нимъ вошелъ, —
 (Все это дѣло одного мгновенья) —
 Они ужъ бѣшено схватились грудь
 На грудь, и щедро сынали удары,
 Пока не развели ихъ сами вы.
 Вотъ все, что могъ-бы я сказать!... По люди
 Всегда не болѣе какъ люди... Лучшіе
 Забудутся порой... Хоть Кассіо
 Немного оскорбилъ его, — кого
 Вѣдь въ бѣшенствѣ не оскорбишь, —
 Но, вѣрно, Кассіо и самъ, — какъ я,
 Конечно, думаю, — не меньше былъ
 Обиженъ неизвѣстнымъ бѣглецомъ,
 И выпести не могъ своей обиды...

ОТЕЛЛО.

Я знаю, Яго, честная душа
 Твоя пзъ нѣжной дружбы къ Кассіо
 Захочетъ уменьшить его проступокъ...
 Я, Кассіо, люблю тебя; по ты
 Служить при мнѣ ужъ никогда не будешь.

(Входитъ Дездемона и ея свита.)

Глядите... вы встревожили мою
 Супругу милую... О, накажу
 Тебя примѣрно я!

ДЕСДЕМОНА.

Что здѣсь, мой милый?

ОТЕЛЛО.

Теперь спокойно все, любезный другъ!

Уйди, засни опять, не беспокойся...

Я буду самъ заботиться, Монтано,

О вашихъ ранахъ... Проводить его!

(Монтано уводитъ.)

Ты, Яго, наблюдай внимательно

За городомъ, и успокой толпу,

Встревоженную этимъ... Ну, пойдемъ

И мы, мой милый другъ!... Вотъ жизнь солдата!

И лучшіе часы его всегда

Тревогамъ отдапы...

(Уходятъ всѣ, кромѣ Яго и Кассіо.)

ЯГО.

А что, и васъ ранили, лейтенантъ?

КАССИО.

Да, и пенсѣлимо.

ЯГО.

Э, что вы! Слава Богу, нѣтъ!

КАССИО.

Мое имя, имя, имя! я потерялъ мое доброе имя! Я потерялъ безмертную часть самого себя... во мнѣ осталось только животное... Мое имя, Яго, имя мое!

ЯГО.

Какъ честный человекъ, я думалъ, что васъ такъ порядкомъ прокололи; по-моему, такъ это немножко чувствительнѣе, нежели всѣ возможные раны имени.. Что оно такое, имя это? — Звукъ пустой и ложный, значеніе, которое бросаютъ вамъ часто безъ заслуги вашей, еще чаще отнимутъ безъ вины вашей... Но вы и не потеряли этого имени, — развѣ ваше собственное изображение создало такое убѣжденіе. — Вы мужчина, Кассіо, ободритесь; есть много дорогъ, которыя могутъ привести васъ опять

въ милость къ генералу; вѣдь онъ отрѣшилъ васъ только въ порывѣ гнѣва, — и, повѣрьте, наказаніе это больше такъ... для вида... нежели изъ нерасположенія его къ вамъ: такъ иногда усердно поколотить свою смирную собаку, чтобъ запугать только страшнаго льва. Поклонитесь лишній разъ, да попросите его хорошенько — и онъ снова вашъ.

КАССИО.

Я скорѣе попрошу, чтобы онъ вдвое сильнѣе презиралъ меня, нежели рѣшусь доставить новыя непріятности такому доброму начальнику, навязавъ ему помощника слабодушнаго, пьянаго, безразсуднаго.... Пить! нести вздоръ! спорить! хвастать! сыпать ругательства и клятвы! пороть галматью съ собственною тѣшью! — О ты, незримая сила вища! если ибѣтъ еще у тебя имени, да будетъ оно — дьяволъ!

яго.

Что это за человѣкъ, за которымъ гнались вы съ мечомъ въ рукѣ? Что онъ вамъ сдѣлалъ?

КАССИО.

Не знаю.

яго.

Возможно-ли?

КАССИО.

Я припоминаю многое, но слишкомъ-смутно... была ссора, — но какъ и за что — не знаю. — О, зачѣмъ люди приводятъ въ душу свою врага, который отнимаетъ у нихъ разсудокъ! — Зачѣмъ въ наслажденіяхъ, среди празднествъ, обращается человѣкъ въ звѣря!

яго.

Вотъ оно уже и видно, что вамъ гораздо-лучше; какъ это вы такъ скоро выздоровѣли?

КАССИО.

Демону пьянства угодно было смѣнить себя демономъ гнѣва;

одно заблужденіе показываетъ мнѣ другое, чтобы я вполне презиралъ себя.

яго.

Э, да это ужъ слишкомъ-строгая мораль. Оно, дѣйствительно, — сообразивши время, мѣсто и настоящее положеніе острова, — можно-бы искренно пожелать, чтобы этого не было; — но если ужъ оно есть какъ есть, — то нужно только съумѣть повернуть дѣлами такъ, чтобы опять было, какъ и прежде было.

КАССИО.

Да, я приду къ нему просить возвращенія прежняго мѣста, а онъ скажетъ что я — пьяница!... Да имѣй я столько ртовъ, какъ гидра — подобный отвѣтъ закроетъ ихъ все!.. Быть дѣлпымъ человѣкомъ, и потомъ вдругъ обезумѣть, и вслѣдъ за тѣмъ обратиться въ дикаго звѣря.. Сранныя, страшныя вещи!.. Да, каждый лишній стаканъ — проклять уже; вмѣстѣ съ виномъ входитъ въ него и дьяволъ.

яго.

Э, перестаньте, право!.. доброе вино — существо кроткое и дружелюбное, если только обходиться съ нимъ съ толкомъ; — не восклицайте ему напрасныхъ проклятій! Послушайте, лейтенантъ, — я, кажется, могу думать, что вы увѣрены въ моей преданности къ вамъ.

КАССИО.

Да, ты мнѣ доказалъ ее, — мнѣ, пьяному!

яго.

Вы человѣкъ, — какъ и все люди, могли-же когда-нибудь и папиться... Я хочу сказать вамъ, что вы должны дѣлать теперь. Въ настоящее время дѣйствительный генералъ пашъ — жена генерала; — я говорю это въ томъ смыслѣ, что весь онъ преданъ созерцанію ея прелестей, своей страсти къ ней... Довѣрьтесь ей вполне, наскучайте ея просьбами; она поможетъ вамъ занять ваше прежнее мѣсто. Она такъ искренна, обязательна, внимательна; такъ полна доброты и благодати, что готова упрекать себя каждый разъ, когда не сдѣлаетъ больше того,

что общала. Умоляйте ее возобновить прежнія отношенія между вами и ея супругомъ, и я держу пари па все свое состояніе противъ бездѣлицы, что, такимъ образомъ улажепныя, они будутъ еще гораздо-крѣпче прежняго.

КАССИО.

Ты говоришь дѣло.

ЯГО.

Это мнѣіе искренней привязанности и чистой дружбы.

КАССИО.

Я отъ души этому вѣрю, и рано утромъ попрошу благородную Дездемону поговорить обо мнѣ; если-жъ не удастся и это средство, я долженъ буду потерять всякую надежду на свое будущее.

ЯГО.

Это справедливо. — Доброй ночи, лейтсантъ! Мнѣ еще пу-
жво осмотрѣть всѣ посты.

КАССИО.

Доброй ночи, честный мой Яго. (Кассіо уходитъ).

ЯГО.

И кто-жъ осмѣлится теперь сказать,
Что дѣло-то нечисто? что совѣтъ
Неискренень? противурѣчить дѣлу?
Что это не единственное средство
Войти опять въ довѣренность Отелло —
Уже и потому, что такъ легко
Склонить ее на всякое добро,
Ее, благою — какъ стихіи міра?..
А ей не стѣитъ ровно ничего
Все выпросить у Мавра, что захочетъ —
Будь это отреченіе отъ вѣры,
Отъ всѣхъ святыхъ символовъ искушенья!
Душа его такъ предана любви,
Что Дездемопа чисто изъ капризовъ,
Ворочать можетъ слабой волей Мавра,

Какъ только вздумается ей... Теперь...
 Не правъ-ли я, указывая Кассіо
 На этотъ вѣрный путь?!.. Владыко ада!
 Ведь демоны твои всегда, создавъ
 Достойные ихъ планы, напередъ
 Одѣнуть ихъ небесной красотою...
 А это дѣлаю и я... И вотъ,
 Межъ-тѣмъ, какъ этотъ легковѣрный олухъ
 Хлопочетъ шибко о своемъ прощеньѣ
 У Дездемоны; — а она твердитъ
 Настоячиво о томъ-же Мавру, — я
 Волью ему искусно въ ухо ядъ -
 Ужасныхъ подозрѣній; — я ему
 Шепну, что настоящая причина
 Докучныхъ этихъ просьбъ, не больше, какъ
 Ея преступная къ виновному любовь; —
 И чѣмъ усерднѣй будетъ говорить
 Она за Кассіо, тѣмъ скорѣй любовь
 И уваженіе Мавра потеряетъ...
 Тебя погубить доброта твоя...
 И благодущіе, — изъ нихъ густую
 Я съѣмъ сплету, и съѣмъ той я всѣхъ
 Васъ разомъ отенечу...

(Входитъ Родриго).

Что Родриго?

РОДРИГО.

Я тоже, кажется, здѣсь на охотѣ; но меня не пускаютъ на
 дичину, а заставляютъ только порескать по горячимъ слѣдамъ ея.
 Карманъ мой почти пустъ, въ эту ночь я перенесъ столько
 оскорбленій — и, кажется, за все это я выиграю только ли-
 шнюю долю опытности, потомъ, размѣнявъ такимъ-образомъ кучу
 чистыхъ денегъ на мелочь благоразумія, — пушусь съ Бо-
 гомъ обратно въ Венецію.

яго.

Ахъ, терпѣніе — большой порокъ!..
 Какія-жъ рапы лечатся мгновенно?
 Вѣдъ пѣчего-жъ и говорить тебѣ,
 Что мы работаемъ однимъ умомъ:
 Не черти-жъ, Господи прости! намъ служить.

А замыслы ума осуществить
Одно лишь время... Впрочем, что-же тут
Дурнаго?.. Кассио тебя поколотилъ,
Ты говоришь, — ну и пускай себѣ
Поколотилъ, вотъ важность-то велика!
А не чрезъ это-ли и самъ погибъ онъ?
Да, многое цвѣтетъ чудесно, другъ,
Безъ теплоты и свѣта, по закопъ —
Что прежде расцвѣтетъ, то и созрѣтъ
Должно сначала; — потерпи-жъ еще
Немпожко... Вотъ ужъ разсвѣло — теперь
Обѣдя, дальше развлеченія,
А тамъ дѣлишки кой-какія незамѣтно
День скучный сократятъ... Ну, уходи
Теперь, ступай себѣ въ свою квартиру...
Иди-же, говорю, — не долго ждать —
Узнаешь больше... а теперь прощай!
Двѣ вещи нужно-бы теперь еще
Обдѣлать: первое — сказать жепѣ,
Чтобъ попросилъ толкомъ Дездемону
За Кассио, другое — удалитъ на часъ
Отелло, и потомъ навѣсть его
Искусно на бесѣду Кассио
Съ его женой; да, это дѣльный планъ!
И нужно только дѣйствовать умно,
Рѣшительно и скоро. —

(Родриго уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Переть замкомъ.

Входитъ Кассіо, за нимъ музыканты.

КАССИО.

Играйте здѣсь; — я щедро заплачѹ.
 Ну, что-нибудь веселое; потомъ
 Кричте: «Добрый день! привѣтствуемъ
 Васъ, генераль!»¹³).

(Музыка начинаетъ играть. — Входитъ шутъ).

ШУТЬ.

А что, братцы, видно инструмента-то ваши не мипули такъ Неаполя¹⁴); они что-то слишкомъ-подозрительно выражаются въ носъ.

1-й музыкантъ.

Какъ, спящоръ, что-такое?

ШУТЬ.

Скажите на-иплость — это у васъ пазывается духовыми инструментами?

1-й музыкантъ.

Я думаю, что такъ, спящоръ.

шуть.

О, такъ они съ душкомъ таки.

1-й музыкантъ.

Да какъ-же это инструментъ съ душкомъ? ¹⁵⁾

шуть.

Ну, знаешь одинъ на одинъ не прѣдется, а мнѣ таки пришлось видѣть ихъ довольно всякихъ.... Но вотъ вамъ, почтеннѣйшіе, плата за работу: генералу такъ понравилась ваша музыка, что онъ отъ души желаетъ вамъ всякаго успокоенія.

1-й музыкантъ.

Пожалуй, мы и перестаемъ.

шуть.

Если-бы, — видите, — у васъ нашлась такая, что играетъ въ тихомолку, такъ оно, пожалуй, и опять пачать-бы можно, — а иначе, на генерала вамъ считать чисто пѣчего; — онъ, какъ говорятъ, неслышкомъ-то большой любитель музыкъ.

1-й музыкантъ.

Ну! такой, какъ вы спрашиваете, у насъ нѣтъ, снѣйоръ.

шуть.

Такъ убирайте-же свои дудки въ мѣшки — и съ Богомъ. Мнѣ тоже пужно идти. — Ну, въ разсыпную — мигомъ!

(Музыканты уходятъ).

КАССИО.

Послушай, любезный!

шуть.

Нѣтъ! я не слушаю вашего любезнаго, я слышу васъ.

КАССИО.

Пожалуйста оставь свои остроты. Этотъ червонецъ назначаетъ тебя, по съ условіемъ: если дама, которая находится при же-

пѣ генерала, уже вышла, такъ ты долженъ сказать ей, что пѣ-кто Кассіо проситъ у нея, какъ милости, мпутнаго разговора. Сдѣлаешь-ли ты это?

шутъ.

Она уже вышла, синьйоръ, изъ своихъ покоевъ; а если захочетъ выйти и сюда, — я, пожалуй, перескажу ей вашу просьбу.
(Уходитъ).

Входитъ яго.

КАССИО.

Ахъ, добрый другъ, ты очень - кстати. Яго!

яго.

А вы и не ложился еще?

КАССИО.

Нѣтъ, прежде, чѣмъ мы разошлись, уже
Свѣтало.... Я осмѣлился просить
Свиданья у жены твоей; хочу,
Чтобъ и она замолвила словцо,
Другое, за меня у Дездемоны.

яго.

Я вышлю къ вамъ ее сейчасъ, а самъ
Подумаю, какъ удалитъ Отелло,
Чтобъ на досугъ вамъ — свободнѣе
Поговорить.

КАССИО.

Благодарю тебя!

(Яго уходитъ).

Я никогда не видѣлъ Флорентинца
Честнѣе и услужливѣй его.

(Входитъ Эмилиа).

ЭМИЛИЯ.

Ахъ, здравствуйте, нашъ добрый лейтенантъ!
Такъ живо тронута я вашимъ горемъ....
Но впрочемъ скоро переѣнитесь
Все это къ лучшему. Съ женой своей
Отелло говорилъ уже объ этомъ,

И Дездемона горячо за васъ
Его просила; Мавръ ей отвѣчалъ,
Что рапешный играетъ важную
Здѣсь роль, что знаменитаго опъ рода,
И что благоразуміе ему
Теперь не позволяетъ согласиться
На просьбу эту; но прибавилъ,
Что много любить васъ, и потому,
Изъ личнаго расположенья къ вамъ,
Безъ всякихъ просьбъ, опъ не пропуститъ случай
Вамъ мѣсто прежнее и дружбу возвратить.

КАССИО.

И все-таки я умоляю васъ
Когда-нибудь доставить случай мнѣ
Поговорить съ этомъ съ Дездемоной
Наединѣ.

ЭМИЛИЯ.

Ступайте-же со мной;
Я съ нею васъ оставлю одного,
И вы свободно ей откроете
Всю душу.

КАССИО.

Много васъ благодарю.

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ ОТЕЛЛО, ЯГО и ОФИЦЕРЫ.

ОТЕЛЛО.

Послушай, Яго, отнеси скорѣи
Вотъ эти письма кормчему; скажи
Ему, чтобы покорный мой привѣтъ
Опъ передалъ Республикѣ.... Потомъ

Придешь ко мнѣ, — я буду въ это время
У крѣпостныхъ работъ.

яго.

Мой добрый генераль!

ОТЕЛЛО.

Ну, господа,
Пойдемъ теперь, осмотримъ укрѣпленья.

ОФИЦЕРЫ.

Мы слѣдуемъ за вами, генераль.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Передъ замкомъ.

Входятъ ДЕСДЕМОНА, КАССИО и ЭМИЛИЯ.

ДЕСДЕМОНА.

Увѣрьтесь-же достойный Кассио,
Что я употребить готова все
Для вашей пользы.

ЭМИЛИЯ.

Добрая синьора,
И я прошу васъ — мужъ мой огорченъ
Не меньше Кассио несчастьемъ этимъ.

ДЕСДЕМОНА.

О, да! опъ честный челоуѣкъ. — Итакъ
Не сомѣвайтесь, Кассио, что скоро
Я помирю васъ съ мужемъ совершенно.

КАССИО.

О благодущная заступница
Моя! Что-бъ ни случилось съ Кассио,

Всегда найдете въ немъ вы человѣка
Душевно, вѣчно преданнаго вамъ.

ДЕСДЕМОНА.

Благодарю васъ! вы такъ любите
Отелло моего, и такъ давно
Знакомы съ нимъ.... О, я увѣрена,
Что эта странность вашихъ отношеній
Окончится сейчасъ, какъ только это
Дѣла политики позволятъ.

КАССИО.

Но

Политика пойдетъ на-долго эта,
Когда ее усадятъ на діету
Предубѣждений мелкихъ и пустыхъ,
Когда во всякомъ обстоятельствѣ
Увидятъ новую къ тому причину....
Межь-тѣмъ я удаленъ, и мѣсто
Мое другому отдано.... и скоро
Забудетъ генералъ и преданность
Мою и службу.

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, не думайте
Объ этомъ; здѣсь, въ присутствіи Эмилии,
Я увѣряю васъ, что мѣсто ваше....
Да, Кассіо, я слишкомъ ужъ точна
Въ малѣйшихъ требованьяхъ дружбы....
Я не оставлю мужа, сна ему
Не дамъ, терпѣнье истощу его;
На ложѣ, за столомъ, вездѣ, вездѣ
Услышите онъ объ васъ.... Ну, будьте-же,
Какъ прежде, веселы. — Защитникъ вашъ
Скорѣй умереть, чѣмъ дѣло такъ оставить....

(Отелло и Яго показываются въ некоторомъ отдаленіи).

ЭМИЛИЯ.

Спльиора, генералъ почти ужъ здѣсь....

Отелло

КАССИО.

Позвольте удалиться мнѣ, снѣйора!

ДЕСДЕМОНА.

За чѣмъ-же уходить? — Остапесь; вы
Услышите, какъ буду говорить
Я съ нимъ.

КАССИО.

Но только не теперь, снѣйора;
Я чувствую, какъ былъ-бы я пеловокъ. —
Я не могу сказать теперь двухъ словъ
Въ свою защиту.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, прощайте, Кассіо,
И дѣлайте, какъ кажется вамъ лучше. — *(Кассіо уходитъ.)*

яго.

О, это не по-мнѣ!

ОТЕЛЛО.

Что ты сказалъ?

яго.

Я? — Ничего, мой генералъ! Но если...
Нѣтъ! я не знаю....

ОТЕЛЛО.

Это Кассіо

Ушелъ отъ Дездемоны?

яго.

Кассіо,

Снѣйоръ? — По-чести, я не думаю,
Чтобъ уходилъ онъ, какъ преступникъ,
Едва завпда васъ.

ОТЕЛЛО.

Но я увѣренъ,

Что это онъ.

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, мой Отелло! ты
Ужъ здѣсь; а я сейчасъ вотъ говорила
Съ однимъ несчастнымъ; — онъ ужасно какъ
Страдаетъ отъ немилости твоей.

ОТЕЛЛО.

Кто-жъ это?

ДЕСДЕМОНА.

Какъ! и ты не догадался!
Да лейтенантъ твой Кассіо!... Послушай,
Мой добрый другъ! пу, если хоть немножко
Меня ты любишь, если я имѣю
Хоть крошку власти надъ тобой — прости
Ты Кассіо.... Ахъ, Отелло, если онъ
Тебѣ не всей душой своею предапъ,
И свой проступокъ сдѣлалъ съ-умысломъ,
А не въ пылу слѣпнаго увлеченья —
Такъ я тогда ужъ больше не повѣрю
Ни самому честнѣйшему лицу
Людскому.... О, молю тебя — прости
Его!

ОТЕЛЛО.

Не опъ-ли это вотъ сейчасъ
Ушелъ отсюда?

ДЕСДЕМОНА.

И какой печальный!

Мнѣ кажется и на меня тоску
Навѣялъ опъ, — я и сама страдаю....
О милый другъ, прости-жъ его!...

ОТЕЛЛО.

Теперь

Не можно, Десдемона, — пусть немного
Онъ подождетъ.

ДЕСДЕМОПА.

Но скоро-ль это?

ОТЕЛЛО.

О!

Какъ только можно для тебя, конечно,
Мой милый другъ.

ДЕСДЕМОПА.

За уживомъ сегодня?

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ не сегодня.

ДЕСДЕМОПА.

Завтра за обѣдомъ?

ОТЕЛЛО.

Нельзя и за обѣдомъ, потому,
Что завтра не обѣдаю я дома:
Меня къ себѣ просили офицеры.

ДЕСДЕМОПА.

Ну, завтра вечеромъ, или во вторникъ
Поутру, — днемъ, или хоть вечеромъ,
Ну, въ среду поутру.... только срокъ
Назначь, по ужь ни какъ не болѣе
Трехъ дней. Ахъ, какъ раскаянье его
Ужасно мучить! Между-тѣмъ, вѣпа
Его, — не будь теперь война, когда,
Какъ говорятъ, виновныхъ строго судятъ.
Въ примѣръ другимъ, — едва-бы стоила
Серьезнаго упрека.... Ну когда-жъ
Онъ возвратится къ должности своей?
Скажи, Отелло!... Ахъ, во глубинѣ
Души моей я тронута, мой другъ!
Я не придумаю, на что-бы я
Не согласилась для тебя въ одно
Мгновенье.... Вспомни наконецъ, Отелло,

Что тайну страсти нашей только онъ
 Одинъ и зналъ; что онъ всегда ужъ былъ
 Горячій твой защитникъ, каждый разъ,
 Когда, бывало, вздумается мнѣ
 Шутя тебя немножко позлословить....
 И пужно столько просьбъ, мольбы на то,
 Чтобы склонить тебя къ нему на милость!
 Повѣрь мнѣ, я могла-бы....

ОТЕЛЛО.

О, довольно

Прошу тебя! — Пусть онъ является
 Когда ему угодно. — Я ни въ чемъ
 Не смѣю отказать тебѣ.

ДЕСДЕМОНА.

Но здѣсь

Не вижу никакой я милости
 Отелло. — Такъ просла-бъ я тебя,
 Перчатки взять, одеться потеплѣе,
 Или покушать лакомое блюдо,
 Ну, что-нибудь въ подобномъ родѣ.... О!
 Когда въ послѣдствіи я захочу
 Серьезво испытать любовь твою —
 Предупреждаю васъ, спяньоръ, что дѣло
 Немножко потрудитъ для васъ пайду я.

ОТЕЛЛО.

Я повторяю, что ни въ чемъ тебѣ
 Не откажу. — Ну, а теперь оставь
 Меня на нѣсколько минутъ.

ДЕСДЕМОНА.

Могутъ ли отказать тебѣ? — о нѣтъ!
 Прощай-же, милый мой!

ОТЕЛЛО.

Прощай, мой ангелъ!

Я скоро буду.

Т. III.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, Эмилія,
 Пойдемъ — (къ Отелло). Такъ говори всегда мнѣ мысль
 Свою свободно, — что-бъ ты ни сказалъ —
 Я все исполню. . (Уходитъ съ Эмилией).

ОТЕЛЛО.

Бѣдная голубка! ¹⁶⁾
 Пусть потеряю самую надежду
 Спасенья — если не люблю тебя!...
 И если-бы душа моя когда-нибудь
 Любить тебя забыла.... о! она
 На вѣкъ тогда утратитъ смыслъ и цѣль
 Земнаго бытія!...

яго.

Мой благородный
 Сивьоръ!

ОТЕЛЛО.

Что скажешь, Яго?

яго.

Зналъ-ли Кассіо
 О тайнѣ вашей страсти къ Дездемонѣ,
 Когда вы были только счастливымъ
 Любовникомъ ея?

ОТЕЛЛО.

Конечно зналъ, —
 Съ начала самаго до самаго
 Копца. — А для чего тебѣ?

яго.

Да такъ; —
 Хотѣлось только мнѣ сообразить....
 Но я уже не думаю объ этомъ.

ОТЕЛЛО.

О чемъ не думаешь?

яго.

Да я, вотъ видите-ль,
Не зпалъ, что онъ знакомъ былъ съ пею.

отелло.

И сколько разъ ему случилось быть
Посредникомъ межъ нами!

яго.

Въ-самомъ-дѣлѣ?

отелло.

Ну, въ-самомъ-дѣлѣ, Яго! — Развѣ ты
Изъ этого что заключаешь? — Развѣ онъ
Нечестенъ?

яго.

Вы, синьйоръ, сказали: честенъ?

отелло.

Да, я сказалъ...

яго.

Конечно.... сколько я
Объ этомъ знаю...

отелло.

Да куда-жь ты мѣтишь?
О чемъ ты думаешь?

яго.

О чемъ, синьйоръ,
Я думаю?

отелло.

«Синьйоръ!... я думаю!...» Клянусь, меня
Ты словно эхо дразнишь. — Развѣ въ мысль
Твою зашло такое страшное
Чудовище, что и на свѣтъ его

Ты показать боишься?... У тебя
 Есть что-то на душѣ... Сей-часъ, когда
 Мишель оставилъ Дездемону — ты
 Сказалъ: «О, это не по-миѣ!...» Что-жъ тутъ
 Не по-тебѣ? — Потомъ, когда сказалъ я,
 Что довѣряли мы ему любовь
 Свою — ты странно вскрикнулъ: «Въ-самомъ-дѣлѣ?»
 Потомъ угрюмо сдвинулъ брови ты,
 Какъ-будто затаивъ подъ черепомъ
 Своимъ толпу ужасныхъ подозрѣній...
 О, если любишь ты меня, мой Яго,
 Ты миѣ откроешь все!

яго.

Вы знаете,
 Спидьоръ, какъ много я люблю васъ.

отелло.

Да,

Я знаю, Яго, что меня ты любишь,
 Я знаю прямоту души твоей, —
 И видя, какъ ты тянешь, вѣсишь звуки —
 Невольно жду чего-то роковаго...
 Я знаю, что подобныя уловки
 Употребляетъ часто ловкій плутъ,
 Но это у него не болѣе
 Какъ пошлая спаровка — только!
 Межь-тѣмъ какъ у людей съ душой прямою
 Все это обличаетъ трудную
 И тяжкую борьбу страстей и долга,
 Неподключимаго страстямъ...

яго.

Когда-бъ

Вопросъ тутъ шелъ о Кассьо — я готовъ
 Божиться, что онъ честный человѣкъ...

отелло.

Я совершенно то-же говорю!

яго.

Да, нужно, чтобы люди были тѣмъ,
Чѣмъ кажутся; а нѣтъ — такъ пусть
Хоть не казались-бы они ужъ тѣмъ,
Чѣмъ показаться имъ угодно...

ОТЕЛЛО.

Да, нужно, чтобы люди были тѣмъ,
Чѣмъ кажутся...

яго.

О, если такъ — то я
Торжественно скажу, что Кассіо
Чествѣйшій человѣкъ!

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ! здѣсь не все...

О, передай-же мнѣ, молю тебя,
Всю эту мысль въ той самой полнотѣ,
Въ какой она подъ черепомъ твоимъ
Созрѣла... не стѣсняйся выраженьемъ,
И низость дѣла смѣло одѣвай
Достойными ее рѣчами...

яго.

Мой

Великодушный генералъ! простите...
Хотя по долгу и обязацъ я
Повиноваться вамъ, — есть, впрочемъ, вещи,
Гдѣ сознаетъ себя и рабъ свободнымъ...
Сказать вамъ эту мысль!.. Вѣдь иногда,
Нечистая она заходитъ въ душу къ памъ,
Какъ съ человѣкомъ грѣхъ во храмъ заходитъ...
Кому, въ часы его чистѣйшихъ думъ,
Порой не приходило искушенье?...

ОТЕЛЛО.

Тотъ умышляетъ, Яго, другу зло,

Кто изъ пустаго страха оскорбленья
Ему не довѣряетъ тайны роковой....

яго.

О, умоляю-жъ васъ... быть-можетъ, я
Обмапываюсь самъ.. Признаться, тутъ
Большой порокъ — стараться отыскать
Во всемъ дурное; въ глупой ревности
Я часто строю небывалыя •
Бѣды; — я умоляю васъ, сирьноръ,
Не вѣрить слишкомъ рѣчи человѣка,
Такъ странно, жалко созданнаго небомъ,
И не тревожиться пустымъ его
Предубѣжденьемъ, можетъ-быть.... Да, вашъ
Покой и счастье... опытность моя,
Благоразуміе и честь — все здѣсь
Соединившись, запрещаетъ миѣ
Вамъ говорить...

ОТЕЛЛО.

Что-жъ это значить, Боже!

яго.

Мой добрый, благородный гепераль!
Важнѣйшее сокровище души
У женщпы и у мужины — имя!
Кто крадетъ кошелекъ мой, тотъ меня
Лишаетъ вздора, — пу, чего-ппбудь,
А часто — ровню ничево, — былъ мой,
Теперь его, а прежде тысячи
Другихъ; — по тотъ, кто имя доброе
Отниметъ у меня, — не сдѣлавшись
Богаче самъ, меня опъ оставляетъ
Несчастливымъ бѣднякомъ....

ОТЕЛЛО.

О, я хочу,
Какъ Богъ святъ! — я хочу знать мысль твою.

яго.
 Вы не узнаете ее, пока
 Не вырвете отсюда сердца... да!
 Вы не узнаете ее, пока
 Она храпится въ сердцѣ этомъ...

ОТЕЛО.

А!...

яго.

Ахъ, берегитесь ревности, снѣйоръ, —
 Зеленоглазое чудовище —
 Она окаменитъ спачала жертву,
 Потомъ пожретъ ее... Тотъ, кто уже
 Увѣрился въ измѣнѣ — хотъ жену,
 Конечно, онъ не любитъ — но живетъ
 Себѣ покойно. . по Создатель мой!
 Чтô должно вынести душѣ того,
 Кто любитъ страстно ту, кому не вѣрнть,
 Боготворя ее — подозрѣваетъ...

ОТЕЛО.

О, тяжело должно-быть это, Яго!

яго.

Бѣднякъ, довольный долею своею —
 Богатъ по-своему, снѣйоръ, — по, какъ
 Зима, бесплодно для того богатство,
 Кто каждый мигъ боится обѣднать.
 О, да спасетъ отъ ревности васъ небо,
 Вы, близкіе душѣ моеи!...

ОТЕЛО.

За-чѣмъ

Все это, Яго? — чтô оно такое?...
 Ты думаешь, что я могу изныть
 Тоскою ревности, — что я могу,
 При каждомъ поволуньи, на потѣху
 Себѣ, настронть новыхъ подозрѣній?...

Нѣтъ! — разъ оно запахло въ грудь мою
 И разорветъ мнѣ грудь оно... Считаю
 Меня безумцемъ, если возмутить
 Успѣешь, Яго, этимъ вздоромъ вѣру
 Души моей. — Я ревновать не стану;
 Когда мнѣ скажутъ, что жена моя
 Красавица, что любить общество
 Она, паряды, комплименты, танцы, —
 Когда я вѣрю, что она чиста —
 Въ пей чисто все!... Я очень-знаю самъ,
 Что не блистаю множествомъ достоинствъ, —
 Но на душѣ — ни страха, ни сомнѣнья...
 Она имѣла очп, смыслъ и волю —
 И выбрала меня. — Нѣтъ, Яго, прежде
 Чѣмъ сомнѣваться — пужно видѣть мнѣ,
 А за сомнѣшемъ — пужно доказательствъ,
 А съ доказательствомъ одно уже:
 Прощай и ревность и любовь!...

яго.

Теперь

Мнѣ легче; я теперь могу свободнѣй
 Вамъ выказать любовь и преданность
 Свою. — Послушайте... по это все
 Сомнѣнія покамѣстъ, — я не говорю
 Еще о доказательствахъ ни слова...
 Смотрите за жепюю, подмѣчайте
 Ея бесѣды съ Кассію, — глядите
 За ними просто, — ревности не нужно,
 Не пужно и довѣр्या лишняго;
 Мнѣ слишкомъ-тяжело было-бы видѣть,
 Какъ гибнетъ ваше преданное сердце
 Печальной жертвой прямоты своей...
 Смотрите-же за ней; — я хорошо-
 Таки своихъ Венеціянокъ знаю:
 Пусть небо видитъ грѣхъ, да только-бъ мужъ
 Его не видѣлъ; — заповѣдь у нихъ
 Своя: за грѣхъ ни слова, — только ужъ
 Умѣй сводить, спивѣюра, и копцы
 Съ копцами....

ОТЕЛЛО.

Ты это знаешь?

яго.

О, и какъ

Еще! Да вспомните вы сами, какъ
Васъ полюбивъ, обманывать отца
Она умѣла. — Не тогда-ль она
Искала взора вашего, когда
Казалось такъ боялася его?

ОТЕЛЛО.

Да, это такъ!...

яго.

Вотъ то-то! — Дѣвочка,
Въ такихъ лѣтахъ умѣвшая уже
Прикинуться такъ ловко, — такъ искусно
Отца роднаго оморочить, что
Бѣднякъ считалъ все это чародѣйствомъ...
Но я, быть можетъ, оскорбляю васъ?
Я говорю ужъ слишкомъ? — О, простите-жь, —
Молю склонясь, — мнѣ эту преданность
Излишнюю, сппыйоръ!

ОТЕЛЛО.

Я навсегда
Тебѣ останусь благодаренъ, Яго.

яго.

Ахъ, нѣтъ! я вижу, вы немного
Какъ-будто-бы встревожились...

ОТЕЛЛО.

Ничуть! ничуть!..

яго.

Я-бъ не хотѣлъ... я этого боюсь...

Но я надѣюся, что вы въ рѣчахъ
 Мои хъ оцѣните прямую преданность...
 Ахъ, вы встревожены! — О, умоляю васъ,
 Не принимайте этихъ словъ за вещь
 Серьезную: вѣдь это подозрѣнье...
 Не болѣе, какъ только подозрѣнье.

ОТЕЛЛО.

Я и не принимаю...

яго.

Да, спивйоръ,
 Не принимайте; а иначе вѣдь
 Слова мои могли-бы быть причиною
 Печальныхъ слѣдствій, о которыхъ я
 И мысли не имѣлъ; — вѣдь Кассіо,
 Мнѣ другъ... Нѣтъ вижу — вы встревожены,
 Спивйоръ.

ОТЕЛЛО.

Не много... У меня пойдетъ
 Та мысль изъ головы, что Дездемона
 Чиста и непорочна.

яго.

О, да будутъ
 Навѣки неизмѣнны — чистота
 Ея, и вѣра ваша въ эту чистоту!

ОТЕЛЛО.

А между тѣмъ — вѣдь самая природа
 Законъ свой нарушаетъ иногда...

яго.

Да, это правда!.. Я еще осмѣлюсь...
 Вы мнѣ простите... я припомню только
 Ея отказъ всѣмъ женихамъ своимъ,
 Такъ близкимъ ей по роду, мѣстному
 Происхожденію, по лѣтамъ; скажите:

Не видполь тутъ противурѣіа
 Самой природѣ?.. Нѣтъ-ли тутъ уже
 Испорченности чувствъ, стремленія
 Къ какимъ-то страпнымъ прихотямъ, начала
 Противъ-естественныхъ желаній?.. Но,
 Простите — я не отношу къ ней прямо
 Всего, что сказано... Межъ-тѣмъ я все
 Такъ боюсь, чтобъ не одумалась
 Опа, чтобы не захотѣлось ей
 Порой сравнить васъ съ нашей молодёжью,
 И послѣ... чтобы не раскаяться
 Ей послѣ...

ОТЕЛЮ.

Ну, прощай! прощай!.. Найдешь
 Что новое — сейчасъ сказать... Да пусть
 Жена твоя за нею смотритъ въ оба.
 Оставь меня.

яго (*Уходитъ*).

Простите!

ОТЕЛЮ.

О за-чѣмъ

Женился я?.. Да, этотъ честный Яго
 Безъ всякаго сомнѣнья знаетъ больше,
 Гораздо-больше, нежели сказалъ.

яго (*возвращаясь*).

Еще, снпійоръ, я умоляю васъ
 Не заходить далеко въ подозрѣпьяхъ.
 Оставьте дѣло это времени.
 Хотя вы мѣсто Кассіо — ему
 И возвратите, разумѣется,
 Сказать вѣдь нужно правду — къ дѣлу онъ
 Усерденъ столькожъ, какъ способенъ,
 Да не мѣшало-бъ, знаете, немпожко
 Повременить; — вы здѣсь увидите
 На что и какъ падѣяться-бъ онъ думалъ,
 А въ средствахъ этихъ вы оцѣните

И то, конечно, что за человекъ
 Нашъ Кассіо... Замѣьте также,
 Не слишкомъ-ли докучливо жена
 Просить васъ будетъ о прощеньи
 Его, — изъ этого ужъ многое
 Вамъ можно будетъ заключить... Пока-жь
 Не объяснится это все, хотя
 Немного, — думайте, что я изъ страха
 Нагородилъ вамъ кучу пустяковъ, —
 Чего, признаться, я и самъ боюсь,
 И не стѣсняйте, — заклипаю васъ,
 Ничѣмъ свою супругу...

ОТЕЛЛО.

О, не бойся —
 Я управлѣть собой умѣю.

ЯГО.

Снѣйоръ, простите!

(Уходитъ).

ОТЕЛЛО.

Этотъ человекъ
 Необычайно честенъ, — свѣтлый умъ
 Образованіемъ украсилъ онъ,
 И глубоко постигъ онъ человека...
 Но, мой Создатель! — если это правда?...
 Да, если-бъ звеня цѣпи, насъ связавшей,
 Вросли мнѣ въ сердце и свилися тамъ
 Съ пѣжпѣйшпми его вѣтвями, — о!
 Я оторвалъ-бы съ кровью ихъ отъ сердца!
 Лети потомъ по вѣтру птичкой вольной,
 Лови любовь и счастье...

Можетъ-быть...

Да, можетъ!.. Я уродливъ, чоренъ,
 Болтать я не умѣю милыхъ фразъ,
 Какъ эти вздорные любезники...
 Къ тому-жь, спускаюся въ долину лѣтъ,
 Хоть по-темногу, все-жь-таки спускаюся...
 О, я обманутъ... можетъ-быть, осмѣянъ...
 Что-жь остается?.. Ненависть... одна!

Смѣшны и прокляты — вы, узы брака!..
 «Она моя!» — Твоя!.. Да развѣ ты
 Страстей ея владыка?.. Я рѣшусь
 Скорѣй быть гадиней, скорѣй рѣшусь
 Пытаться смраднымъ воздухомъ темницъ,
 Чѣмъ перепестъ, чтобъ избранное мною,
 Не мнѣ принадлежало безраздѣльно..
 И вотъ она, души могучей казнь!..
 Судьба ея труднѣе темной доли
 Душонокъ мелкихъ... Да, какъ смерть,
 Неотклонимъ отъ насъ суровый жребій!
 Опъ проникаетъ наше бытіе
 Чуть только къ бытію насъ призываютъ...
 А!.. Десдемона!.. *(Входитъ Десдемона и Эмилиа).*

Если можетъ это
 Созданье обмануть!.. О небеса!
 Смѣтаетъ вы надъ бѣднымъ человѣкомъ!..
 Не вѣрю! нѣтъ, не вѣрю!

ДЕСДЕМОНА.

А, ты здѣсь,
 Отелло! — Вашъ обѣдъ давно уже
 Готовъ, и гости — островитяне
 Давно ужъ ждутъ тебя.

ОТЕЛЛО.

Я и забылъ...

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, отъ-чего твой голосъ такъ дрожить?..
 Ты боленъ?

ОТЕЛЛО *(указывая на лобъ).*

Тутъ болитъ...

ДЕСДЕМОНА.

Конечно все
 Отъ безпокойствъ, но, вѣрно, не на долго.

Постой, я голову тебѣ платкомъ
 Перевяжу, увидишь — боль пройдетъ
 Мгновенно (Хочетъ повязать ему голову).

ОТЕЛЛО.

(скидывая платокъ съ головы, рохнетъ его на землю).

Нѣтъ! опъ слишкомъ малъ! Болѣзнь
 Пройдетъ сама-собой... Пойдемъ — и я
 Иду съ тобою вмѣстѣ.

ДЕСДЕМОНА.

Грустно мнѣ,
 Мой другъ, что нездоровъ ты. *(Отелло и Дездемона уходятъ).*

эмилія *(поднимая платокъ).*

А!.. платокъ!..

Ахъ, какъ довольна я, что накопецъ
 Опъ у меня таки... Вѣдь это первый
 Подарокъ Мавра милой Дездемонѣ!
 Ну и на что-бъ опъ мужу?.. Нѣтъ, чудакъ —
 Ужъ сколько разъ опъ приставалъ ко мнѣ:
 Достань! какъ хочешь — а достань его!..
 А вѣдь Отелло заклипалъ жену
 Всегда хравить его; — да и она
 Его, бѣдняжка, много любить; съ нимъ
 Не расстается никогда она,
 И сколько ласкъ ему, и милыхъ словъ,
 И поцѣлуевъ!... Впрочемъ я
 Сниму съ него рисунокъ только мужу....
 И что опъ хочетъ дѣлать съ нимъ?... Ума
 Не приберу, — по все-же я должна
 Исполнить прихоть мужа.

(Входитъ Яго).

яго.

А, вы здѣсь...

И чѣмъ-же заняты? нельзя-ль узнать?

эмilia.

Нельзя-ль поспешодительнѣй... для васъ
Я припасла чудесную вещьцу.

яго.

И лично для меня? — Такъ это вздоръ!

эмilia.

Что?

яго.

Вздоръ, говорю, связаться съ глупой бабой...

эмilia.

И только... Что-жь ты дашь за этотъ мнѣ
Платокъ?

яго.

Какой платокъ?

эмilia.

Какой платокъ?!.

Да тотъ, что Мавръ впервые подарилъ
Женѣ своей; тотъ, за который ты
Такъ подоѣлъ мнѣ, право...

яго.

Ну, и ты

Его такъ стянула?...

эмilia.

Нѣтъ, клянусь...

Она его случайно уронила, —

Я здѣсь была, и подняла. Вотъ онъ, —
Гляди!

яго.

Ахъ, умница! отдай-же мнѣ!

Эмилия.

Скажи-жь на что тебѣ? и отъ-чего
Ты столько приставаѣ ко мнѣ?

яго.

Ну, вотъ!

Тебѣ ужасно нужно это!

(Вырываетъ платокъ).

Эмилия.

Послушай, Яго, ежели тебѣ
Не слишкомъ-нуженъ онъ — отдай его!
Ахъ, бѣдная снѣйора! — да она
Стоскуется по немъ...

яго.

Какія нѣжности!...

А ты, гляди мнѣ — не показывать
И вида, что платокъ у насъ! Онъ нуженъ
Мнѣ самому... Теперь ступай себѣ! *(Эмилия уходитъ).*
Платокъ подкину въ Кассіеву спальню,
Пусть тамъ найдетъ его-ужо онъ самъ.
Нѣтъ пустяковъ, которымъ-бы ревнивый
Не вѣрилъ въ глубинѣ души своей,
Какъ истинѣ евангельской... О, здѣсь
Должны-бы кажется произойти
Чудесные эффекты!... Вѣдь и такъ
Мой ядъ ужъ загулялъ по жиламъ Мавра...
Да... эти вещи — точно ядъ! сначала пхъ
И не примѣтишь, да за то уже
Чуть только отравили нашу кровь —
И кровь, какъ жилы сѣрныя, горитъ
Неугасимо... *(Замѣтивъ вдали Отелло).*

Что? Не правду-ль я

Сказалъ?

(Входитъ Отелло).

Вотъ онъ!... О, нѣтъ, Отелло,

Ни опиумъ уже, ни мадрагора, ¹⁷⁾

Ни зелья сонныя со всѣхъ краевъ

Сна больше не дадутъ тебѣ! — Вчера

Ты мирно спалъ еще — по не заснешь

Уже сегодня, завтра не заснешь,
 До вѣчной ночи ты ни разу ни заснешь
 Уже покойно...

ОТЕЛЛО.

Обмануть меня?!...

Меня!?!...

яго.

Что съ вами, генераль? — Вы все
 Объ этомъ.... Э, забудьте право!

ОТЕЛЛО.

Прочь!

Прочь отъ меня!... Ты адскою машиной
 Изъ сердца жилы поволокъ мои...
 О, легче, Яго, зпуть свое несчастье,
 Чѣмъ сердце пепелить на медленномъ
 Огнѣ ужасныхъ подозрѣній, — ждать
 Топительно все новыхъ, темныхъ золь...

яго.

Ахъ, вы, снпѣюръ, тревожите меня!...

ОТЕЛЛО.

Да, не было во мнѣ и помышленья,
 Чтобы у счастья моего она
 Крапа минуты для порока; я
 Не видѣлъ этого, я этого
 Не зпалъ, мнѣ эта мысль душъ не жгла,
 Я спалъ покойно, веселъ былъ, доволенъ;
 Я на устахъ ея не пахнулъ
 Лобзаній Кассіо... Да, ограденный,
 Пока не спохватился, ничего
 Не потерялъ еще!

яго.

Ахъ, тяжело мнѣ
 Все это слышать, генераль!

ОТЕЛЛО.

Ну, пусть

Въ объятіяхъ ея перебивала-бы
 Вся эта сволочь, лагерная дрянь... ¹⁸⁾
 Да только-бъ своего позора мѣ
 Не знать — я-бъ могъ быть счастливымъ еще...
 Теперь-же? О, теперь прости на-вѣкъ
 Счастливый миръ души, мое довольство!
 И вы, о гордые полки мои,
 Въ стали, въ цвѣтныхъ волнующихся перьяхъ!
 И ты, война, творящая героевъ! все
 Прости!... Прости мой ржущій конь, звукъ трубъ,
 И барабановъ перекатный громъ, ¹⁹⁾
 И ты, святое, царственное знамя,
 И все великолѣпіе войны,
 И вы, пророки смерти, вы, — глаголь
 Торжественный Зевеса, — мѣдными
 Гремящіе устами — о простите!
 Призваніе Отелло совершилось!..

яго.

Что вы, сивѣоръ? — Возможно-ли...

ОТЕЛЛО.

А, тварь!

Гдѣ-жъ доказательства, чтобы она...
 Любовь моя — такъ опозорила
 Себя?... Гдѣ-жъ доказательства... Дай мѣ
 На очи ихъ!... *(Хватаетъ его за горло).*

Или, клянусь тебѣ,
 Спасеніемъ души моею клянуся —
 Собакой лучше-бы тебѣ родиться,
 Чѣмъ демона будить въ груди моею...

яго.

Ахъ, не уже-ль до этого дошли вы?

ОТЕЛЛО.

Ты долженъ показать мѣ... понимаешь!

Или, по-крайней-мѣрѣ, доказать —
 Но такъ, чтобъ сомнѣваться болше я
 Не могъ уже.... иначе, Яго.... да!
 Я задушу тебя....

яго.

Мой генералъ!

ОТЕЛЛО.

Но если-жъ, Яго, это клевета,
 Но если-жъ на потѣху мучилъ ты
 Меня — забудь молиться, задуши
 На сердца все добро, все ужасы
 Злодѣйствъ возьми на душу, пусть земля
 Смутится, глядя на дѣла твои,
 И небо плачетъ — пѣтъ, ипчѣмъ уже
 Своей души ты болше не погубишь....

яго.

О небеса! спасите-же меня!
 Вы человѣкъ еще! у васъ еще душа
 И мысль?... Богъ съ вами! Должность вамъ свою
 Я отдаю назадъ. — Безумецъ, Яго, ты —
 Безумецъ!... Прямота твоя идетъ
 За преступленіе въ глазахъ людей....
 Чудовище ты, свѣтъ!... Гляди-жъ, гляди
 О міръ! что человѣка не спасетъ
 Ни честь его, ни правота! — Спийоръ!
 Сладодарю васъ за урокъ!... Отпышъ
 Забуду дружбу я, — когда за дружбу
 Я только оскорбленія терплю....

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, стой! Ты долженъ честенъ быть....

яго.

Нѣтъ, я

Умнѣе долженъ быть; а честность — ложь
 Безумная; — и тотъ, кто служитъ ей, —

Несчастный! гибнеть онъ неотвратимо....

ОТЕЛЛО.

О Боже! Боже мой! Я думаю —
Жена моя чиста и непорочна,
И думаю, что нечиста; — я думаю....
Ты благороденъ, честенъ, — и потому
Я думаю — безчестенъ ты.... О дай-же,
Дай доказательствъ мнѣ.... Хоть чѣмъ-нибудь,
Да докажи!... О Дездемона! Имя
Твое, недавно чистое, какъ ликъ
Дианы, — кажется теперь мнѣ чорнымъ,
Уродливымъ, какъ гадкое лицо
Мое.... О, если въ мірѣ есть еще
Веревка, пожъ, пучина, ядъ — терпѣть
Не буду долго я.... Ну, доказательствъ!...

яго.

Страсть пожираетъ васъ, снѣпюрь, я вижу....
Мнѣ жаль, что разбудилъ я эту страсть....
Вамъ доказательствъ хочется?

ОТЕЛЛО.

Хочу-ль

Я доказательствъ?... — Да.... хочу!

яго.

И можете. —

Но какъ? какъ это доказать, снѣпюрь?
Не захотите-жъ вы стоять, конечно,
Какъ на часахъ, у ложа своего, —
Открывъ уста и очп, — въ ту мншуту
Когда другой упьется счастьемъ вашимъ!...

ОТЕЛЛО.

Смерть и проклятье!... О!...

яго.

Къ-тому-жъ и трудно,

Я думаю, ихъ захватить въ-расплохъ. —
 Пусть будутъ прокляты они, когда
 Людскія очи чьи-нибудь, кромѣ
 Ихъ собственныхъ очей, найдутъ
 Измятое ихъ ложе! Какъ? Я вамъ
 Сказалъ о доказательствахъ?... Но нѣтъ!
 Такъ не докажешь.... это невозможно!...
 Да будь козломъ опъ, а она мартышкой,
 Или волчицей дикой, — будь они
 Безумно-глупы какъ самое пьянство —
 Нѣтъ, и тогда-бы это невозможно!...
 Но впрочемъ я сказалъ-бы: ежели
 Для васъ довольно будетъ замѣчаній,
 Которыя потомъ ужъ наведутъ
 На свѣжій слѣдъ — я ихъ представлю.

ОТЕЛЛО.

Ну, говори-жь; — и все, что знаешь — все
 Что можешь — говори!

яго.

Признаться, — мнѣ

Не правится ужасно эта роль, —
 Но такъ, какъ я зашелъ уже далеко,
 И все изъ глупой честности своей,
 Да изъ привязанности къ вамъ, — то видно
 Придется продолжать ее.... Недавно
 Прилегъ я съ Кассью на одной постели,
 Но зубы страшно мучили меня,
 И я не могъ заснуть.... Вотъ видите-ль,
 Спийоръ, иной ужъ такъ распухнетъ, ²⁰⁾
 Что и во спѣ пейдутъ съ ума ему
 Всѣ эти шашни, знаете.... таковъ
 Нашъ Кассіо. — Я слышалъ, какъ во спѣ
 Опъ ясно говорилъ: «О Десдемона!
 Удвоимъ осторожность, чтобы скрыть
 Отъ свѣта нашу связь».... Потомъ, схвативъ
 Меня за руку, сильно сжалъ ее,
 И вскрикнулъ: «Милое созданье!...»
 Потомъ, припавъ неистово къ губамъ,

Впися въ нихъ долгимъ, долгимъ поцѣлуемъ,
И наконецъ, сдавивъ меня въ своихъ
Объятыхъ, ²¹⁾ престопазь онъ: «О судьба
Проклятая! за-чѣмъ ты Мавру отдала
Ее!...»

ОТЕЛЛО.

Чудовищно! чудовищно!

ЯГО.

Синьоръ! по это только сонъ....

ОТЕЛЛО.

Да, сонъ

Невинно повторявшій то, что было
Межъ нами на яву; — да, Яго, этотъ сонъ —
Въ глазахъ моихъ коварный обличитель....

ЯГО.

И то замѣьте — какъ опъ прояснилъ
Теперь другія подозрѣнья наши....

ОТЕЛЛО.

Я разорву въ куски ее!...

ЯГО.

За-чѣмъ

Такъ скоро? Нужно быть благоразумнымъ.

Мы сами не видали ничего

Еще. — Она еще невинною

И очепь можетъ-быть.... Скажите, впрочемъ,

Мнѣ-бъ пужно это знать — вы не видали

Когда-пибудь въ рукахъ ея платка

Чудесно-шитаго цвѣтами?

ОТЕЛЛО.

Я

Подобный подарилъ однажды ей; —
И это былъ мой первый даръ любви.

ЯГО.

Не знаю я, но видѣлъ, что такимъ
Платкомъ, — и я увѣренъ въ томъ, что онъ
Супруги вашей, — Кассью отпиралъ
Вчера лицо себѣ.

ОТЕЛЛО.

О, если это

Тотъ самый....

ЯГО.

Тотъ, или другой платокъ
Синьйоры — это новый обличитель
Противъ нее.

ОТЕЛЛО.

Презрѣнный! о зачѣмъ
Онъ не имѣетъ сорокъ тысячъ жизней?...
Одна.. несчастная.... что-жь тутъ для мести?
Теперь я вижу.... ясно.... это правда!
О Яго!... вздохи — всю любовь,
Безумную любовь свою послалъ
Я небесамъ святымъ!... Ушла.... ушла!
Вставай-же мечь, вставай чудовище,
Изъ темныхъ безднъ своихъ!... Любовь! снимай
Вѣнцы свои съ души моей.... На тропь
Твой — въ сердцѣ, здѣсь — возседеть ненависть
Въ корочѣ темной.. . Прочь изъ груди все!
Все прочь!... Тамъ тѣсно, душно мнѣ уже
Отъ свиста языковъ змѣиныхъ....

ЯГО.

Ахъ,

Синьйоръ, поберегите вы себя.

ОТЕЛЛО.

О, крови, Яго, крови!

ЯГО.

Успокойтесь!...

Я васъ прошу; — быть-можетъ, чувства ваши
Измѣнятся....

отелло.

Нѣтъ, Яго, никогда....
Какъ волны вѣчно-дикаго Эвксипа,
Безъ отдыха, безъ срочнаго отлива,
Въ напорѣ бѣшепомъ все идутъ вдаль
На Геллеспонтъ и Пропонтиду, — такъ
Мои кровавые обѣты, въ ихъ
Стремленьи дикомъ, позабывъ любовь, —
Все выростая, страшно выростая, —
Тамъ остановятся, гдѣ ихъ задушатъ.... *(Становится на колѣни).*
Ты, Небо вѣчно-неизмѣнное!
Тебѣ я поручаю клятву эту....
И ты увидишь. какъ ее исполню....

яго.

Не поднимайтесь! стойте такъ! *(Становится на колѣни).*
Вы, божьи вѣчно-пламенные звѣзды!
Вы, чудно мѣръ обнявшія стѣхи!
О будьте-жъ вы свидѣтели, что Яго,
Умъ, сердце, руку — вѣчно посвятилъ
Служенью оскорбленнаго Отелло...
Пусть онъ повелѣваетъ — я готовъ
На все кровавое — забывъ про совѣсть!...

отелло.

Я принимаю твой обѣтъ; не стану
Передъ тобою разсыпать пустыхъ
Благодареній. — Чтобы доказать,
Какъ я цѣню его, — теперь-же, Яго,
И пользуюсь я имъ; — черезъ три дня
Ты долженъ мнѣ донести, что Кассио
Уже не существуетъ.

яго.

Другъ мой мертвъ....
Вашъ приговоръ рѣшилъ судьбу его!
Но Дездемона.... пусть живетъ она!

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, судъ произнесень уже падъ пей,
 Безстыдпою.... произпесень ужъ судъ!
 Иди за мной; — подумать нужно, Яго,
 Чтобы для этой адской красоты
 Придумать смерть внезапную.... Теперь
 Ты — лейтенантъ мой.

ЯГО.

Вѣчно вашъ, снѣйоръ.

СЦЕНА IV.

Тамъ-же.

Входятъ ДЕСДЕМОНА, ЭМИЛИЯ и ШУТЬ.

ДЕСДЕМОНА.

Не знаешь-ли, любезный, какъ-бы найти Кассіо? гдѣ онъ бываетъ?

ШУТЬ.

Я не возьму на себя смѣлости сказать, гдѣ онъ бываетъ.

ДЕСДЕМОНА.

А отъ-чего-бы это?

ШУТЬ.

Онъ солдатъ, — а по-мнѣ, сказать гдѣ бываетъ солдатъ, — ово... немпожко щекотливо.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, гдѣ живетъ онъ?

ШУТЬ.

Сказать вамъ, гдѣ онъ живетъ, значить, сказать чистую ложь ²²

ДЕСДЕМОНА.

Можно-ли разобрать что-нибудь изъ этого?

ШУТЬ.

Я не знаю, гдѣ живетъ онъ, и слѣдовательно сказать, что онъ живетъ здѣсь или тамъ, значитъ безсовѣстно солгать передъ вами.

ДЕСДЕМОНА.

Не можешь-ли ты, по-крайней мѣрѣ, узнать объ этомъ и сказать мнѣ.

ШУТЬ.

Это дѣло другое. Я пущусь распрашивать у встрѣчнаго и поперечнаго, т. е., буду задавать вопросы, и на основаніи ихъ со-
здавать свой отвѣтъ.

ДЕСДЕМОНА.

Найди-же его и попроси придти сюда; скажи ему, что я про-
сила объ немъ своего мужа и ожидаю всего лучшаго.

ШУТЬ.

Все это не превышаетъ еще соображеній ума человѣческаго, и
слѣдовательно, я совершенно могу приписать на себя ваше пору-
ченіе. *(Уходитъ).*

ДЕСДЕМОНА.

Но гдѣ-жъ я потеряла свой платокъ,
Эмпіія?

ЭМПІЯ.

Не знаю я, сивьора.

ДЕСДЕМОНА.

Повѣрь, Эмилья, лучше-бъ согласилась
Я потерять свой кошелекъ крузадовъ ²³);
И если-бы мой благородный Мавръ
Имѣлъ не этотъ свѣтлый умъ, и былъ

Не выше мелкой ревности, копецпо
Отъ этого въ пемъ родилось бы много
Нечистыхъ мыслей.

Эмилия.

А Отелло не ревнивъ,

Сивьйора ?

ДЕСДЕМОНА.

Кто? мой Мавръ? — Я думаю,
Что солнце родины его сожгло
Въ крови его зародышь этой страсти.

Эмилия.

Ахъ, вотъ и опъ.

ДЕСДЕМОНА.

Теперь я отъ него
Не отойду, пока онъ не проститъ
Проступка Кассіо.

(Отелло входитъ).

Что не лучше ли
Тебѣ, мой другъ?

ОТЕЛЛО.

О, лучше, добрая
Моя сивьйора. (Въ-сторону). Ахъ, притворство мнѣ
Такъ тяжело!... А ты здорова?

ДЕСДЕМОНА.

О, совершенно, добрый мой сивьйоръ.

ОТЕЛЛО.

А дай мнѣ руку. — Какъ она пѣжна,
Сивьйора, ручка ваша!

ДЕСДЕМОНА.

Да, она
Еще немного видѣла годовъ,
И не видала горя....

ОТЕЛЛО.

Ручка эта

Мнѣ говоритъ, что много жизни здѣсь,
 Что на сердцѣ твоємъ тревоги много....
 Да, горяча.... такъ горяча, пѣжна!
 Она мнѣ говоритъ еще: спыиорѣ
 Нужны-бы постъ, неволя и молитва,
 Немножко-бъ покаянья нужно.... да!
 А то здѣсь все вертится шаловливо
 Молодонькїи бѣсенокъ.... право!
 Ахъ, это откровенная рука,
 Такая добрая!

ДЕСДЕМОНА.

Я думаю

Что добрая, — вѣдь ручка эта сердце
 Вамъ отдала мое....

ОТЕЛЛО.

Да, добрая

Ты ручка!... Встарину тебя-бы мнѣ
 Вручили сердце, а теперь, такъ ты
 Располагаешь сердцемъ — модная
 Геральдика! ²⁴⁾

ДЕСДЕМОНА.

Въ которой я, спыиорѣ,

Не понимаю ровно ничего.
 А что-же обѣщаніе твое?

ОТЕЛЛО.

Какое обѣщанье, милая
 Моя?

ДЕСДЕМОНА.

Да все-жъ объ этомъ Кассіо.

Ужъ я за нимъ послала, чтобъ пришелъ
 Поговорить съ тобою самъ.

ОТЕЛЮ.

Ахъ, вотъ

Опять меня схватила эта боль....

Дай мнѣ платокъ...

ДЕСДЕМОНА.

Вотъ онъ, мой милый.

ОТЕЛЮ.

Нѣтъ!

Другой, что я когда-то подарилъ.

ДЕСДЕМОНА.

Того здѣсь нѣтъ.

ОТЕЛЮ.

Какъ нѣтъ?

ДЕСДЕМОНА.

Да здѣсь... теперь

Со мною нѣтъ...

ОТЕЛЮ.

Жаль! жаль! его одна

Цыганка подарила матери

Моей давно уже; — она была

Колдунья, и могла читать въ душѣ

Людскую мысль; — она сказала ей:

Пока ты этотъ сохранишь платокъ,

До-тѣхъ-поръ будешь ты любима мужемъ

И безраздѣльно будешь обладать

Его душою; если-жъ потеряешь,

Или отдашь кому-нибудь его, —

Твой мужъ тогда-жъ тебя возненавидитъ,

И страсти новой покорится сердцемъ.

Предъ смертью мать мнѣ отдала его,

И завѣщала подарить жепѣ,

Когда и мнѣ жепиться придется...

Я такъ и сдѣлалъ: сохрани-жъ его,

И какъ зѣвицу ока береги.
 Да .. потерявъ или отдавъ его,
 Ты приготовишь безъисходную,
 Суровую погибель намъ...

ДЕСДЕМОНА.

О Боже!

Возможно-ль это?

ОТЕЛЛО.

Это вѣрно. — Въ ткани той
 Заключена таинственная сила:
 Сивилла, двѣсти разъ выдавшая
 Годичный солнца оборотъ, въ жару
 Своихъ инопческихъ видѣній, шила
 Его цвѣтами; шолкъ носили черви,
 Которыхъ силою своей она
 Очаровала; весь платокъ потомъ
 Омытъ таинственнымъ бальзамомъ былъ, —
 И тотъ бальзамъ сивилла источила
 Изъ дѣвственныхъ сердецъ столѣтнихъ мумій 25)

ДЕСДЕМОНА.

О, неужели истина все это?

ОТЕЛЛО.

Святая истина! Смотри-жь за нимъ
 Внимательно...

ДЕСДЕМОНА.

О, лучше-бы его
 Я не видала никогда!

ОТЕЛЛО.

Какъ! что?

А отъ-чего-бы это?

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, за-чѣмъ
 Ты такъ сурово говоришь со мною?

ОТЕЛЛО.

Такъ онъ потеряишь? отдаишь? говори-жь...
Его ужъ больше пѣтъ?..

ДЕСДЕМОНА.

Спаси насъ Боже!..

ОТЕЛЛО.

Да говори-жь!

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, не потеряишь онъ. --
Но если-бы.., Отелло?

ОТЕЛЛО.

А!...

ДЕСДЕМОНА.

Но я

Вѣдь говорю, что не потеряишь онъ.

ОТЕЛЛО.

Найди-же, покажи его!..

ДЕСДЕМОНА.

Да, — я

Найду его, спивъоръ, — но не теперь...

Но это хитрости... а! понимаю...

Такъ не удастся-жь вамъ, спивъоръ, меня

Заговорить, -- прости-же Кассіо,

Прошу тебя, мой милый другъ!..

ОТЕЛЛО.

Найди

Платокъ!.. Въ душѣ моей уже встають

Предчувствія...

ДЕСДЕМОНА.

Такъ, такъ!.. сердись! сердись...

Прости-жь его Отелло, — право, ты

Въ другомъ ужъ не найдешь такихъ достоинствъ...

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕСДЕМОНА.

О, умоляю-жъ... отвѣчай!

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕСДЕМОНА.

Всѣмъ бытіемъ своимъ всегда
Онъ былъ къ тебѣ привязанъ; онъ дѣлилъ
Съ тобою всѣ опасности...

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕСДЕМОНА.

Ну, право, стоить пожурить тебя...

ОТЕЛЛО.

Прочь!

(Уходитъ).

ЭМИЛИЯ.

Вы скажете — онъ не ревнивъ, сеньйора?

ДЕСДЕМОНА.

Я прежде не видала никогда
Его такимъ, и пачинаю вѣрить,
Что есть въ платкѣ таинственное что-то...
Ахъ! много припесетъ оно мнѣ горя...

ЭМИЛИЯ.

Не въ годъ, не въ два моя сеньйора, можно
Мужчину разгадать. — Мы, бѣдныя,
Не болѣе, какъ пища алчныхъ ихъ
Страстей, — и жадно пожираютъ насъ

Они; — ну, а потомъ, насытившись,
 Одно осталось — бросить!.. Но, смотрите:
 Вотъ идутъ Кассіо и Яго мой. *(Входятъ Яго и Кассіо).*

ЯГО.

Вамъ пѣтъ другой дороги; нужно, чтобъ
 Она за васъ прѣшла Мавра. — Ну,
 Вы, просто, счастливы — вотъ и она!
 Подите-жъ къ пей, да попытайтесь-ка
 Опять.

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ это вы, мой Кассіо!
 Чтò поваго у васъ?

КАССИО.

Спнѣйора! я

Все съ прежней просьбой. — Умоляю вновь
 Великодушное участие ваше, —
 Все бытіе мое отъ васъ зависить, —
 Вы только можете миѣ возвратить
 Любовь его, — его, котораго
 Во глубинѣ души моею люблю
 И уважаю безконечно я; —
 Вся эта медленность и неизвѣстность
 Невыносимо тяжелы!.. Когда-жъ
 Проступокъ мой уже некупимъ
 Ни прежними заслугами моими,
 Ни настоящей горестью, ни тѣмъ,
 Къ чему себя въ грядущемъ обрекаю, —
 Когда все это — миѣ не возвратитъ
 Уже любви его, — пусть скажетъ онъ,
 Чего, по-крайней-мѣрѣ, ждать я долженъ..
 Я покорюсь необходимости,
 Спнѣйора... горестью убитый, я
 Пойду себѣ другой дорогой...

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ,

Мой благородный, добрый Кассіо!

Предстательство мое теперь безспльно...
 Мой мужъ не тотъ уже, чѣмъ прежде былъ, —
 Я не узнала-бы въ немъ Мавра моего —
 Когда-бъ черты его перемѣнились,
 Какъ правъ... О, я за васъ молила,
 Какъ молить за меня у вѣчнаго
 Престола ангелъ мой хранитель... Что-жь?
 За эти рѣчи гнѣвъ его упалъ
 И на меня... Но потерпите ужъ
 Еще не много; — все, что только можно —
 Я сдѣлаю для васъ; — рѣшусь на то,
 На что для личныхъ цѣлей никогда-бъ
 Я не рѣшилась: будьте-жь хоть теперь
 Спокойны, Кассіо!

яго.

Такъ генералъ

Разгнѣванъ?

эмилія.

Опъ вотъ только-что ушелъ
 Въ волпечіи неизяснимомъ....

яго.

Опъ?

Взволнованъ?... я видалъ, какъ ядра
 Ряды дружинъ его сметали; видѣлъ я —
 Одно изъ нихъ, подобно демону,
 Схватило брата на груди его....
 И онъ взволнованъ? — видно есть причина....

ДЕСДЕМОНА.

Иди-же, Яго, успокой его, —
 Прошу тебя.

(Яго уходитъ).

Быть-можетъ получилъ
 Опъ изъ Венецыи непріятныя
 Извѣстья, — или здѣсь, на островѣ
 Открылъ опъ тайный заговоръ — и это
 Смутило свѣтлый міръ души его.
 А вѣдь въ подобныхъ случаяхъ всегда

Привяжемся мы, вѣрно, къ пустякамъ.
 Хотя душа полна тревогою
 Суровой; — это такъ! Пусть заболитъ
 У насъ пемпожко палець — эта боль
 Сейчасъ идетъ ко вѣмъ здоровымъ членамъ....
 Вѣдь люди-же — не боги; — и нельзя-жъ
 Намъ вѣчно требовать того вниманья,
 Которымъ насъ лелѣютъ въ брачный день.
 О побрани-жъ, Эмилиа, меня!
 Какъ много я была несправедлива
 Къ нему за мнимую холодность эту!...
 Теперь сама я вижу совершенно,
 Что виновать не онъ, а я....

ЭМИЛИА.

Дай Богъ,

Чтобы причиною этого волненья
 Были одни дѣла республики,
 А не зародышъ ревности слѣпой....

ДЕСДЕМОНА.

О, я тебя оплачу, день печальный!...
 Я никогда ему не подала
 Прищипы....

ЭМИЛИА.

Все-равно!... ревнивымъ такъ
 Не говорите лучше; ревности
 Прищипа не всегда пужна; они
 Ревнивы — просто потому, что ужъ
 Ревнивы.... Да, чудовище она!
 Сама-собой зачнется въ темпотѣ,
 И вырастаетъ изъ самой-себя.

ДЕСДЕМОНА.

О небо! изгони се на-вѣкъ
 Изъ сердца Мавра моего....

ЭМИЛИА.

Аминь,

Сивыйора!

ДЕСДЕМОНА.

Я теперь пойду искать
Его, а вы, межъ-тѣмъ, побудьте здѣсь,
Мой бѣдный Кассіо, — повторю
Предъ нимъ опять мольбы свои, — п все
Употреблю на то, чтобы склонить
Его.

КАССИО.

Благодарю васъ, добрая
Сивыйора! (*Десдемона и Эмилиа уходятъ.—Бьянка входитъ.*)

БЬЯНКА.

Ахъ, мой милый Кассіо!

КАССИО.

Какъ, Бьянка, ты? — И здѣсь? — Да, что тебя
Заставило придти сюда теперь?
Здорова-ли, прелестный другъ мой? — Я
Вотъ только-что было къ тебѣ собирався....

БЬЯНКА.

А я къ тебѣ, мой милый Кассіо! — Ну,
На что-жъ похоже это — прятаться
Недѣлю цѣлую — семь дней и семь
Ночей, — сто-шестьдесятъ часовъ, — а вѣдь
Часы любви тоскующей идутъ
Въ сто-шестьдесятъ разъ медленнѣй часовъ
Обыкновенныхъ.... Ахъ, какъ скучно ихъ считать
Мой Кассіо!

КАССИО.

Прости-же Бьянка!
Я самъ страдалъ такъ много въ это время....
Но скоро этотъ грѣхъ очисти я,
Неразставаясь болѣе съ тобой

Ни на минуту. — Милая Бьянка!
(Показывает платок Десдемоны).
 Сработай мнѣ точь-въ-точь такой платокъ.

БЬЯНКА.

Ахъ, Кассио, гдѣ ты взялъ его? — И вѣрно
 Подарокъ новой дружбы? — О, теперь
 Я вижу ясно — отъ-чего тебя
 Не видно было.... вотъ причина! ахъ
 Какъ это хорошо!...

КАССИО.

Пошла!... На то
 И женщина.... Брось этотъ глупый вздоръ
 Туда, откуда онъ пришелъ къ тебѣ —
 Діаволу. — Ты создала уже
 Изъ ревности — любовницу, подарки...
 Клянусь, не угадала, Бьянка, ты!

БЬЯНКА.

Ну, чей-же онъ?

КАССИО.

Да я и самъ не знаю; —
 Я въ комнатѣ своей нашелъ его.
 Рисунокъ мнѣ поправился, и мнѣ
 Хотѣлось-бы имѣть такой-же, прежде,
 Чѣмъ возвращу его, — а возвратитъ
 Когда-нибудь да надо. — Вѣришь-ли?
 Возьми-жъ его и сдѣлай точно такъ.
 Ну, а теперь, пока прощай!

БЬЯНКА.

Прощай?...

За-чѣмъ-бы это?

КАССИО.

Да за тѣмъ, что я
 Здѣсь генерала ожидаю. — Ну,

А согласись сама — целовко-же
 Съ тобой вдвоемъ къ нему явиться мнѣ....

Бьянка.

А отъ-чего-бы, на-примѣръ, целовко?

Кассіо.

Конечно ужъ не отъ-того, чтобы
 Я не любилъ тебя.

Бьянка.

А отъ-того,
 Что ты меня не любишь... такъ-ли?
 Хоть проводи-жь меня.... По-крайней-мѣръ,
 Придешь ли ты хоть вечеромъ сегодня?

Кассіо.

Мнѣ нужно дожидать на этомъ мѣстѣ,
 И потому далеко не могу
 Я проводить, — но я зайду къ тебѣ
 Какъ только потемнѣетъ. —

Бьянка.

И за то
 Спасибо, милый Кассіо! — Судьбѣ
 Своей безъ ропота я повинуюсь.

==

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ-жс.

Входятъ ОТЕЛЛО и ЯГО.

ЯГО.

Васъ все еще, сирьоръ, тревожить это?

ОТЕЛЛО.

Тревожить-ли меня?

ЯГО.

И что-жь? — одинъ
Таинственный и тихій поцѣлуй...

ОТЕЛЛО.

А кто

Далъ право имъ на этотъ поцѣлуй?...

ЯГО.

Или невнятное свиданье въ спальнѣ,
Не больше часа, двухъ....

ОТЕЛЛО.

Невинное?

И въ спальнѣ, Яго?... Чтѣ-же — дьявола
 Опп морочать?... Знаешь-ли, что тѣхъ,
 Которыя ведутъ невинныя
 Бесѣды въ спальняхъ по-ночамъ — тѣхъ искушаетъ
 Самъ сатана; — опп-же, въ свой чередъ,
 Святое Небо искушаютъ.

яго.

Тутъ,

Казалось, грѣхъ-бы небольшой 'еще
 Потолковать вдвоемъ, — по еслн я,
 Положимъ, подарю женѣ платокъ....

ОТЕЛЛО.

Ну, чтѣ-жъ тогда?

яго.

Да оппъ тогда ужъ ей
 Принадлежитъ, — и я-бы думать смѣлъ,
 Чтѣ подарить свое добро она
 Имѣетъ право.

ОТЕЛЛО.

Такъ по твоему,
 Она имѣетъ право подарить
 И честь свою, — вѣдь-же она хозяйка
 И этого добра?

яго.

Вотъ вы и честь
 Сейчасъ; честь — дѣло темное, синьйоръ...
 Огляньтесь — мало-ли безстыдницъ честныхъ....
 Но чтѣ касается платка....

ОТЕЛЛО.

Клянусь,

Я много-бъ далъ, чтобъ позабыть о немъ,

А у тебя, что́ слово — то платокъ....
 О, эта мысль на памяти моей,
 Какъ мрачный воронъ, каркающіи гибель
 На кровлѣ зачумленной... 26). У него
 Платокъ мой!...

яго.

И что́-жъ изъ этого?

отелло.

Теперь

Изъ этого уже выходитъ много...

яго.

А если-бъ я сказалъ, что видѣлъ самъ
 Позоръ вашъ?... слышалъ отъ него я самъ....
 Вѣдь есть довольно въ свѣтѣ п такпхъ,
 Что такъ или иначе дотянувъ
 До своего — никакъ ужъ не утерпятъ,
 Чтобъ не трубить предъ встрѣчнымъ-поперечнымъ...

отелло.

Да развѣ говорилъ онъ что-нибудь?

яго.

Да, говорилъ; — и это вѣрно такъ,
 Какъ то, что онъ при случаѣ, пожалуй,
 И отонрется отъ своихъ рѣчей.

отелло.

Ну, что́-жъ онъ говорилъ?

яго.

Что будто онъ...

Того.... но, право, я не знаю, какъ —
 Сказать вамъ это....

отелло.

Говори-же, что́?

Отелло

яго.

Лежалъ ...

отелло.

Съ женой?

яго.

Да, съ нею, возлѣ ней... 27).

Ну, какъ хотите тамъ...

отелло.

Лежалъ съ нею! возлѣ нея!... Какъ, это говорятъ еще, Яго, когда говорятъ объ этомъ?... О, позоръ, позоръ!... Платокъ!... Такъ вотъ исповѣдь его!... Платокъ... Да, исповѣдь ему, и — веревку за эти подвиги... 28). Нѣтъ, на веревку прежде, — такъ и допросъ... Я дрожу, какъ только подумаю... Нѣтъ, эта страсть не обезумила-бы такъ мою природу, если-бы не было у нея тапныхъ предчувствій... Одни пустые звуки не пропикнули бы меня этимъ страннымъ трепетомъ... Ухъ!... Вотъ она вся... ея черты... ея очи и уста ея.. Ахъ, да возможно-ли это?!... Признается!... платокъ!... о дьяволь! (Падаеть въ обморокъ).

яго.

Гуляй мой ядъ, — работай ядъ!... Вотъ какъ
 Пріятелей, глупцовъ васъ легковѣрныхъ,
 Въ засаду ловятъ!... Вотъ невинность ваша,
 О непорочные мои голубки!...
 Что-жь тутъ она поможетъ вамъ?... Синьйоръ!
 Что съ вами? (Входитъ Кассіо).

Мой синьйоръ! Отелло!

Ахъ, это Кассіо вы!

кассіо.

Что здѣсь такое?

яго.

Падучая!... ахъ, бѣдный мой синьйоръ!...

И вотъ, въ другой ужъ разъ ударило

Его; вчера было вотъ точно также.

КАССИО.

Ему-бъ виски немного потерять.

ЯГО.

О пѣтъ! оставьте... пусть обычный ходъ
Припадокъ совершить; иначе пѣна
Забьется клубами на его устахъ,
И хуже прежняго еще его
Закорчить.... Вотъ, онъ движется уже,
Глядите. — Выйдите-жъ теперь отсюда
На пѣсколько минутъ, — онъ скоро ужъ
Отнется; — а потомъ, когда уйдетъ —
Мы потолкуемъ съ вами объ одномъ
Довольно-важномъ дѣлѣ.

(Кассіо уходитъ).

Что, какъ вы
Теперь, епъйоръ? — И ваша голова...
Конечно, вы се не повредили?...

ОТЕЛЛО.

Ты надо мной смѣешься?...

ЯГО.

Я,

Спъйоръ, смѣюся?... Пѣтъ! предъ Богомъ, пѣтъ!
Скорѣй — я-бъ пожелалъ вамъ перепестъ
Несчастье это гордо, равнодушно...

ОТЕЛЛО.

Обманутый супругъ — о, это звѣрь,
Чудовище!

ЯГО.

Такъ ихъ таки довольно
По городамъ — цивилизованныхъ
Чудовищъ этихъ и звѣрей.

ОТЕЛЛО.

И онъ, ты говоришь, признался въ этомъ?...

яго.

Синьйоръ! синьйоръ мой! — Будьте человекомъ...
 Подумайте, что всякъ, кого судьба
 Родила съ бородой, — чуть голову
 Свою пагнетъ въ супружное ярмо —
 Рога какъ разъ растутъ на головѣ
 Его... Ахъ, сколько есть счастливецъ,
 Увѣренныхъ, что чисто ложе ихъ, —
 А тамъ чортъ знаетъ кто толчется... Вамъ
 На долю лучше выпало! А то лобзать
 На ложѣ, — въ чистотѣ, котораго
 Такъ много мы убѣждены, — лобзать
 Преступницу и думать, что опа,
 Какъ ангелъ неповинна — о, да это
 Преоскорбительная шутка ада,
 Архи-насмѣшка князя сатаны...
 Нѣтъ, пусть я лучше знаю жребіи свой, —
 А зная, что-такое я — легко
 Уже рѣшить и то, чѣмъ быть и ей.

ОТЕЛЛО

Ты мудръ, мой Яго, — это справедливо!

яго.

Уйдите-ка отсюда на мнунтку,
 Да потерпите, ужъ не горячась. —
 Пока вы здѣсь томилнся въ борьбѣ
 Съ глубокой горестью, — что недостойно
 Подобныхъ вамъ людей, — сюда зашелъ
 Нашъ Кассіо. — Я отослалъ его
 Подъ тѣмъ предлогомъ, будго вы въ припадкѣ,
 Но попросилъ придти сюда опять
 Потолковать со мной; — онъ общалъ.
 Вы спрячьтесь, и смотрите, какъ
 Рисуется во всѣхъ чертахъ его
 Насмѣшка, гордость и презрѣнье,
 Когда онъ говоритъ объ этой связи; —
 А я его заставлю повторить,
 Гдѣ, какъ, когда и сколько было ужъ

У нихъ свиданій? долго-ли идутъ
 Они? когда назначено опять?
 Вы только молча замѣчайте всё
 Тѣлодвиженія его; — по разъ
 Еще, синьйоръ, — терпѣніе! — Не то,
 Заставите меня повѣрить вы,
 Что страсти въ вашемъ сердце слишкомъ-много,
 Да маловато человѣка....

ОТЕЛЛО.

Замѣть-же, Яго, истощу я все
 Терпѣніе свое; но послѣ, Яго, —
 Замѣть и это, — истощу я всю
 И злобу кровожадную.

яго.

На это

Я ничего вамъ не скажу, но пусть
 Васъ время приведетъ къ тому законно....
 Благоволите-же, синьйоръ, уйти. *(Отелло отходитъ).*
 Теперь я съ Кассіо заговорю
 О Бьянкѣ, этой умницѣ, что такъ
 Умно ведетъ коммерческій обмѣнъ
 Восторговъ жаркихъ на насущный хлѣбъ,
 Да па лоскутья бабы.... бѣдная
 Души не слышитъ въ Кассіо своемъ...
 Да это вѣчно такъ уже у нихъ —
 Щипаютъ сами пропастъ мелкихъ пташекъ,
 А ихъ уже одинъ щипастъ коршунъ. —
 И чуть при немъ заговоришь объ ней —
 Онъ тотчасъ смѣхомъ разразится.... А!
 Вотъ онъ. *(Кассіо входитъ).*

Ну, смѣйся-жъ, каждая твоя
 Улыбка новымъ бѣшенствомъ взволнуетъ
 Неистоваго Мавра; онъ сдумѣетъ,
 Въ угарѣ глупой ревности своей,
 Веселый смѣхъ твой такъ чудесно
 По своему растолковать.... Ну, что
 Мой лейтенантъ?

КАССИО.

Не хорошо, мой Яго, —
 Тѣмъ болѣе не хорошо, что ты,
 Ужъ не въ насмѣшку-ль, полно, величаешь
 Меня достоинствомъ, котораго
 Потеря убиваетъ всѣ мои
 Надежды.

ЯГО.

Вамъ еще-бы попросить
 Какъ должно, Дездемону, — это
 Одно спасти васъ можетъ. (Тихо).

Вотъ когда-бъ
 Зависѣло отъ Бьянки наше дѣло —
 Такъ резолюція-бы мнгомъ, — а?

КАССИО

Да, бѣдная моя шалувья!

ОТЕЛЛО *(тихо)*.

А!

Уже смѣется!...

ЯГО.

Право, не видалъ
 Я женщины, такъ беззавѣтно
 И чисто преданной любви своей...

КАССИО.

Да, вѣтреница точно влюблена
 Въ меня, — я въ этомъ убѣждень.

ОТЕЛЛО *(тихо)*.

Теперь

Какъ будто онъ не соглашается,
 А самъ межъ-тѣмъ смѣется, — ну, оно
 Понятно!

яго.

Знаете-ли Кассіо...

ОТЕЛЛО (*тихо*).

А....

Вотъ онъ его заставитъ разсказать
Все дѣло.... Ну, впередъ! — Чудесно, Яго, —
Чудесно сказано....

яго.

Она вездѣ

Трубитъ, что вамъ хотѣлось-бы на ней
Жениться, — правда-ль это?

КАССИО.

Ха, ха, ха!

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Триумфъ тебѣ, о Римлянинъ! триумфъ!...

КАССИО.

Мнѣ хотѣлось-бы на ней жениться? — Что ты! На этой дѣвѣ
милосердія!... Да хоть пемпожко снисхожденія, Яго, къ бѣдному-
то разсудку моему.... Не ужъ-то я совсѣмъ-таки помѣшался....
Ха, ха, ха! на ней жениться!...

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Такъ, такъ, такъ, славно!... Завоевалъ — рукоплещи теперь!

яго.

По чести, слухи ходятъ, что вы хотите на ней жениться.

КАССИО.

Ты не шутишь, Яго?

яго.

Да, что за шутки? — Пусть я буду и не знаю чѣмъ, если это
есть у меня и въ помышленіи.

ОТЕЛЛО (*тихо*).

А! ты уже рѣшилъ, сколько осталось жлтѣ мнѣ, Кассіо! Недурно!

КАССИО.

Ну, увѣрю тебя — это собственныя сочиненія этой мартышки.... Она-то, пожалуй, убѣждена въ томъ, что я женюсь на ней, — да убѣдилась-то она не изъ словъ моихъ, а изъ личнаго тщеславія только. (*Яго дѣлаетъ знаки Отелло*).

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Яго киваетъ мнѣ; — теперь онъ начнетъ свою исторію.

КАССИО.

Вотъ только-что она была здѣсь; — какъ видишь, она нигдѣ не даетъ мнѣ покоя.—Недавно какъ-то стояло пасъ, пѣскольке земляковъ, на морскомъ берегу, — такъ, толковали о чемъ-то, — вдругъ, откуда ни возмись — прибѣгаетъ она, и, какъ кошка, сразу цѣпляется мнѣ на шею....

ОТЕЛЛО (*тихо*).

И безъ сомнѣнія кричатъ: «о милый Кассіо!» — такъ, по крайней-мѣрѣ, доказываютъ твои жесты.

КАССИО.

Вѣшается, говорю, на шею, прижимаетъ къ груди своей, обливаетъ меня слезами, тормошитъ, тащитъ меня... Ха, ха, ха!...

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Теперь онъ рассказываетъ, какъ она затащила его въ свою спальню.... О, я уже вижу и всѣ ваши дальнѣйшія продѣлки; но я еще не вижу собаки, которой-бы тебя стоило бросить за нихъ.

КАССИО.

Ну, впередъ она меня не подцѣпнеть.

ЯГО.

Смотрите!... вѣдь она вотъ ужъ здѣсь.. И на чужихъ не глядитъ!
(*Входитъ Бьянка*).

КАССИО.

Да это чистая кошка!... только знаешь-ли, прилизаная, падушная... (Бьянка) Ну, чего тебѣ хочется? Чего ты бѣгаешь по слѣдамъ монмъ?

БЬЯНКА.

Пусть по тебѣ бѣгаетъ чортъ съ своею чертовкой!... Скажи лучше — чего тебѣ хотѣлось, когда ты отдавалъ миѣ платокъ этотъ?... А я-то дура—и возьми его!... Видите-ли—вамъ нуженъ другой точно такой-же.... И то сказать—какъ умно придумано: «Я нашелъ его въ своей комнатѣ!.. я не знаю, кто его тамъ поппнулъ!» Ты не знаешь... А я такъ знаю, что это драгоценные сувенирчики какой-нибудь потаскухи, — и я-же должна работать надъ нимъ.... На! отдай его своему сокровищу! Чей-бы онъ ни былъ—я не стану, и не стану такъ сидѣть надъ нимъ.

КАССИО.

Да, что ты, милочка моя Бьянка, что съ тобой?

ОТЕЛЛО (тихо).

Клянусь небомъ это, должно-быть, мой платокъ!

БЬЯНКА.

И если ты хочешь придти ко мнѣ — ужинать сегодня, — милости просимъ! — А! пѣтъ — приходи, когда позволятъ тебѣ дѣла твои. (Уходитъ).

ЯГО.

За пею, Кассіо, за пею!

КАССИО.

Да, надобно пойти; иначе, она забарабанитъ теперь по всѣмъ уллицамъ.

ЯГО.

Вы у нея останетесь и ужинать?

КАССИО.

Кажется, что такъ.

яго.

И прекрасно; — а могу-ли я васъ видѣть тамъ?... Мнѣ-бы очень-хотѣлось поговорить съ вами.

кассио.

О, сдѣлай милость, приходи!.. Будешь?..

яго.

Ну, поспѣшайте ужъ за нею... полно толковать вамъ.

(Кассио уходитъ).

отелло.

Какъ-же мнѣ, Яго, мучить его?..

яго.

Вы видѣли теперь, въ какомъ опъ восторгѣ отъ мерзостей своихъ...

отелло.

О Яго!

яго.

Вы также видѣли и платокъ, конечно?

отелло.

А это мой платокъ?

яго.

Какъ честный человекъ, — вашъ, спяньоръ... И вотъ какъ опъ цѣнить безумную эту женщину — жепу вашу! Она даритъ ему платокъ, а опъ бросаетъ его первой твари.

отелло.

Цѣлые годы я хотѣлъ-бы мучить — не замучить его!.. Совершенная женщина! прелестное, милое созданіе!

яго.

Спяньоръ! вамъ пужно забыть это...

ОТЕЛЛО.

Да... судъ, и смерть, и гибель ей — все въ эту ночь... Да, не жить ей больше... Сердце мое теперь — камень. Какъ бьетъ оно мою грудь! какъ болѣзненно бьется оно подъ моей рукою... О, мѣръ не увидитъ уже созданія прекраснѣе ея!.. Она могла-бы раздѣлять судьбы владыкъ земныхъ, и своею волею вести судьбы эти.

яго.

Да вы, генералъ, ведете не по той уже дорогѣ...

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, ей все-таки погибель! Я говорю только, что такое она — эта Дездемона!.. Такъ превосходно работаетъ иглою... такъ удивительно играетъ!.. Предъ ея пѣжностью сокрушилась-бы свѣрѣлость дикаго медвѣдя! Умъ такой свѣтлый, и такое плѣнительное воображеніе...

яго.

И все это только слышѣе обвиняетъ ее.

ОТЕЛЛО.

О, тысячу, тысячу разъ!.. И сердце такое пѣжное, такое благородное!

яго.

Да, такое благородное...

ОТЕЛЛО.

О, это справедливо, — и какое участіе, Яго! какое благодушіе, спсхожденіе...

яго.

И если вы такъ спсходительны къ ея маленькимъ шалостямъ — дайте-же ей открытій листъ грѣшить безданию и безпошлинно... Ужь если эти вещи не цѣпляютъ васъ, такъ для нихъ широкая дорога, — они никого не задѣнутъ.

ОТЕЛЛО.

Я пзорву ее въ мелкіе куски! — Измѣнитъ мпѣ!...

яго.

Какъ это низко, педостойно ея...

отелло.

И съ моимъ офицеромъ еще...

яго.

Это ужъ, просто, изъ рукъ вопъ!

отелло.

Достань мнѣ яду, Яго! — и эту-же ночь!.. Мнѣ не пужно никакихъ объясненій. — Я все еще боюсь, что рѣшимость моя не устоитъ передъ этимъ дивомъ красоты. — Слышишь, Яго, эту-же ночь!

яго.

За чѣмъ тутъ ядъ, спяньоръ, — лучше задушите ее, и на той-же самой постели, которую она такъ опозорила.

отелло.

А, да!.. хорошо... хорошо! — Въ казни этой будеть смыслъ и правда... прекрасно!

яго.

Что-же касается собственно до Кассіо, — это, спяньоръ, я уже принимаю лично на себя; — въ полночь вы услышите больше.

отелло.

Превосходно! — Что это за сигналы? (*Слышенъ звукъ трубы*).

яго.

Навѣрно, изъ Венеции что-нибудь.

А вотъ и Лодовико; — вѣрно, опъ

Отъ Дожа, — посмотрите, съ нимъ идетъ

И Десдемона.

(*Входятъ Лодовико, Десдемона и свита*).

ЛОДОВИКО.

Здраствуйте, достойный

Мой генералъ!

ОТЕЛЛО.

Ахъ, здравствуйте спыйоръ!

ЛОДОВИКО.

Дождь и Сенатъ привѣтствуютъ Отелло! *(Подаетъ ему пакетъ).*

ОТЕЛЛО.

Цѣлую эти знаки — власти ихъ

И добраго вниманья.

(Открываетъ пакетъ и читаетъ).

ДЕСДЕМОНА.

Что-же ты

Привезъ намъ поваго, мой добрый братъ?

яго.

Мнѣ такъ пріятно видѣть васъ, спыйоръ, —

Да будетъ-же на радость вашу прїѣздъ.

ЛОДОВИКО.

Благодарю. — Что, какво живетъ

Нашъ Кассіо?

яго.

Живетъ спыйоръ!

ДЕСДЕМОНА.

Теперь

Опъ въ непріятныхъ отношеніяхъ

Съ моимъ Отелло, но падѣюсь я,

Что ты ихъ помиришь, мой милый братъ.

ОТЕЛЛО.

Надѣтесъ?

Спыйоръ?

ДЕСДЕМОНА.

ОТЕЛЛО (читаетъ).

«Обратите на это полное ваше вниманіе, какъ будто...»

ЛОДОВИКО.

Онъ никого не назвалъ... вѣрно, онъ
Письмо читалъ... Такъ, неприятности,
Ты говоришь, у нихъ...

ДЕСДЕМОНА.

Ужасныя!

И мнѣ, не знаю какъ, хотѣлось-бы,
Чтобы сошлись опять они; — я такъ
Люблю бѣдвяжку Кассьо...

ОТЕЛЛО.

Громъ и смерть!

ДЕСДЕМОНА.

Спыйоръ?

ОТЕЛЛО.

Не помѣшалась-ли ты!..

ДЕСДЕМОНА.

Вотъ онъ

Опять разгиванъ...

ЛОДОВИКО.

Можетъ-быть, письмо

Причиной гнѣва этого. — Его,
Какъ кажется, зовутъ назадъ въ Венецію,
А мѣсто это поручаютъ Кассьо.

ДЕСДЕМОНА.

Серьёзно? — ахъ, какъ рада я...

ОТЕЛЛО.

Сервѣзно?..

ДЕСДЕМОНА.

Спѣшнѣе?..

ОТЕЛЛО.

Ахъ, какъ я радъ, что вы съ ума

Сошли.

ДЕСДЕМОНА.

Какъ вы сказали, милый мой

Отелло?

ОТЕЛЛО.

Дьяволъ!..

(Бьетъ ее).

ДЕСДЕМОНА.

Я не заслужила,

Отелло, этого...

ЛОДОВИКО.

Никто-бъ въ Венеціи

И не повѣрилъ этому, спѣшнѣе,
 Хоть-бы поклялся я, что видѣлъ самъ...
 О, это слишкомъ ужь!.. Скажите-жъ ей
 Хоть ласковое слово; — посмотрите —
 Бѣдлѣжка плачетъ!

ОТЕЛЛО.

Дьяволъ! дьяволъ!..

Когда-бъ отъ женскихъ слезъ могла зачать
 Земли утроба — каждая слеза
 Твоя создала-бъ крокодила... ²⁹⁾ Прочь!
 Прочь отъ меня!..

ДЕСДЕМОНА.

Я оскорбляю васъ

Присутствіемъ своимъ... я ухожу!

(Уходитъ).

ЛОДОВИКО.

Вотъ списхожденіе примѣрное,
Клянусь! — Да воротите-же ее,
Я умоляю васъ.

ОТЕЛЛО

Синьйора!

ДЕСДЕМОНА.

Мой

Синьйоръ?..

ОТЕЛЛО.

На что-же вамъ она?

ЛОДОВИКО.

Кому?

Мнѣ генералъ?

ОТЕЛЛО.

Да вы-жъ сейчасъ сказали,
Чтобъ воротить ее... Она вернулась...
Она вертѣться можетъ, какъ угодно,
Уйти, придти; — она и плакать можетъ —
И плакать — да!.. она — покорная
Супруга — о, покорная — какъ вы
Сказали; чудо, не супруга! — Ну,
Да разливайся-же въ слезахъ, — а вы,
Синьйоръ, игру прилично созерцаете...
Не правда-ль, чудо сыграпо! — А тутъ
Еще меня отсюда отзываютъ; —
Уйди-жъ отсюда, — я тобой сейчасъ
Займусь... Синьйоръ, я повинуюсь волѣ
Пославшихъ васъ, и возвращаюсь
Въ Венецію. — Да прочь-же ты отсюда!... *(Десдемона уходитъ.)*
На это мѣсто Кассіо поступитъ
И... Вечеромъ, синьйоръ, прошу ко мнѣ
Поуживать; вы кетати прибыли,
Синьйоръ, къ намъ въ Кипръ... Развратъ и подлость! *(Уходитъ.)*

ЛОДОВИКО.

Такъ это онъ, тотъ благородный Мавръ,
 Котораго сенаторы одинъ
 Передъ другимъ такъ громко величаютъ!...
 Такъ вотъ она, та гордая душа,
 Несокрушимая страстями! Вотъ
 Она — та доблесть, равнодушная
 Къ судьбѣ суровой..

яго.

Ахъ, сирѣчь, онъ такъ

Пережился...

ЛОДОВИКО.

Все-ли у него
 Здорово тутъ? — ужъ не зашелъ-ли умъ
 За разумъ?

яго.

Онъ и былъ и есть — то, что
 Онъ былъ и есть, — хоть я, сирѣчь, не смѣю
 Судить его, — по онъ не то далеко,
 Чѣмъ могъ-бы быть, — конечно, если-бъ то
 И могъ еще... все-жъ горячо молю
 Я небеса — чтобъ былъ онъ тѣмъ...

ЛОДОВИКО.

Ну, какъ!

Жену свою ударить!...

яго.

Правда, это
 Не такъ то хорошо, но между-тѣмъ
 Было-бы хорошо еще, когда-бъ
 И хуже не было чего-нибудь...

ЛОДОВИКО.

Да развѣ это у него вчистую?...
 Или взбѣшенный письмами сената
 До этой степени забился онъ?...

яго.

Увы!

Увы! — Безчестно было-бъ для меня
 Болтать о всемъ, что видѣлъ я, что знаю...
 Смотрите сами, — вы, изъ собственныхъ
 Его поступковъ, разгадаете
 Его и безъ рѣчей моихъ; глядите,
 Да замѣчайте только, какъ идутъ
 Дѣла...

лодовико.

Мнѣ жаль, что я ошибся въ немъ!

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ отелло и эмилия.

ОТЕЛЛО.

Такъ ты, Эмиля, ровно ничего
 Таки не видѣла?

ЭМИЛИЯ.

И никогда

Не слышала, — и даже подозрѣній
 Здѣсь никакихъ не можетъ быть, снѣншюръ.

ОТЕЛЛО.

Такъ!... по — ты видѣла вѣдь вмѣстѣ ихъ —
 Ее и Кассіо?

ЭМИЛИЯ.

Но я клянусь,
 Не видѣла дурнаго ничего, —
 Хоть ни одно дыханіе изъ устъ
 Не ускользало отъ меня.

ОТЕЛО.

Ну вотъ —

Ужъ никогда такъ они
И не шептались..

ЭМИЛЯ.

Никогда, спыйоръ.

ОТЕЛО.

И никогда тебя не высылали?

ЭМИЛЯ.

Нѣтъ, никогда!

ОТЕЛО.

Ну, па-примѣръ, принесть
Перчатки, вѣреть, маску, что-нибудь
Такое..

ЭМИЛЯ.

Никогда!

ОТЕЛО.

Да, чудно право!

ЭМИЛЯ.

Я смѣю васъ, спыйоръ, могу увѣрить
Въ чистѣйшей непорочности ея;
За это я своею душою вамъ
Ручаюсь... и если вы въ другомъ
Убѣждены, — о, изгоните прочь
Изъ вашей мысли убѣждение это,
Болѣзненно-гнетущее ее!...
И тотъ, кто кипучъ вамъ его на сердце...
Пусть Богъ его проклятьемъ поразитъ
Какъ змія-искусителя!... Когда
Она не непорочна, не чиста,
Не добродѣтельна, — такъ на землѣ
Нѣтъ счастливыхъ мужей!.. Ее, мой Боже!

Ее, чистѣйшую изъ жепъ, волочатъ
Въ грязи нечистой клеветы...

ОТЕЛЛО.

Поди,

Да попроси ее сюда. Ступай! (Эмилиа уходитъ.)

Ты славно говоришь, — да кто-жъ тебѣ
Повѣрить?... Какъ тебѣ не знать: что, гдѣ,
И какъ порасказать?... Вѣдь здѣсь твой хлѣбъ,
Вѣдь ты хитра, умна; ты создала
Уже и схоронила много тайнъ
Нечистыхъ; — ты такъ мастерски умѣешь
Пасть на колѣни кетати, и молить
Такою жаркою мольбой, — вѣдь мнѣ
И самому пришлось видѣть это.

(Входятъ Дездемона и Эмилиа.)

ДЕДЕМОНА.

Что вамъ угодно?

ОТЕЛЛО.

Подойди ко мнѣ,

Моя невинная голубка...

ДЕДЕМОНА.

Чѣмъ

Могу, снѣйоръ, я успокоить васъ...
Разсѣять?...

ОТЕЛЛО.

Дай налюбоваться мнѣ
Огнемъ очей твоихъ, — смотри-жъ въ лицо
Мнѣ прямо — долго... долго...

ДЕДЕМОНА.

О, у васъ

Есть что-то страшное на мысли!...

ОТЕЛЛО (Эмилиа.)

Ну,

А ты, сплѣнора, хлопочи свое:
 Друзей сердечныхъ глазъ-па-глазъ, конечно, —
 Дверь па-запоръ, — да не зѣвать — чуть кто
 Покажется, — ты, будто невзначай,
 И кашляни многозначительное: «гмъ!»
 Ну, къ мѣсту, къ дѣлу... маршь па аваппосты!

(Эмилиа уходитъ.)

ДЕСДЕМОНА.

Молю, — у погъ твоихъ молю, Отелло!...

(Становится на колѣни.)

Скажи мнѣ тайный смыслъ рѣчей твоихъ...
 Я вижу только гнѣвъ въ словахъ, но словъ
 Не понимаю я...

ОТЕЛЛО.

Но что-жь ты, Дездемона?...

ДЕСДЕМОНА.

Твоя жена, Отелло; вѣрная
 И честная жена твоя...

ОТЕЛЛО.

Ну, такъ...

И честная жена твоя... Клянись,
 Клянись еще, — пиши чертямъ завѣтъ
 На душу; какъ-же имъ и взять тебя,
 Когда ты, дивная, какъ небеса
 Святыя хороша?!... Губи-же душу...
 Клянись еще, что непорочна ты!

ДЕСДЕМОНА.

О, Боже! будь свидѣтелемъ мнѣ.

ОТЕЛЛО.

О, да, — свидѣтель Опъ, что ты, какъ адъ,
 Коварна...

ДЕСДЕМОНА.

Я, сплѣоръ? — Противъ кого

Коварна я?... И какъ коварна я?...

ОТЕЛЛО.

О Дездемона!... прочь! прочь! прочь!... (Плачетъ.)

ДЕДЕМОНА.

Увы!

Печальный, скорбный день!... Вы плачете,
Спыйоръ... о милый мой супругъ! о чемъ
Ты плачешь?... Ахъ, не я-ли слезъ твоихъ
Причиною?... Но если ты вишишь
Въ томъ моего отца, что призываетъ
Тебя спастъ назадъ — не проклинай
Меня!... Ужъ если больше нѣтъ для васъ
Его, спыйоръ, — такъ для меня, увы!
Опъ навсегда потерявъ, бѣдный мой отецъ...

ОТЕЛЛО.

О, пусть-бы небо горемъ посѣтило
Меня тяжелымъ; пусть упали-бы
На эту безучастную главу —
Вся скорбь, презрѣнiе, уничиженъе;
Пусть нищета одѣла-бы меня
Нечистымъ рубищемъ; — пусть вѣчными
Цѣпями оковали-бы меня,
И лучшiя мои надежды... все,
Я все-бы перепесь, — съумѣлъ-бы я
Еще пайдти въ соккрытыхъ тайникахъ
Души хоть каплю самоотверженья!...
Но сдѣлать изъ меня предметъ презрѣнья
И утвердить падъ нпмъ обидный перстъ
Лукаваго, тяжелаго участья...
О!... о!...

Нѣтъ! я-бы перепесь еще
И это... да! и это-бъ перепесь!
Но видѣть грязное, вопиющее
Болото тамъ, гдѣ думалъ я лелѣять
Всѣ упованья сердца своего, —
Гдѣ я хотѣлъ и могъ-бы жить еще —

Хотя-бъ изъ жизни мнѣ свилася цѣпь
 Однихъ страданій, — гдѣ и могъ я только
 Взять силъ для трудныхъ дней ... и видѣть тамъ
 Гнилюю тишу, — и глядѣть, какъ тамъ
 Копошится клубы нечестыихъ гадницъ...
 О, отвори-жь лицо свое, терпѣице!
 Твой свѣтлый лпкъ, о чистый херувимъ!
 Искривится какъ сатаны насмѣшка...

ДЕСДЕМОНА.

Я думаю, что благородный мой
 Супругъ считаешь чистою меня...

ОТЕЛЛО.

Да, чистою — какъ лѣтнихъ мухъ, что сами
 Плодятся въ бойняхъ изъ гнилой крови.
 О ты, роскошно-сладостный цвѣтокъ —
 Чудесное твое благоуханье
 Такъ уповательно, что чувству больно
 Пить ароматъ на вѣничкѣ твоемъ...
 О, благо было-бы, когда-бъ во вѣкъ
 Ты не родилася...

ДЕСДЕМОНА.

Увы! но что-жь
 Я сдѣлала преступнаго, синьйоръ?

ОТЕЛЛО.

И эти чистые листы, и эта
 Святая книга — для того-ли Богъ
 Васъ создалъ, чтобы адъ здѣсь начерталъ
 Позорныя слова разврата?.. Что
 Ты сдѣлала? что сдѣлала?.. О ты,
 Безчестьемъ оглашенная!.. Да что-бъ
 Назвать ихъ только, гнусные
 Твои поступки — пужпо выжечь мнѣ
 Весь стыдъ свой прежде... Что ты сдѣлала!?..
 И небо хмурится, и чистая луна
 Стыдливое чело свое скрываетъ

Подъ дымкой тучь, и сладострастный вѣтеръ,
 Лобзающій свободнымъ поцѣлуемъ
 Весь міръ — уходитъ въ бездны, чтобъ ему
 Не знать, не слышать, что ты сдѣлала,
 Безстыдная въ женахъ!..

ДЕСДЕМОНА.

Клянуся небомъ,
 Вы тяжело оскорбляете меня...

ОТЕЛЛО.

Да развѣ можно оскорбить еще
 Тебя?.. да развѣ не безчестна ты?..

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, мой спыворъ!.. Христомъ клянуся, нѣтъ!
 И если сохранить сосудъ сей чисть,
 Неоскверненъ, для своего супруга, ³⁰⁾
 Не значить быть преступною — такъ я
 Невинна...

ОТЕЛЛО.

Какъ! ты не преступна?

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ!

Клянусь спасеніемъ души своей...

ОТЕЛЛО.

Ты шутпшь...

ДЕСДЕМОНА.

Господи, помилуй насъ!

ОТЕЛЛО.

О, если такъ — простите миѣ, спыворъ!
 Скажите, право — я вѣдь васъ принялъ
 За ту коварную Венеціанку,
 Что вышла за Отелло за-мужъ...

(Эмилиа входитъ).

А, вотъ

И ты, спящая, захватившая

Ключи — не отъ небесъ, какъ Римъ, — па что!..

Отъ ада выгодишь!.. Ты! да, ты!

Еще разъ — ты!.. Ну, мы покопчим...

На-жъ заработокъ твой!..

(Даетъ ей золото).

Теперь, конечно,

Ключъ можно повернуть — и никому,

Какъ водится, про это ни ползвуха...

(Уходитъ).

ЭМИЛИЯ.

Ахъ, что за мысли ходятъ въ головѣ

Его!.. *(Дездемона)* Что съ вами, о моя спящая?

Что съ вами, милая моя спящая?

ДЕДЕМОНА.

Меня какъ-будто давитъ сонъ, Эмилия, —

Такой тяжелый сонъ...

ЭМИЛИЯ.

Да что-жъ такое

Съ нимъ сдѣлалось, моя спящая?

ДЕДЕМОНА.

Съ кѣмъ?

ЭМИЛИЯ.

Да съ господиномъ.

ДЕДЕМОНА.

Кто-жъ твой господинъ?

ЭМИЛИЯ.

Тотъ, кто и вашъ, моя спящая...

ДЕДЕМОНА.

Нѣтъ, —

Да, нѣтъ его ужъ у меня, Эмилия...

Не спрашивай, не говори... къ чему?
 Я плакать не могу... по отвѣчать,
 Я не могу иначе, какъ слезами...
 Послушай — убери на эту ночь
 Вънчальнымъ пологомъ постель мою...
 Не позабуди-же; — а теперь сюда
 Пусть придетъ мужъ твой Яго. —

ЭМИЛІА.

Ахъ! и вправду,
 Какъ все у насъ переѣнилось странно! *(Уходитъ).*

ДЕСДЕМОНА.

Охъ, я сама виною этой доли, —
 Да, видно, я сама; — по что-же я
 Такое сдѣлала, о Боже мой!
 Чтобы онъ могъ подозрѣвать меня
 Подобнымъ образомъ?.. *(Входятъ Эмилиа и Яго).*

ЯГО.

Что пужбо вамъ,
 Сивьйора? — Чѣмъ вы такъ встревожены?

ДЕСДЕМОНА.

Я не могу сказать — я не умѣю...
 Не правда-ль — тѣ, что занимаются
 Дѣтьми, — имъ замѣчаютъ кротко,
 Съ упрекомъ ласковымъ, — и онъ-бы могъ
 Такъ побранить меня, — вѣдь я сама,
 Чуть-только крикнуть на меня, — прямой
 Ребенокъ...

ЯГО.

Что-же здѣсь случилось?

ЭМИЛІА.

Ахъ, Яго! Мавръ такъ оскорбилъ ее!..
 Онъ такъ непестово ее корилъ

Позорными и ѣдкими рѣчами, —
 Что съ неповинною ея душою
 Перенести все это выше силъ.

ДЕСДЕМОПА.

И заслужила-ль это имя я?..

ЯГО.

Какое имя, добрая снпѣйора?

ДЕСДЕМОПА.

Тѣ, вотъ о чемъ Эмпля говорила,
 Тѣ, чѣмъ супругъ назвалъ меня...

ЭМПЛЯ.

Да, опъ

Назвалъ ее тѣмъ гнуснымъ словомъ,
 Котораго не говорить своей
 Поганой твари и бродяга пьяный...

ЯГО.

Да что-же за причина этому?

ДЕСДЕМОПА.

Не знаю, Яго... Знаю только я,
 Что я далеко не такая...

(Плачетъ).

ЯГО.

О!

Не плачьте-же, не плачьте! — Вотъ депѣкъ!..

ЭМПЛЯ.

И для того-ль, бѣдняжка, отказала
 Она блестящимъ женихамъ своимъ,
 И для того-ль покинула отца,
 Друзей и родипу, — чтобъ здѣсь ее
 Развратницею звали?.. Какъ-же тутъ
 Не плакать, Яго?..

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, таковъ уже
Печальный жребій мой...

ЯГО.

Пусть небеса
Его за это покарають!.. Но
Откуда-жь на него нашло безумье?..

ЭМИЛИЯ.

Хоть присягнуть готова я, что всю
Вотъ-эту клевету наговорилъ
Ему какой-нибудь отъявленный
Мерзавецъ, — опытный и хитрый плутъ,
Наушникъ, висельникъ, продажный лгушъ —
Чтобъ только подслужиться чѣмъ-нибудь; —
Хоть присягнуть готова!..

ЯГО.

Фи, жена!

Да этакихъ людей земля не носитъ...
Да это невозможно, — полно, что ты!

ДЕСДЕМОНА.

А если это правда, Яго — если есть
Такіе люди — пусть ихъ Богъ простить!

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ, не прощенье извергу такому,
А перекладница съ веревкой — пусть
Грызутъ потомъ діаволы въ аду
Мозгъ изъ костей его... За что ее
Развратной назвалъ? Кто-же обольстилъ
Ее? — гдѣ-жь мѣсто? время? гдѣ-же случай?
Да гдѣ-жь хоть тѣнь сомнѣнья въ чистотѣ
Ея?.. Да, обезумилъ, Мавръ, тебя
Площадный враль опъ, клеветникъ презрѣнный,
Бродяга, звѣрь безумный... Боже! Боже!
За-чѣмъ ты не клеймишь пятномъ проклятья

Подобныхъ изверговъ?.. За-чѣмъ, за-чѣмъ
 Не дашь бича ты въ руку каждаго
 Прямаго человѣка, — пусть идетъ
 Отъ запада къ востоку онъ, — идетъ
 Изъ края въ край, по міру — и бичуетъ
 Злодѣевъ головы, плеча и кости...

яго.

Не горячись, жена!

эмпля.

О стыдъ, позоръ
 На темное чело его! — Конечно,
 Подобный враль перевернулъ и твой
 Умишко, наболтавъ, что я
 Была въ какихъ-то гадкихъ связяхъ съ Мавромъ.

яго.

Да перестань ты, пустомеля!

десдемона.

О добрый Яго! какъ мнѣ возратить
 Любовь и дружбу моего Отецелло?..
 Иди, найди его, мой добрый другъ, —
 Клянусь тебѣ еще разъ вѣчными
 Небесъ огнями — не придумать мнѣ,
 Чѣмъ прогнѣвила я его... Гляди — *(Становится на колѣна)*.
 Я на колѣнахъ: если я когда
 Нибудь хотѣла измѣнить любви
 Его — поступкомъ, словомъ, помышленьемъ, —
 Или когда-нибудь прельщала мой взоръ, мой слухъ,
 Или другое чувство кто-нибудь,
 Кромѣ его, — и если не люблю
 Его я, не любила пламенно,
 Или любить не буду — о мой Боже!
 Осироти на вѣкъ мою ты душу,
 Отчаяньемъ надежду замѣнивъ...
 Ревнивая жестокость часто вдругъ
 На многое рѣшится: — что-жъ? пускай!..
 Онъ можетъ вырвать это сердце, — по

Не вырветъ опъ любви изъ сердца моего...
 Я не могу сказать ... развратная!...
 Вотъ звуки!... О, лишь только ихъ пашла
 Въ своей груди... мнѣ стало тяжело,
 И странно такъ и больно... по поступокъ,
 За что клеймятъ насъ этимъ словомъ! . Нѣтъ!
 О, ни за что! .

яго.

Синьйора! успокойтесь,
 Я заклинаю васъ; — быть-можетъ, опъ
 Встревоженъ чѣмъ-нибудь, по службѣ только,
 И встрѣтивъ васъ случайно, опъ на васъ
 И выместилъ свою досаду... »

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ,

Когда-бы такъ! ..

яго.

Да такъ, повѣрьте мнѣ...

(Слышенъ звукъ трубы).

Труба!... Зовутъ къ столу. — Великіе
 Послы Венеціи васъ ждутъ, синьйора; —
 Не плачьте-жъ больше, — все пойдетъ чудесно...

(Десдемона и Эмилия уходятъ, входитъ Родриго).

Ну, что Родриго?

РОДРИГО.

Да то, Яго, что мнѣ не кажется, чтобъ ты поступалъ слишкомъ-честно со мною.

яго.

Ну, покажи-же мнѣ, въ чемъ тутъ печисто.

РОДРИГО.

Да ужъ печисто, говорю тебѣ. — Каждый день ты непременно найдешь не то, такъ другое, чтобъ поводить только меня, Яго; и — какъ оказывается теперь это — ты скорѣе хлопчешь о томъ, чтобъ уничтожить всякую надежду на успѣхъ, нежели

о томъ, чтобъ дать мнѣ малѣйшую надежду. — Но, вѣдь, не вѣчно-же терпѣть мнѣ это, и — тѣмъ болѣе, что я не рѣшилъ еще хорошенько, какъ повести дѣло и за то, что до-сихъ-поръ перепесь уже я, какъ чистый осель.

яго.

Хочешь-ли ты выслушать меня, Родриго?

РОДРИГО.

Худо, что я и то ужъ слишкомъ - долго все только слушалъ тебя, — вѣдь рѣчи твои въ чертовской разладицѣ съ твоими дѣлами.

яго.

Ты жестоко оскорбляешь меня, Родриго.

РОДРИГО.

Да что тутъ за оскорбленія, — я говорю только то, что было. Я истощилъ уже все свои запасы, — и право, за тѣ камни и золото, что ты перебралъ у меня для Десдемоны, можно уломать и не такую недотрогу, — а ты, вѣдь, увѣрялъ, что все это у нея сѣло; — правда, ты увѣрялъ меня и въ томъ еще, что вотъ-вотъ скоро придетъ благодать ко мнѣ, — ну, да не все-жъ вѣдь и сбывается, Яго....

яго.

Прекрасно! продолжайте! дальше — дальше!

РОДРИГО.

«Прекрасно! продолжайте!» Да знаешь-ли ты, что уже не могу я продолжать этого? — Что до меня — я только знаю, что это вовсе не прекрасно; — я думаю, напротивъ, что тутъ таки довольно гадостей, и начинаю убѣждаться, что во всемъ этомъ дурачать одного меня.

яго.

И прекрасно!

РОДРИГО.

Да, говорю тебѣ, Яго, что это вовсе не прекрасно. Я объ

все это самой Дездемонѣ; — и если она возвратитъ мнѣ доброе — мнѣ останется только идти туда, откуда пришелъ я, да пожалѣть немпожко о своей неудачѣ, — а нѣтъ — увѣрь себя, что намъ придется раздѣляться съ тобой иначе.

яго.

Ну, и здѣсь ты выразилъ все уже!...

родриго.

Да, все, — и ничего здѣсь нѣтъ такого, что не было-бы сдѣлано такъ, какъ было сказано.

яго.

Вотъ это по нашему, Родриго; тутъ есть душа, есть сила. Съ этой-поры я перемѣняю свое мнѣніе о тебѣ. Дай руку! Ты имѣлъ совершенное основаніе думать обо мнѣ такимъ-образомъ, хоть я торжественно свидѣтельствую, что ни на одинъ мигъ не выпускалъ изъ виду выгоды твоихъ.

родриго.

Это еще не совсѣмъ-очевидно.

яго.

И я совершенно-согласенъ съ этимъ; подозрѣнія твои были не безъ основанія и не безъ смысла.... Но, Родриго, если въ тебѣ и въ правду есть то, что мнѣ хотѣлось-бы видѣть во всей силѣ именно теперь, — я говорю о твоей рѣшимости, храбрости, силѣ, если есть, такъ покажи это сегодня ночью; — если въ слѣдующую ночь не будешь ты въ объятіяхъ своей Дездемоны, тогда ты воленъ подкупить на меня книжалы, согнать со свѣта, наконецъ убить меня.

родриго.

Ну въ чемъ-же дѣло? Есть-ли тутъ какой-нибудь смыслъ, какая-нибудь возможность?

яго.

Нужно сказать тебѣ, что изъ Венеціи пришелъ указъ смѣнить Отелло, и на него мѣсто поставитъ Кассіо.

РОДРИГО.

Возможно-ли это? что ты? Такъ это значить, что Отелло и Дездемона поѣдутъ назадъ въ Венецію, Яго....

яго.

Вотъ то-то, что не значить, Родриго... Опъ сбирается подальше, въ самую Мавританію, и конечно, не покинетъ-же опъ памъ свою прекрасную Дездемону.... Да и ѣдетъ-то опъ скоро, развѣ что-нибудь особенное задержать его — а для этого особеннаго, самое лучшее средство — упрятать куда-нибудь подальше Кассію.

РОДРИГО.

А какъ-бы это по твоему его упрятать?

яго.

Да ужъ конечно такъ, чтобъ не поступать ему больше на мѣсто Отелло, — просто, раскронть ему черешъ.

РОДРИГО.

И тебѣ, конечно, угодно предоставить эту честь мпѣ....

яго.

Тебѣ, тебѣ, Родриго, безъ сомнѣнія, — если только у тебя достанетъ духа на то, чтобъ соблюсти и свои пользы, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть исполнителемъ правосудія. — Сегодня опъ ужинаетъ у одной пріятельницы, и я отправлюсь къ нему туда-же. — Опъ еще ничего не знаетъ о своемъ почетномъ пазпаченіи; — если только ты дождешься, пока опъ оттуда выдетъ, — а я такъ улажу дѣла, что это случится непременно между полупочью и часомъ, — то можешь распорядиться имъ, какъ тебѣ угодно. Я буду тутъ-же — неравно, знаешь, придется помочь тебѣ, — и опъ падетъ межъ памп. Пойдемъ! — не дѣлай этихъ гримасъ — чему тутъ удивляться! — Иди-жъ со мною. Я такъ очевидно докажу тебѣ необходимость его смерти, что ты самъ увидишь, какъ необходимо тебѣ принять въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. — Идемъ. — Пора ужина приближается; ночь спускается быстро; — за дѣло, Родриго!

РОДРИГО.

Но мнѣ-бы хотѣлось, Яго, доводовъ поубѣдительнѣе этихъ.

ЯГО.

О, за этимъ дѣломъ не станетъ....

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ ОТЕЛЛО, ЛОДОВИКО, ДЕСДЕМОНА, ЭМИЛИЯ И СВИТА.

ЛОДОВИКО.

Не безпокойтесь, прошу васъ, мой
Синьйоръ.

ОТЕЛЛО.

О, это ничего; — да мнѣ
И пужно-бы такъ пройтись темного.

ЛОДОВИКО.

Прощайте! доброй ночи вамъ, синьйора!
Благодарю за ласковый пріемъ.

ДЕСДЕМОНА.

О, мы, синьйоръ, всегда вамъ очень - рады.

ОТЕЛЛО.

Вы ужь уходите.... о Дездемона!

ДЕСДЕМОНА.

Синьйоръ.....

ОТЕЛЛО.

Ступай себѣ, да и ложись сейчасъ въ постель; я скоро буду; —
Эмилию отпусти между-тѣмъ, — ну, не забудь, смотри-же!

ДЕСДЕМОНА.

Я повпнуюсь вамъ синьйоръ.

(Отелло, Лодовико и свита уходятъ).

Эмплія.

Ну что, —

Вотъ видите-ль, теперь ужъ онъ не такъ
Сердито смотритъ.

ДЕСДЕМОНА.

Охъ, еще не знаю....

Онъ только и сказалъ, что скоро будетъ,
Да чтобы я ложилася въ постель, —
Ахъ, да — еще тебѣ онъ приказалъ
Меня одну оставить.

Эмплія.

Васъ одну.

Оставить?

ДЕСДЕМОНА.

Да, онъ именно сказалъ.

Подай-же мнѣ скорѣй почное платье,
Да и прощай Эмплія.—Теперь
Пичѣмъ недолжно раздражать его.

Эмплія.

О, я-бъ хотѣла, чтобы никогда
Вамъ не встрѣчаться лучше....

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, Эмплія,

Я такъ люблю его!.. Повѣришь-ли,
Низъ милы, — отколи, мой другъ, вотъ здѣсь
Булавку, — да, мнѣ мило, говорю,
И вспылчивость его, и этотъ гнѣвъ, —
А съ этимъ грознымъ выраженьемъ
Очей — онъ такъ очарователецъ..

Эмилия.

Какъ приказали вы, я убрала
Постелю брачнымъ пологомъ, сплѣйора...

ДЕСДЕМОНА.

Ну хорошо.... О, бѣдный мой отецъ!...
Какъ странно создано у женщины сердце....
Послушай, добрая Эмпля, если-бъ
Пришлось мнѣ прежде умереть — пошей
Изъ свадебнаго полога мнѣ саванъ.

ЭМИЛИЯ.

За-чѣмъ, сплѣйора, къ ночи все такое
Вамъ говорить!

ДЕСДЕМОНА.

У матери моей
Жила одна бѣдняжка сиротка,
Ее Барбарой звали; — п она
Такъ горячо, несчастная, любила,
А онъ ее покинулъ... Все тоскуя,
Она всегда поетъ бывало пѣсню
Объ «Ивѣ» ³¹⁾ — пѣснь старинная, по въ ней
Такъ вѣрно выражалась грустная
Ея судьбина! — Передъ самой смертью
Она еще пропѣла пѣсню эту....
И вотъ весь вечеръ не идетъ она
Изъ мысли у меня, Эмпля, — все
Мнѣ хочется, склонивши голову
На грудь, запѣть — какъ пѣла бѣдная
Барбара... Ты, Эмилия, забыла?

ЭМИЛИЯ.

Ночное платье приготовить вамъ?

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, отколоть булавки... Какъ хорошъ, —
Неправда-ли, пашъ Лодовико...

Эмилия.

Да,

Синьйора, замѣчательно-хорошъ!

ДЕСДЕМОНА.

И говорить такъ мило....

Эмилия.

Я знавала въ Венеціи одну синьйору, которая рѣшилась-бы босыми ножками сходить въ Палестину, — чтобы только послѣ хоть разикъ, поцѣловать его. —

ДЕСДЕМОНА (*поетъ*).

1.

Склонивши головку, и сердце славивши рукой,
Сидѣла, бѣдняжка, вздыхала подъ пвой густой.

Зеленая пва! зеленая пва!

И грустно ей вторила гремучею струйкой ручей,
И камни смягчались слезами голубки моей.

Ахъ, поспѣши Эмиля!

Зеленая пва! зеленая пва!

Скорѣе-же — вѣдь оны сейчасъ придетъ.

Изъ пвы собью я послѣдній свой бѣдный вѣнокъ....

2.

За-чѣмъ-же, о люди, укоръ вашъ, за-чѣмъ вашъ упрекъ
Любезному другу — вѣдь я не корила его...

Нѣтъ, здѣсь не такъ! — Послушай! кажется
Какъ-будто кто стучится....

Эмилия.

Это вѣтеръ.

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, пѣжно такъ друга я звала — и что-жь оны сказали?..

Зеленая пва! зеленая пва!

Ну, если и вправду, такъ часто ужъ я пзмѣнилъ —
За-чѣмъ-же дѣвица, ты любишь меня одного?...

Иди-жь себѣ, Эмиля, добрый сонъ!
Такъ странно, что-то у меня въ очахъ
Горить... не слезы-ль это предвѣщаетъ?

ЭМИЛЯ.

Вотъ ужъ и слезы!... — Это ничего
Не предвѣщаетъ.

ДЕСДЕМОНА.

Я такъ слышала,
Мой другъ.. Охъ, люди! люди.... Ну, скажи,
Эмиля, ты таки повѣришь имъ,
Чтобъ женщина могла упасть такъ низко.

ЭМИЛЯ.

Да.... я-бъ повѣрила, моя синьора...

ДЕСДЕМОНА.

Ну, если-бы, положимъ, цѣлый міръ
Тебѣ давали, ты-бы согласилась?

ЭМИЛЯ.

А вы-бъ не захотѣли... цѣлый міръ!

ДЕСДЕМОНА.

О нѣтъ, клянусь небесными огнямъ!

ЭМИЛЯ.

А я не поклянусь огнемъ, моя
Синьора, — потому-что я бъ на то
Рѣшилася въ потемкахъ... не-иначе!

ДЕСДЕМОНА.

Такъ ты-бъ за эту цѣну согласилась?

ЭМИЛЯ.

Ахъ, да цѣна-жь, синьора, велика!

И вѣдь за что? за маленькую шалость....

ДЕСДЕМОНА.

Ну, право, я не вѣрю.

ЭМИЛИЯ.

Ахъ, да повѣрьте, право!... Цѣлый міръ! Вѣдь тутъ за одинъ разъ я-бы откупилась уже на всегда отъ искушенія. — Конечно, какія-нибудь мантіи, браслеты, шляпки, блонды.... за все эти пустяки я-бы не рѣшилась; но цѣлый міръ!.. Вѣдь я-бы только немножко измѣнила мужу, — за то маленькіе рога его накрыла-бы послѣ такою большою короною.... Вѣдь за это пришлось-бы по молиться только лишній разъ въ чистилищѣ...

ДЕСДЕМОНА.

Ну, прокляши-жъ меня, если-бъ я согласилась даже и за цѣлый міръ...

ЭМИЛИЯ.

Да и то сказать еще: вѣдь преступленіе — вещь часто условная; міръ только согласился такъ понимать его; — путе, а когда, за грѣшокъ свой, я-бы стала владычицею міра, разумѣется, я бы владѣла уже и мнѣніемъ его, — и сейчасъ-же-бы положила правломъ, чтобъ вездѣ считали это добродѣтелью.

ДЕСДЕМОНА.

А я все-таки не хочу вѣрить, чтобъ существовали подобныя женщины.

ЭМИЛИЯ.

Охъ, есть, снѣйора, — много есть, да столько —
 Что ихъ не помѣстишь и въ этотъ міръ,
 Который вамъ угодно предлагать
 За эту малость ... только дѣло въ томъ,
 Что жепъ толкають въ пропасть самп-же
 Мужья. — И ежели они свой долгъ
 Супружній могутъ часто забывать, —
 И паше-жъ доброе другимъ кидаютъ, —
 И отпимають къ ревности слѣпой

Всѣ лучшія права у насъ, — и бьютъ
 Жену свою, какъ бьютъ свою собаку, —
 И пашу собственность, для прихотей
 Своихъ, безумно расточаютъ — развѣ
 Все это можно вынести спокойно?
 И хотъ терпѣть умѣемъ, правда, мы,
 Да развѣ мстить уже мы не умѣемъ?
 Имъ пужно знать и помнить, что у насъ
 Есть также мысль и чувство человѣка;
 Что, какъ они, и мы имѣемъ очи,
 И здравый смыслъ, и знаемъ различить
 Добро и зло... За-чѣмъ мѣшаютъ насъ
 Они? — Изъ жажды наслажденій? — Да!
 Что эту жажду, вѣчно-новую,
 У нихъ волнуетъ? — Страсти? — Да! опять
 Что развиваетъ эти страсти? — Слабость,
 Несовершенство человѣческой
 Природы?.. И еще разъ — да!.. А мы,
 Не тѣ же люди?.. Такъ, за чѣмъ у насъ
 Они не допускаютъ этой жажды,
 И слабостей, и человѣческихъ
 Страстей?.. Такъ пусть-же, сильные, они
 Намъ и закономъ будутъ!.. Пусть
 Добро и истину творятъ — тогда и намъ
 Ужъ нѣгдѣ будетъ жи и злу учиться...

ДЕСДЕМОНА.

Ну, доброй почп! доброй почп!.. Нѣтъ,
 Эмилия, я думаю не такъ.... скорѣй
 Молиться буду, чтобъ святое небо
 Наставило меня не злу изъ зла
 Учиться, — а, взирая на него,
 Еще сильнѣй и чище полюбить добро.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.

ВХОДЯТЪ РОДРИГО И ЯГО.

яго.

Ну, спрячься-жъ за угломъ вотъ здѣсь, и жди —
 Онъ скоро будетъ. — Лучше, обнажи
 Свой мечъ заблаговременно, и въ грудь,
 Безъ церемоніи — оно вѣрибе!
 А главное — будь совершенно-твердъ
 И хладнокровенъ... Ну, чего тебѣ
 Болться? — вѣдь и я-же буду тутъ.
 И то еще подумай, что теперь
 Отъ мастерства удара твоего
 Зависитъ наше все: такъ ты еще
 Сообрази и взвѣсь свою рѣшимость...
 Да ужъ потомъ и съ Богомъ, мпльи мой!

РОДРИГО.

Ну, ладно, ладно, — только не ходи
 И ты, смотри, далеко; — можетъ быть,
 Ударъ мой будетъ не совсѣмъ-то ловокъ.

яго.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Я буду здѣсь-же, — не робѣй!
Родриго!.. Ну, пора — долой своей мечь!

(Отходитъ нѣсколько въ-сторону).

РОДРИГО.

Признаться-то меня неслишкомъ тянетъ
Къ убійству этому, — но онъ представилъ
Такіе доводы!.. Да впрочемъ, вѣдь
Однимъ на свѣтъ меньше... вздоръ!
Ну, вылезай-же мечь... Судьба
Такая видно ужъ ему...

(Уходитъ на свое мѣсто).

яго.

Я наконецъ дощупался таки
До сердца у него,
Мальчишки вздорнаго — и вотъ онъ вспыхнулъ!
Теперь пусть онъ заколетъ Кассіо,
Иль Кассіо его, въ потемкахъ
Обои переколются — все-жъ я
Останусь въ чистыхъ барышахъ; — а то
Пришлось-бы плохо... Вѣдь останься живъ
Родриго — онъ какъ-разъ потребуетъ
Назадъ и золото свое и кампи,
Что перебралъ для Дездемоны я, —
А такъ не должно — да, не должно быть!
Съ другой-же стороны и Кассіо,
Оставшися живымъ, своей
Безукоризненной, прямой жизнью
День-за-день ярче будетъ отбѣнять
Мой нѣсколько свободный образъ мыслей...
Одно... Другое то, что Мавръ, того
И жди, раскроетъ передъ нимъ мои
Навѣты, — ну, а тутъ ужъ вовсе плохо...
Нѣтъ... гибель и тебѣ! Но чу! чу! чу!...
А, это онъ!

(Входитъ Кассіо).

РОДРИГО.

Я узнаю его

Походку. Это опъ... *(Бросается на Кассио и наноситъ ему ударъ).*
Злодѣи, умри!

КАССИО.

Да, такой ударъ, пріятель, хоть
Кого-бъ на мѣстѣ положилъ, — по меня
Вотъ видишь-ли, желѣзная сорочка...
А ну, попробуемъ твоей. *(Обнажаетъ мечъ и ранитъ Родриго).*

РОДРИГО.

О, я

Убить!

*(Падаетъ. Яго подбѣгаетъ сзади, ранитъ Кассио подъ
кольцо и исчезаетъ).*

КАССИО.

Я изувѣченъ! Помогите!
Разбой! убійство!

(Падаетъ).

ОТЕЛЛО *(въ отдаленіи).*

Это голосъ Кассио!
Ну, Яго честно держитъ слово...

РОДРИГО.

О

Безумецъ я!

ОТЕЛЛО.

А!.. это искренно,
По-крайней-мѣрѣ...

КАССИО.

Помогите, Боже!

Огня! хирурга!

ОТЕЛЛО.

Опъ!.. да, это опъ...
О, честный Яго мой, ты правосудецъ,
Съ такимъ участиемъ пылкимъ постигшивъ

На зовъ кровавый оскорбленной дружбы!
 Ты освѣтилъ и мнѣ сознанье долга...
 Да, нѣжный другъ твой пагъ на прахъ уже,
 Развратница!.. не встанетъ онъ!.. И вотъ
 Идетъ уже презримо и твоя
 Судьба!.. И я, — презрѣнная, — иду
 И я... Твой взглядъ, улыбка, вся твоя
 Краса ушла изъ сердца моего
 Безслѣдно, — и теперь пусть кровь твоя
 Нечистая бѣжитъ по твоему
 Развратомъ опозоренному ложу...

(Уходитъ.—Вдали показываются Лодовико и Граціано).

КАССИО.

О Боже мой!.. ни стражи, ни прохожихъ...
 Разбой! разбой!

ГРАЦИОНО.

Тутъ вѣрно что-нибудь
 Недоброе случилось; это — вопль
 Какого-то отчаянья.

КАССИО.

О Боже!

О, помогите!

ЛОДОВИКО.

Слышишь?

РОДРИГО.

О, злодѣй

Презрѣнный ты!

ЛОДОВИКО.

Да ихъ тутъ не одинъ...
 Ночь такъ мрачна... Быть-можетъ, этотъ вопль
 Насъ только манитъ на кипжаль баццита.
 Мнѣ кажется, что броситься туда
 Безъ стражи не совѣтъ благоразумно...

годриго.

И ни души!.. И суждено миѣ здѣсь
Залпться кровью. (Входитъ Яго съ факеломъ).

лодовико.

Слышалъ?

граціано.

Вотъ идеть

Полуодѣтый кто-то, съ факеломъ,
Вооруженный.

яго.

Кто здѣсь?.. Кто кричалъ
О помощи?

лодовико.

Не знаемъ.

яго.

Развѣ вы
Не слышали здѣсь криковъ?

кассю.

О, сюда!

Сюда! во имя Бога, помогите!

яго.

Что тутъ случилось?

граціано.

Да это онъ,
Какъ кажется, — знаменосецъ Мавра.

лодовико.

Опъ, въ-самомъ-дѣлѣ; — храбрый человекъ!

яго.

Да кто-жъ здѣсь это такъ печально стонеть?

КАССИО.

Ахъ, Яго! — я погибъ, зарѣзаю пизко...
О помогите мнѣ...

ЯГО.

Ахъ, это лейтенантъ!
Да гдѣ-жъ убійцы ваши?

КАССИО.

Вотъ одинъ
Лежитъ здѣсь недалеко; — кажется,
Что онъ бѣжать уже не можетъ...

ЯГО.

Ахъ,
Злодѣй презрѣнный! Кто тамъ? Господа
Да помогите-жъ, помогите! —

РОДРИГО.

О,

Спасите! Кто-нибудь сюда!

КАССИО.

Вотъ онъ!

ЯГО.

А, подлый пизкій рабъ!..

(Колетъ Родриго).

РОДРИГО.

Проклятый Яго!

Безчеловѣчная собака ты...
О! О!

ЯГО.

А, рѣзать по почамъ людей!
Гдѣ-жъ вы, злодѣи, жадные чужой
Крови? И какъ парочно шкого, —
Какъ-будто городъ вымеръ весь! — Разбой!
Разбой!

(Къ Лодовико и Граціано.)

Да кто-же вы? Друзья или
Враги?

ЛОДОВИКО.

Какъ будемъ поступать мы, такъ
И заключай о насъ...

яго.

Да это вы,
Синьйоръ Лодовико!...

ЛОДОВИКО.

Опъ самый, Яго!

яго.

Ахъ! извините-же меня! — Здѣсь Кассіо
Лежитъ, измѣнически раненъ.

ГРАЦІАНО.

Кассіо?

яго.

Ну, какъ вы, лейтенантъ, находите
Себя?

КАССИО.

Охъ, кажется, нога моя
Разбита на-двое!...

яго.

Богъ милостивъ!...

Ну, поддержите-ка, синьйоры, факель, —
А я, межъ-тѣмъ, перевяжу ему
Кольцо хоть кускомъ своей сорочки.

(Входитъ Бьянка.)

БЬЯНКА.

Что здѣсь такое? кто кричалъ?

яго.

Кто здѣсь

Кричалъ?

Бьянка.

О мпльй Кассіо! о другъ
Моего сердца! Кассьо! Кассьо! Кассьо!

яго.

Туда-же и опа!... Вы никого,
Синьйоръ, не можете подозрѣвать
Въ злодѣйствѣ этомъ.

КАССИО.

Ровно никого.

ГРАЦИАНО.

Ахъ, какъ мнѣ непріятно встрѣтить васъ
Подобнымъ образомъ — я васъ вездѣ
Искалъ.

яго.

Да нѣтъ-ли здѣсь чего-нибудь
У васъ, чтобы еще перевязать ему
Колѣно? (*Перевязываетъ*) Ну, вотъ такъ! хорошо...
Теперь когда-бъ посплки — чтобъ его
Перенести тихопоько.

Бьянка.

Бѣдный другъ!
Безъ чувствъ! о Кассіо! о Кассьо! Кассьо!

яго.

Да не участница-ль, синьйоры, и опа
Въ убійствѣ этомъ? — Что-то я ее
Подозрѣваю крѣико... Ну, скрѣпитесь,
Мой добрый Кассіо, — пойдѣмъ... а вы
Ужъ потрудитесь освѣтить дорогу. (*Подходитъ къ Родриго.*)
А что, пріятель, не бывали мы
Съ тобой знакомы?... Боже мой!... Родриго!

Мой другъ! мой бѣдный, добрый мой землякъ!
О, пѣть!... Да! это ты, Родриго! Боже!...

ГРАЦИАНО.

Какой Родриго? изъ Венеци?

яго.

Да, снѣйоръ...

Его вы знали?...

ГРАЦИАНО.

Какъ не знать! и очень...

яго.

Снѣйоръ Граццано! Ахъ, простите мнѣ! —
Кровавый случай этотъ... я не могъ
Узнать васъ... говорилъ такъ неприлично...

ГРАЦИАНО.

Ну, ну, — я радъ, напротивъ, что тебя
Увидѣлъ....

яго.

Каково вамъ, Кассьо? — Эй!
Носилки! дайте-жъ кто-нибудь носилки!

ГРАЦИАНО.

Родриго! (Приносятъ носилки.)

яго.

Опъ! да, это опъ! Ахъ, вотъ
Носилки... хорошо. — Ну, кто-нибудь
Возьмите, люди добрые, его
Да отнесите потихоньку.... Я,
Межъ тѣмъ, схожу къ хирургу генерала. (Бѣликъ.)
А ты, голубушка, не хлопочи,
Не убивайся по-напрасну!... (Кассио) Тотъ,
Кто здѣсь лежитъ убитый, Кассио,

Былъ пскрепнѣй мой другъ, — скажите, что
У васъ за ссора?

КАССИО.

Боже! никакой

У насъ съ нимъ ссоры не было; его
Не знаю даже я.

яго (Бьянкъ).

А, ты блѣдишь! (Носильщикамъ.)

Но нечего стоять — ему не хорошо
Здѣсь... ночью сыро такъ... (Кассіо и Родриго уносятъ.)

А вы, снѣйоры,

Останьтесь на минутку... Что, моя
Красавица, — вы поблѣдили, кажется?...

Замѣьте странность выраженья

Очей ея; о, если ужъ теперь

Шальной ты смотришь, — скоро отъ тебя

Узнаемъ больше мы; взгляните-ка

Въ лицо ей хорошенько.., что?

Вотъ видите-ль, снѣйоры!... да, оно

Ужъ такъ устроено, что хоть языкъ

Отрѣжь, такъ совѣсть все-таки свое

Заговоритъ у насъ...

(Входитъ Эмилиа.)

эмилія.

Что здѣсь за шумъ?

Что, Яго, здѣсь случилось?

яго.

Да вотъ,

На Кассіо напали въ темнотѣ

Родриго, да еще какіе-то

Пріятели его; — и бѣдный Кассіо

Почти при смерти, а Родриго мертвъ.

эмилія.

Ахъ, добрый лейтенантъ нашъ! добрый Кассіо!..

яго.

Вотъ то-то-бы не шляться по почамъ

Чортъ знаетъ, гдѣ!.. Послушай-ка, жена,
 Какъ-бы узнала ты, гдѣ ужиналъ
 Сегодня бѣдный Кассіо... (Бьянкъ). А что,
 Васъ это, кажется, тревожить?

Бьянка.

Онъ ужиналъ со мною, но меня
 Ни мало не тревожитъ это...

яго.

А!

Съ тобой!.. Призналася!.. Ступай-же съ нами —
 Повелѣваю именемъ закона!

Эмилия.

О пусть-же на тебя падетъ позоръ,
 Презрѣнная!

Бьянка.

Я не презрѣнная!

Ты не кори меня.... мы, можетъ-быть,
 Еще и почестнѣй кого-нибудь....

Эмилия.

Ну, а кого-бы это, па-примѣръ?
 Пошла, безстыдница!

яго.

Угодно-ли

Взглянуть теперь на Кассіо, синьоры?

Его на-вѣрно ужъ перевязали.

(Бьянкъ).

Пойдемъ, синьора, — запоешь ты мнѣ

Другую иѣсенку; а ты, жена,

Проворнѣй сбѣгай въ крѣпость, расскажи

Отело тамъ и Дездемонѣ все,

Что здѣсь случилось... Не угодно-ли

Идти и вамъ, синьоры?...

(Въ-сторону).

Эта ночь

Или создастъ меня, или уничтожитъ.

СЦЕНА II.

Спальня.

ДЕСДЕМОНА спитъ на постели; горитъ лампа.

Входитъ ОТЕЛЛО.

ОТЕЛЛО.

... 32) И вотъ причина, о душа моя!
 И вотъ она причина!... Я не смѣю,
 О звѣзды чистыя! назвать ее
 Предъ вашими очами... Вотъ причина!...
 Но все-же я ни капли не пролью
 Крови твоей, и тѣла пѣжнаго
 Тебѣ не разорву я, Десдемона....
 Бѣла, какъ снѣгъ, чиста, какъ мраморъ падъ могилой!..

(Снимаетъ съ себя мечъ).

А умереть должна!.. должна!.. Живой
 Останешься — еще кого-нибудь
 Обманешь...

Потушу лампаду эту,
 Потомъ твою лампаду потушу....
 И я зажгу тебя, пашъ свѣтлый сторожъ,
 Опять зажгу, когда мнѣ станетъ жаль
 Тебя; — но, если потушу я твой
 Огонь, — ты, дивная, вѣщанная
 Такою гордой, чистой красотою, —
 Ты, торжество земнаго бытія,
 Гдѣ-жъ тотъ огонь и гдѣ тотъ Прометей,
 Чтобъ вновь могли зажечь его въ груди
 Твоей?... Когда сорву я розу — я
 Не дамъ ей жизни новой, — и она
 Завянетъ, бѣдная.. . Ахъ, напои-жъ
 Меня еще твоимъ дыханьемъ, роза —
 Пока на стеблѣ ты, о мой цвѣтокъ!
 О, дивное очарованье красоты!
 Передъ тобой и правда самага

(Целуетъ ее).

Закола переломитъ мечъ!... Еще...

(Цѣлуетъ ее нѣсколько разъ).

Еще одинъ.... Будь ты и мертвая
 Такою-жъ, какъ теперь — и я убью
 Тебя — и мертвую я люблю
 Опять тебя!... Еще одинъ.... послѣдній!
 Когда-жъ ты былъ такъ упоренъ,
 Ты, роковой!... Ахъ, пужно вырваться
 Тебѣ, рыдаешь изъ души моей...,
 Ты, горькое рыданье!... Да, мой гнѣвъ,
 Какъ гнѣвъ небесъ караетъ то, что любить....
 А... просыпается...

ДЕСДЕМОНА.

Кто здѣсь? Отелло?..

ОТЕЛЛО.

Я, Дездемона... я!

ДЕСДЕМОНА.

Вы ляжете,
 Сяпыйоръ, въ постель?

ОТЕЛЛО.

Молилась-ли ты Богу

Сегодня, Дездемона?

ДЕСДЕМОНА.

Да, сипыйоръ, —

Молилася.

ОТЕЛЛО.

Припомни; — можетъ-быть,
 Еще есть грѣхъ на сердцѣ у тебя,
 И Небу ты не неповѣдала
 Его, — такъ, помолись о немъ теперь,
 Еще разъ помолись, Дездемона...

ДЕСДЕМОНА.

Сипыйоръ, что вы сказали?...

ОТЕЛЛО.

Я сказалъ :

Молись!... не долго только ты молся..
Я тутъ-же похожу. Я не хочу
Убить безъ покаянья грѣшную
Тебя.... О Боже, сохрани! — души
Твоей я не хочу убить.

ДЕСДЕМОНА.

Убить,

Сказали, вы? убить?..

ОТЕЛЛО.

Да, я сказалъ.

ДЕСДЕМОНА.

О Господи, помилуй мя!

ОТЕЛЛО.

Аминь!

Отъ всей души моей аминь!

ДЕСДЕМОНА.

О пѣть!

Ты слово мира, слово благости
Изрекъ.... ты не убьешь меня!

ОТЕЛЛО.

Гмъ!

ДЕСДЕМОНА.

А между-тѣмъ, дрожу я... я тебя
Боюсь, Отелло! — ты неумолимъ,
Ты страшень, ежель въ очахъ твоихъ
Сверкасть это пламя роковое!..
И я не вѣдаю, чего боюсь....
Душа моя чиста... по страшно мнѣ,
Такъ страшно...

ОТЕЛЛО.

Думай о грѣхахъ своихъ!

ДЕСДЕМОНА.

О, всё грѣхи мои изъ пламенной
Любви къ тебѣ, Отелло!...

ОТЕЛЛО.

За любовь
Я, Дездемона, и убью тебя!

ДЕСДЕМОНА.

О пѣтъ, Отелло, здѣсь не будетъ правды....
Любовь не убиваетъ за любовь!
Отелло! губы у тебя въ крови —
За-чѣмъ ты ихъ кусаешь?... Ты дрожишь
Топмъ какой-то думою кровавой!...
О, это знаменья ужасныя!
Но, я надѣюсь, я молюся.... Боже! —
Да идетъ чаша эта мимо насъ....

ОТЕЛЛО.

Молчи! молчи! ..

ДЕСДЕМОНА.

Молчу, снѣйоръ... Чтѣ-жъ вы
Мнѣ скажете?

ОТЕЛЛО.

Любимый мой платокъ,
Мой первый даръ тебѣ, ты отдала
Вѣдь Кассіо?

ДЕСДЕМОНА.

О, пѣтъ! клянусь
Моей душою, жизнью... Призови
Его, спроси, изблочи меня.

ОТЕЛЛО.

О, не клянись, не проклинай
Души своей, о милая душа
Моя!... Вѣдь это смертная твоя
Постель... вѣдь ты умрешь...

ДЕСДЕМОНА.

Да, я

Умру... но не теперь-же я умру,
Отелло!...

ОТЕЛЛО.

Итъ, теперь-же Дездемона!...

Очисти-жь покаяньемъ грѣхъ души
Своей... Теперь меня не разувѣришь,
Хоть клятвою одѣнешь каждый звукъ
Рѣчей твоихъ .. теперь ты не задавишь
Тѣхъ убѣжденій на сердцѣ моемъ,
Что сердце давятъ мнѣ такой тоскою...
Да, ты умрешь!

ДЕСДЕМОНА.

О, Господи помилуй
Несчастную меня!

ОТЕЛЛО.

Амишь!

ДЕСДЕМОНА.

И вы,

Спильйоръ, помилуйте меня... Я васъ
Ничѣмъ и никогда не оскорбила;
Я Кассію любила той любовью,
Которой заповѣдь Христосъ намъ далъ —
Я такъ любила цѣлый міръ... но чтобъ
Дарить!... о, пѣтъ, ничѣмъ и никогда
Его я не дарила.

ОТЕЛЛО.

Но клянусь —

Я видѣлъ свой платокъ въ рукахъ его.
Клятвопреступница! за-чѣмъ-же ты
Мнѣ это сердце превращаешь въ камень!
Я въ жертву принести хотѣлъ тебя,
Во искупленіе грѣховъ твоихъ, — а ты

Меня заставишь совершить убійство...
Платокъ я видѣлъ самъ.

ДЕСДЕМОНА.

Быть-можетъ, опъ
Нашелъ, — но я ему не отдавала.
Пошли за нимъ, пусть самъ опъ уличить
Меня.

ОТЕЛЛО.

Да опъ уже признался.

ДЕСДЕМОНА.

Въ чемъ,
Синьйоръ?

ОТЕЛЛО.

Что обладалъ тобою...

ДЕСДЕМОНА.

Опъ?

Какъ! вы сказали...

ОТЕЛЛО.

Да!

ДЕСДЕМОНА.

О, этого

Не скажетъ опъ, синьйоръ...

ОТЕЛЛО.

Теперь не скажетъ...

Но только потому, что ничего
Ужъ болѣе не скажетъ опъ... Уста
Его на-вѣки запечаталъ Яго.

ДЕСДЕМОНА.

О, вы сбывлись, предчувствія мои...
Опъ мертвъ, сказали вы!

ОТЕЛЛО.

Да если-бъ опъ
 Имѣлъ хоть столько жизней, сколько было
 Волосъ на головѣ его — такъ всѣ
 Они не папили-бы моей
 Кровавой жажды мести.

ДЕСДЕМОНА.

Горе мнѣ!
 Его сгубила клевета — и я теперь
 Погибла...

ОТЕЛЛО.

Десдемона! и въ лицо
 Ты мнѣ кидашь вопль презрѣнный свой!...

ДЕСДЕМОНА.

О, изгони-же, лучше изгони
 Меня, — по, мой супругъ! не убивай
 Меня, Отелло!

ОТЕЛЛО.

На колѣни,
 Развратная!

ДЕСДЕМОНА.

Убей-же по-утру...
 Оставь мнѣ эту ночь, хоть эту ночь
 Одну...

ОТЕЛЛО.

На что она тебѣ? — вѣдь пѣтъ
 Раскапья...

ДЕСДЕМОНА.

Хоть полчаса!...

ОТЕЛЛО.

Свершилось!

Мгповеңья сочтены...

ДЕСДЕМОНА.

Молитву мнѣ...

Одну молитву только...

ОТЕЛЛО.

Поздно! поздно!... (Душитъ ее.)

Эмилия (за дверью).

Спнѣйоръ! спнѣйоръ! что тамъ! Спнѣйоръ!
Спнѣйоръ!

ОТЕЛЛО.

Чей это голосъ? — что за шумъ?
Жива? — Еще жива?... Хоть я жестокъ,
Но не памачъ я... Не хочу я динть
Твоей истомы смертной... пѣтъ! о пѣтъ! аз)
(Душитъ опять ее.)

Эмилия (за дверью).

Спнѣйоръ! спнѣйоръ!

ОТЕЛЛО.

Кто тамъ?

Эмилия.

О мой спнѣйоръ,
Одно-бы только слово вамъ сказать!

ОТЕЛЛО.

А, да! — Эмилия! — Сейчасъ! — Она
Мертва уже... а ты, конечно, скажешь,
Что мертвъ и Кассіо... Я думаю...
Не даромъ шумъ былъ. — Что, уже недвижна?
Спокойна... какъ могила! — Отворишь-ли
Ей? Да хорошо-ли будетъ это?
Мнѣ все-еще сдается, что она
Какъ-будто шевелится.. Нѣтъ!... Что-жь лучше?

Вѣдь чуть взойдетъ она — навѣрно ужъ
 Заговорить съ женой. — Моя жена!
 Жена моя!... Какаѣ-же жена?...
 Гдѣ-жъ у меня жена?... Невыносимо!...
 О горестный и трудный часъ!... Теперь,
 Миѣ кажется, потухнетъ солнце и
 Луна потухнетъ... и земля, дрожа,
 Разступится...

эмилія (за дверью).

О, умоляю васъ,
 Сипьйоръ!... Миѣ пужно съ вами говорить...

отелло.

Я и забылъ!... войди, войди, Эмилия, —
 Постой, — сейчасъ — задерну занавѣсь, —
 Гдѣ ты? Чего ты хочешь отъ меня?

(Отворяетъ дверь. Эмилия входитъ.)

эмилія.

О, мой сипьйоръ! тамъ въ городѣ сейчасъ
 Совершенно ужасное убійство...

отелло.

Теперь? сейчасъ?

эмилія.

Вотъ только-что, сипьйоръ.

отелло.

Вліяпіе луны!... Опа, должно
 Быть, слишкомъ-низко ужъ спустилася
 Къ землѣ — и вотъ тревогой темною
 Смущаетъ бѣдный помыслъ человѣка...

эмилія.

Нашъ Кассіо сейчасъ, сипьйоръ, убилъ
 Родриго, юнаго Венеціанца.

ОТЕЛЛО.

Убить Родриго!... Ну, и Кассио
Убить?

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ, Кассио не убить, синьйоръ.

ОТЕЛЛО.

Такъ Кассио не убить?... Что-жь, вѣрно, опъ
Ошибся?... Да?... О сладость мщенія!
Опять расходишься на сердце ты
Такою горечью...

ДЕСДЕМОНА.

Убитая

Несправедливо... о, несправедливо...

ЭМИЛИЯ.

О Боже мой! что значать эти стоны?

ОТЕЛЛО.

Что значать?... эти стоны?

ЭМИЛИЯ.

Боже мой!

Да это голосъ госпожи моей!...
На помощь! помогите!... помогите!
О говорите-же еще, синьйора!
О Десдемона! о моя синьйора!
Да говори-же... говори!...

ДЕСДЕМОНА.

О, я

Невинно умираю...

ЭМИЛИЯ.

Кто-же твой
Убийца, милая моя синьйора?

ДЕСДЕМОНА.

Никто... сама... прощай Эмили! —
 Скажи сунругу милому, что я
 Невинна... о прощай!..

(Умираетъ).

ОТЕЛЛО.

Но кто и какъ-же могъ убить ее?

ЭМИЛИЯ.

Увы! кто знаетъ...

ОТЕЛЛО.

Ты вѣдь слышала —
 Она сама сказала, что не я.

ЭМИЛИЯ.

Сказала... да!.. и я должна ей вѣрнуть...

ОТЕЛЛО.

Не вѣрь! — Она, обманщица, солгала ..
 И на дорогѣ въ адъ еще-таки
 Солгала!.. Я убилъ ее!

ЭМИЛИЯ.

О, такъ
 Она свѣтлѣе ангеловъ, а ты —
 Ужасный демонъ!

ОТЕЛЛО.

Ангеловъ свѣтлѣн!..
 Она, такъ низко павшая!.. Она,
 Развратца!...

ЭМИЛИЯ.

Ты демонъ — какъ тебѣ
 Не клеветать ее!

ОТЕЛЛО.

Она была

Измѣчлива, коварна, какъ волна .

Эмилия.

А ты, какъ пламя бѣшенъ, называя
Развратною ее . . О, ангельски
Чиста она была...

Отелло.

Она была
Въ преступныхъ связяхъ съ Кассіо... Спроси
У мужа!

О, я заслужилъ-бы все
Проклятье ада, если-бы убилъ
Ее безъ очевидныхъ доказательствъ...
Твой мужъ все это зналъ.

Эмилия.

Мой мужъ?

Отелло.

Твой мужъ.

Эмилия.

Что преступила долгъ она супруги?

Отелло.

Да, съ Кассіо! — О, если-бы она
Вѣрна была — пусть Богъ-бы создалъ мнѣ
Другой подобный міръ изъ цѣлаго
И чистаго брильянта — я-бъ ее
Не отдалъ и за этотъ міръ!

Эмилия.

Мой мужъ?..

Отелло.

Да, онъ сказалъ объ этомъ первый мнѣ.
Онъ честенъ — и ему такъ тяжело

Глядѣть на этотъ гной печистыхъ язвъ
 Людскихъ...

эмилія.

Мой мужъ!..

отелло.

За чѣмъ пужны они,
 Всѣ эти восклицанія твои?...
 Я разъ сказалъ — твой мужъ!

эмилія.

О Дездемона!

Коварство посмѣялось надъ твоей
 Любовью чистою... Такъ это мужъ
 Сказалъ вамъ, что она невѣрна.

отелло.

Да!

Твой мужъ!.. вѣдь я сказалъ. — Ты, женщина,
 Не понимаешь?.. Ну, мой другъ, твой мужъ,
 Прямой и честный Яго.

эмилія.

Если онъ

Сказалъ — такъ пусть погибшая душа
 Его въ томлени медленномъ сгнѣтъ,
 Истомится въ небытіе... Солгалъ
 Онъ передъ совѣстью своей! Она,
 Напротивъ, слишкомъ дорожила ужъ
 Своей безчастной, недостойной долей!..

отелло.

А!..

эмилія.

Иди теперь, иди все вдаль своей
 Дорогой... твой поступокъ столько-же
 Достоинъ неба, какъ и ты ее
 Достоинъ былъ.

ОТЕЛЛО.

Молчи! о замолчи!..

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ силы у тебя на столько зла,
 Чтобъ я не вынесла теперь его
 Спокойно... О безумецъ ты, безумецъ!
 Какъ грязь бессмысленный!.. ты совершилъ...

(Отелло угрожаетъ ей).

Я не боюсь угрозъ твоихъ, твой мечъ
 Не страшень мнѣ... И всебъ я расскажу,
 Хоть-бы мнѣ двадцать жизнью потерять!..
 На помощь! помогите! помогите!
 Здѣсь Мавръ жену зарѣзалъ!.. О убійство!
 Убійство!

(Входятъ Монтано, Граціано и Яго).

МОНТАНО.

Что у васъ случилось тутъ,
 Мой генералъ?

ЭМИЛИЯ.

А, вотъ и ты здѣсь, Яго!

Ну, видно хороши твои дѣла,
 Когда убійство вотъ хотять взвалить
 Тебѣ на шею.

ГРАЦИАНО.

Въ чемъ-же дѣло?

ЭМИЛИЯ.

Ну,

Изобличилъ жъ злодѣя этого,
 Когда ты человѣкъ! — Онъ говоритъ,
 Что ты его увѣрилъ — будто-бы
 Жена ему невѣрна; но, я знаю —
 Ты этого не скажешь... ты не можешь
 Сказать подобнаго... О, говори-жь,
 Душа моя полна ..

яго.

Я говорилъ

Ему, что думалъ самъ, — и говорилъ
Лишь то, что онъ и самъ считалъ
Весьма возможнымъ и вѣроподобнымъ...

эмilia.

Ты, стало-быть, не отпираешься?..
Ты, значить, говорилъ, что невѣрна
Она?..

яго.

Ну, говорилъ.

эмilia.

Ты ложь сказалъ

Ужасную, — проклятую ты ложь
Сказалъ!.. Клянусь моею душою — ложь!
Такую отвратительную ложь!..
И съ Кассіо! — Вѣдь ты сказалъ, что съ Кассьо...

яго.

Да, съ Кассіо, — жепа; — а впрочемъ-бы
Подождать тебѣ свою трещотку...

эмilia.

О пѣтъ! мнѣ нужно говорить теперь...
Вѣдь здѣсь, на этомъ ложѣ — мертвая
Лежитъ она... голубка милая!..

всь.

О, да спасетъ насъ небо!..

эмilia.

Не твои-ль

Навѣты создали убійство это?..

отелло.

Къ чему, сивильеры, ужасъ, изумленья!..

Что-жъ, это правда...

ГРАЦИОНО.

Страшная-жъ ты правда!

МОНТАНО.

Чудовищный поступокъ!

ЭМИЛИЯ.

О злодѣйство!

Обманъ! коварство!.. Я припомню...
Я думаю... подозрѣваю... да!
О низкое злодѣйство!.. Думаю,
Что такъ... О, я съ отчаянья убью
Себя... Коварство, гнусное коварство!

ЯГО.

Не одурѣла-ль ты!.. Сейчасъ-же мнѣ
Домой... ты слышишь!

ЭМИЛИЯ.

Добрые спящторы

Позвольте говорить мнѣ, — я теперь
Повиноваться не могу ему. — Да, Яго,
Быть можетъ, не пойду ужъ никогда
Домой я больше...

ОТЕЛЛО (*склоняясь надъ тѣломъ Дездемоны*).

О! о! о!

ЭМИЛИЯ.

Да, Мавръ!

Склонись на этотъ трупъ — тоскуй, рыдай...
Ты задушилъ чистѣйшую изъ жепъ,
Какую только видѣлъ миръ...

ОТЕЛЛО (*поднимаясь*).

О пѣтъ!

Она преступница была... (*къ Граціано*) Я васъ

И не узналъ, мой дядюшка! — Вотъ здѣсь —
 Старикъ, лежитъ племянница твоя...
 И эти руки задушили жизнь
 У ней... Я знаю — что поступокъ мой
 Покажется ужаснымъ вамъ, ужаснымъ...

ГРАЦИАНО.

О бѣдное дитя мое!... Я радъ,
 Что твой отецъ лежитъ уже въ могилѣ...
 Судьба твоя его убила! — Все,
 Тоскуя тайно по тебѣ, старикъ
 И умеръ.... да, во благо умеръ онъ!
 А если-бъ былъ онъ живъ.... и здѣсь тебя
 Увидѣлъ?... О, тогда — отчаянье
 Его бы обезумило; — тогда-бъ
 Отрекся онъ отъ помощи небесной...
 Тогда бы душу погубилъ свою,
 Несчастный онъ....

ОТЕЛЛО.

Да, горькой жалостью
 Проникнется здѣсь сердце челоуѣка...
 Но Яго зналъ, что тысячу ужъ разъ
 Она преступно принимала Кассіо...
 Быть-можетъ, даже здѣсь.... Самъ Кассіо
 Признался въ этомъ, — и, въ залогъ любви,
 Она ему дала подарокъ первый
 Моей любви, — въ его рукахъ я самъ
 Его однажды видѣлъ; — это былъ
 Платокъ, старинный даръ отца моей
 Матери покойной.

ЭМИЛИЯ.

О Небеса!

О силы Неба!

ЯГО.

Ты опять!... Молчи!

ЭМИЛИЯ.

О, это будетъ ясно! — это все

Откроеся.... И мнѣ молчать, снпъюръ!
 О пѣтъ!... Я буду смѣло говорить —
 Какъ вѣтеръ ходитъ смѣло!... Пусть гремятъ
 Противъ меня и небеса, и люди,
 Пусть воюють силы ада — и тогда —
 Я буду говорить.

яго.

Ну, будь умна....

Иди, жспа, домой!

эмилія.

Нѣтъ не пдти

Домой мпѣ, Яго...

(Яго хочетъ броситься на нее съ мечомъ).

ГРАЦІАПО.

Фи! на женщину

Напастъ съ мечемъ!

эмилія.

Безумный Мавръ! платокъ

Твой я нашла случайно, — слышишь? — я!..

Его и отдала я мужу своему.

Охъ, я тогда не знала, для чего,

Съ такой пастойчивостью странной онъ

Просилъ меня достать бездѣлку эту...

яго.

А, тварь поганая!

эмилія.

Она его

Дарила Кассіо!.... Нѣтъ, — я нашла

Платокъ и мужу своему вручила....

Я — бѣдная — не знала, что....

яго.

Ты лжешь,

Несчастная!

Эмилия.

Клянуся Небомъ — пѣтъ!

Пѣтъ, я не лгу, снѣпюры. — (Къ Отелло). Да и какъ
 Безумцу кровожадному, какъ ты,
 Было иначе кончить съ доброю,
 Такою доброю женой!..

(Яго ранеть Эмилию и убѣгаетъ).

ОТЕЛЛО.

Громовъ

И кампей!... Что-жь, вы только по небу
 Гремите, — божьи кары!... О злодѣи
 Проклятыи!

ГРАЦИАНО.

Бѣдная — она

Упала, — вѣрно, онъ убилъ ее.

ЭМИЛИЯ.

Убилъ! убилъ!.. О, положите-же
 Меня туда, подлѣ нея...

ГРАЦИАНО.

И вотъ

Онъ убѣжалъ, — а бѣдная жена
 Его убита.

МОУТАНО.

Замѣчательный

Мерзавецъ! — Подержите этотъ мечъ,
 Отнятый мной у Мавра, — да глядите
 Не выпускать его за дверь, — скорѣй
 Убейте — если станетъ рваться онъ.
 А я пуцую за этимъ сатапою, —
 Онъ стонъ этого, проклятый рабъ.

(Монтано и Граціано уходятъ).

ОТЕЛЛО.

Меся покинула моя отвага....

И мечъ мой дѣти отняли.... За чѣмъ
 Мнѣ знаки чести, если чести нѣтъ? —
 Пусть все идетъ....

Эмилия.

И вотъ

Она, твоя пророческая пѣснь,
 О милая снѣгѣйора!... Слушай-же....
 Ты можешь-ли еще меня услышать?...
 Какъ лебедь, грустно я прощуся съ жизнью
 Упылой пѣснью: «Ива! ива! ива!»
 О Мавръ! она была чиста... она
 Тебя любила, такъ любила, Мавръ! ...
 Пусть вѣрно будетъ такъ души моей
 Спасенье, какъ слова мои.... И мысль
 Последнюю свою отдавъ тебѣ,
 Я умираю... умираю....

(Умираетъ).

Отелло.

Здѣсь

Есть у меня другой, исанскій мечъ,
 Холодною волною закаленный. — 34)
 О, здѣсь, со мною ты! — Мнѣ нужно выйдти...
 Пустьте, дядюшка!

Граціано (извнѣ).

Не покушайся!

Иначе, дорого заплатишь ты. — Съ тобой
 Вѣдь нѣтъ оружья; — посиди-же тамъ,
 Хоть и не хочется.

Отелло.

Да хоть смотри

Ты на меня... хоть говори со мной, —
 Не то, и безоружный, бѣшено
 Я кипусь на тебя.

(Граціано входитъ.)

Граціано.

Ну, что тебѣ?

ОТЕЛЛО.

Гляди — вѣдь это мечъ! — и мечъ,
 Какого никогда еще рука
 Солдата не сжимала... Вижу васъ,
 Былые дни, какъ съ этой слабою
 Рукою, и съ тобою, мой добрый мечъ,
 Раздольно шелъ я черезъ все преграды —
 Спяще въ двадцать разъ, старикъ, твоихъ
 Преградъ... Но для чего тщеславіе
 Пустое! Кто посмѣетъ стать противъ
 Опредѣленья роковыхъ судебъ?...
 Теперь не такъ... не то уже... Не бойся,
 Хоть и со мною мечъ: я совершилъ
 Мой трудный путь, — пришелъ уже къ своей
 Послѣдней цѣли, — скоро уберу
 Послѣдній нарусъ свой... А ты еще
 Меня боишься! О! твой страхъ напрасенъ!..
 Не предъ мечомъ, передъ тростинкой — самъ
 Отелло побѣжитъ теперь — но Боже!
 Куда-жъ ты побѣжишь теперь, Отелло?...
 Какъ странно смотришь ты, дитя мое...
 Какія горькія судьбы тебѣ
 На долю выпали!... Блѣдна.. блѣдна,
 Какъ полотно твоей сорочки!
 И если мы придемъ съ тобою къ Богу,
 И также ты посмотришь на меня...
 О, взоръ твой кипеть душу бѣдную
 Мою съ небесъ — и на лету ее
 Ухватятъ демоны.. Холодная,
 Дитя мое! — Тиха, какъ чистота
 Твоя! невозмутима... безъ борьбы...
 Безъ роковыхъ тревогъ... о рабъ проклятый!
 Теперь святая ты!... Гоните-же
 Бичомъ отсюда, демоны, меня!
 Отдайте бурямъ! сѣрою сожгите!
 Топите въ пропасть текучаго
 Огня!.. О Дездемона! Дездемона!
 Мертва! мертва!... о! о! о!

*(Входятъ Лодовико, Монтано; Кассіо приносятъ на
 носилкахъ; пойманный Яго среди стражи.)*

ЛОДОВИКО.

Гдѣ этотъ мститель бѣшеный? — Гдѣ онъ
Несчастный?

ОТЕЛЛО.

Тотъ, кто былъ Отелло? — Здѣсь...

ЛОДОВИКО.

А эта гадина? — ведите-ка
Его.

ОТЕЛЛО.

Я все смотрю ему на поги... ³⁵⁾
Что-жь — это басня?.. Но коли ты чортъ —
Такъ какъ-же мнѣ убить тебя, нечестый! (Ранитъ его.)

ЛОДОВИКО.

Возьмите мечъ у Мавра.

ЯГО

О, епископъ,

Онъ только кровь пустилъ, а не убилъ
Меня.

ОТЕЛЛО.

И не жалѣю я объ этомъ;
Напротивъ, я желалъ-бы долгихъ дней
Тебѣ... да, понимаю я теперь
Блаженство смерти!

ЛОДОВИКО.

О несчастный Мавръ!

Давно-ль такъ благодушный — и теперь
Такъ слѣпо навѣшій въ сѣть проклятаго
Раба... что мнѣ сказать тебѣ?

ОТЕЛЛО.

Скажи,

Скажи, Лодовико, хоть что-нибудь...
 Зови меня убійцей, — не зови
 Меня безчестнымъ только; — ничего
 Вѣдь не творилъ по несправности я,
 И все изъ чести, и для чести.

ЛОДОВИКО.

Опъ,
 Бездѣльникъ этотъ, кое-въ-чемъ уже
 Признался намъ: вы согласился
 Было съ нимъ вмѣстѣ Кассіо убить?

ОТЕЛЛО.

Да.

КАССИО.

Милый генералъ, я никогда,
 Ничѣмъ не подалъ повода къ тому.

ОТЕЛЛО.

Теперь я вѣрю, Кассіо — прости
 Меня! — Спросите-жъ у него, за что
 Опъ, этотъ демонъ въ образѣ людскомъ,
 За что онъ такъ коварно осѣтилъ
 И душу мнѣ и тѣло?...

ЯГО.

Лишнія
 Заботы! — То, что знаете уже —
 И знаете... Болѣе ни слова я
 Не говорю.

ЛОДОВИКО.

А помолитесь, Яго!...

ГРАЦИАНО.

А вотъ, раздвинь зубы пыткой
 Тебѣ.

ОТЕЛЛО.

О, ты заговоришь тогда...

ЛОДОВИКО.

Я расскажу вамъ кое-что, сипьйоръ,
Изъ дѣла этого, чего, конечно, вы
Не знаете еще. — Вотъ два письма:
Мы ихъ пашли въ карманѣ у Родриго, —
Въ одномъ такъ прямо сказано, что онъ,
Родриго, припираетъ на себя
Убийство Кассіо.

ОТЕЛЛО.

Злодѣй!

КАССИО.

Враги

Христовы! дикари!

ЛОДОВИКО.

А вотъ другое:

Здѣсь упрекаетъ Яго въ чемъ-то онъ, —
Какъ кажется, онъ думалъ отослать
Его, — по вѣрно этотъ висѣльщикъ
Проклятый въ душу влѣзъ опять къ нему
И уничтожилъ всякое сомнѣнье.

ОТЕЛЛО.

О чадо зла и гибели! Но какъ, —
Скажи мнѣ, Кассіо — зашелъ къ тебѣ
Платокъ жены моей?

КАССИО.

Я у себя

Нашелъ его, -- и Яго памъ сейчасъ
Признался, что платокъ подкинуть имъ,
Чтобъ дѣло къ цѣли повести вѣрнѣе.

ОТЕЛЛО.

Безумецъ! о безумецъ я! безумецъ!

КАССИО.

А дальше, въ этомъ-же второмъ письмѣ,
Родриго упрекаетъ Яго въ томъ,
Что онъ его заставилъ оскорбить
Меня въ ту роковую ночь — и вотъ
По-этому уже оправданъ я;
Родриго наконецъ пришелъ въ себя,
И самъ онъ прямо говоритъ теперь
Что Яго и па грѣхъ его навелъ,
Что Яго-же и приколюетъ его
Сегодня.

ЛОДОВИКО.

Вы должны покинуть островъ,
И ѣхать съ нами. Ваша власть снимается,
И это мѣсто Кассіо теперь займетъ.
А что до этого раба — удѣлъ
Его: все то, что только можетъ быть
Томительно-кроваваго подъ пыткой.
Вамъ я не смѣю воли дать, Отелло,
Пока не допесемъ Сенату мы
Объ этомъ дѣлѣ... Отвести его!

ОТЕЛЛО.

Постойте! — Слово, два — небольшое...
Я кой-что сдѣлалъ для Республнки
Таки, — вещь всеѣмъ извѣстная; — но, что
Объ этомъ говорить! — Теперь прошу
Я васъ, — вѣдь вамъ-же говорить о мнѣ
Придется, — расскажите дѣло такъ,
Какъ было дѣло;—слова за меня
Не нужно лишняго, — противъ меня....
За что-жъ противъ меня?... Скажите имъ,
Что не умѣлъ благородумно я
Любить, — за то любилъ я горячо... Что ревновать
Я не умѣлъ, — но разъ, коснувшись

До этой чаши, выпилъ всю ее;
 Что я закинулъ счастье свое,
 Какъ древле Жидъ, проклятою рукой,
 Закинулъ навсегда свой дивный перлъ, — ³⁶⁾
 Перлъ драгоцѣнный племени его...
 Что изъ очей моихъ, незнавшихъ слезъ,
 Ллюся столько горькихъ, трудныхъ слезъ —
 Какъ льется мурры въ аравійскомъ лѣсѣ...
 Такъ все скажите, — да прибавьте ужъ,
 Что разъ въ Алеппо чалмопосецъ Турокъ
 Венеціанца одного при мѣ
 Ударилъ и Республику бранилъ, —
 А я схватилъ собаку-обрѣзанца
 За горло, и пронзилъ его, вотъ такъ! (Закалывается).

ЛОДОВИКО.

Кровавый день!

ГРАЦИАНО.

Къ-чему-жъ ты это все

И говорилъ....

ОТЕЛЮ *(надал на трупъ Дездемоны).*

Готовый задушить

Тебя — еще я цѣловалъ тебя

Такъ горячо; — и умирая самъ,

Съ твоимъ я поцѣлуемъ умираю....

(Умираетъ).

КАССИО.

Я-бъ этого боялся, если-бъ зная,

Что онъ имѣлъ оружіе, — онъ былъ

Великій сердцемъ...

ЛОДОВИКО.

Ты спартанская

Собака! ³⁷⁾. Ты ужасной скорби, — язвы,

Ужасной бездны адекой, темною

Враждой своей!... Взглянь на кровавые

Остатки жертъ своихъ... вотъ подвигъ твой!
 Опъ отравляетъ взоръ.... закройте ихъ!
 Вы, Граціано, какъ прямой наслѣдникъ,
 Примите во владѣніе и домъ
 И все имѣніе Мавра. —

(Къ Кассіо).

Вы спійоръ
 Намѣстникъ, сами выберите казнь
 Злодѣю этому, — опредѣлите время,
 Назначьте мѣсто, пытку... не щадить
 Его!... Я ѣду съ грустною душой
 Объ этомъ горестномъ событіи
 Сенату донести.

Съ англійскаго В. Лазаревскій.

=

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сюжетъ этой драмы заимствованъ Шекспиромъ, по мнѣнію Попе, изъ Чинтлевыхъ повелѣзъ. — Полагають, что она писана въ 1611 году. — Муштафа, полководецъ Солима, осадилъ Кипръ въ маѣ 1571, и взялъ его въ слѣдующемъ году. Флотъ его шелъ сначала прямо на Кипръ, но, неожиданно переимѣнивъ путь свой на Родосъ, соединился тамъ съ другимъ отдѣленіемъ своимъ, и тогда уже обратился къ осадѣ Кипра. Гордое и свободное приподушіе Отелло, — говоритъ Джонсонъ, — благороднаго, открытаго и легковѣрнаго, безграничнаго въ довѣренности, пылкаго въ страсти, непоколебимаго въ рѣшимости, неукротимаго въ мщеніи; — милое простодушіе Дездемоны, такъ глубоко вѣрующей въ добродѣтель, такъ глубоко сознательной въ чистотѣ своей, — ея открытая настойчивость въ преслѣдованіи своего плана, ея неумѣнье повѣтъ то, что и се могутъ подозрѣвать; — холодная злоба Яго, скрытаго до малѣйшаго проявленія истиннаго чувства, ловкаго и хитраго въ своихъ планахъ, и въ тоже время такъ заботливаго о всемъ, что касается его выгоды или мщенія — все это новыя доказательства того, какъ глубоко постигъ Шекспиръ природу человѣка, чего мы напрасно будемъ искать у другихъ новѣйшихъ писате-

лей; — даже остальные, извѣстные характеры были-бы замѣчательны во всякой другой пьесѣ, не только по истинѣ, но и по силѣ своей».

1. Въ подлинникѣ: Even now, wery now, and old black ram
Is tuppung your white ewe.
2. — — You'll have your daughter covered with a Barbary horse.
3. Слово *perhews* здѣсь нахѣкается вообще на грандовъ Венеціи.
4. Въ подлинн.: You'll have coursers for cousins, and gennets *) for germans.
5. — — Your daughter and the Moor are now making the beast with two backs.
6. Полагають, что это названіе гостиницы въ Венеціи.
7. Здѣсь Яго говоритъ о Брабанціо.
8. Титло венеціянскихъ сенаторовъ.
9. Шекспиръ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ это изъ рассказовъ Мандевля (Описание Гвиней, 1596) и сэръ Вальтера Ралейфа (Raleigh).
10. Въ подлинн. *Fuinea-hen*, слово, означавшее тогда публичную женщину.
11. To change the cod's head for the salmon's tail. *Пословица.*
12. Эти пѣсни находятся въ «Percy's Relics of Ancient Poetry».
13. Во многихъ графствахъ сѣверной Англіи музыканты, приходя съ поздравленіемъ по утрамъ, обыкновенно, послѣ одной или двухъ проигранныхъ ими пѣснъ, кричатъ: «Да здравствуетъ такой-то или такая-то». — Кажется, обычай этотъ былъ и въ Стратфордѣ на Аво-нѣ. — При этомъ употребляли гобой, — и объ этихъ-то духовыхъ инструментахъ говорится здѣсь.
14. Венерическая болѣзнь, по Джонсону, впервые появилась въ Пеполѣ.
15. Въ подлинникѣ *Clown*. Oh, thereby hangs a taile.
I mus. Wheresy hangs a tale, sir?
Clown. Merry, sir, by many a wind instrument, that I know.
Здѣсь каламбуръ въ словахъ *taile* и *tale*.
16. Въ подлинникѣ: Excellent wretch (*enfant, garçon*).
17. Мандрагора (*mandragora, mandrake*) одно изъ самыхъ усынительныхъ растений.
18. Въ подлинникѣ *J had been happy, if the general camp
Pioneers and all..*
Пионеры были вообще самые безпрѣстѣнные солдаты.
19. Въ подлинникѣ: The spirit-stirring drum, the ear-pircing fife Во времена Шекспира флейты были въ употребленіи у Англичанъ на войнѣ.
20. Въ подлинн. There are a kind of men soloose of soul.

*) Порода лошадей въ Испаніи.

21. — — — — Then laid his leg
Over my thigh, and sigh'd, and kiss'd.
22. Здѣсь отвѣты шута запутаны двойственнымъ значеніемъ глагола to lie: 1) обитать, жить гдѣ-нибудь, лежать; 2) лгать.
23. Португальская монета, цѣною около рубля серебромъ. Названіе свое получила она, — по Джонсону, — отъ изображеннаго на ней креста.
24. Іаковъ I, король англійскій, учредилъ новое достоинство баронета, которое покупалось за деньги. — Шекспиръ хочетъ сказать здѣсь, что баронеты эти вѣли руки, т. е. деньги для покупки, — а не сердце, не доблесть.
25. Бальзамическая жидкость, добытая изъ мумій, встарину считалась самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ эпилепсін.
26. Извѣстно повѣрье, что воронъ, садясь на кровлѣ дома, предвѣщаетъ кому-нибудь изъ жильцовъ его смерти. — Объясняютъ это тѣмъ, что тонкое чутье его за-долго до кончины чувствуетъ уже трупный запахъ.
27. Въ подлинникѣ *Iago: With her, on her, what you will.*
Ol. Lie with her! on her! — We say, lie on her, when they belie her: Lie with her!
28. Въ подлинникѣ: To confess and be hanged for his labour. — *Послов.*
29. Сближеніе слезъ женщины съ слезами крокодила, который, по мнѣнію древнихъ, печальными стenanіями привлекалъ жертву и душилъ потомъ ее.
30. Если сохранить сосудъ сей... и пр. Изъ Посл. къ Солуныанамъ I, гл. IV, ст. 4. — Malone.
31. Въ Англійи ива посвящена любви.
32. Здѣсь Отелло, входя, какъ-бы догосариваетъ тайную думу свою въ этомъ прекрасномъ монологѣ.
33. Одинъ изъ комментаторовъ говоритъ, что въ старинныхъ копіяхъ, послѣ этихъ словъ было еще слѣдующее восклицаніе убійцы: «Боже! Боже!» — но что въ-послѣдствіи вѣрно было исключить его, такъ-какъ сближеніе подобнаго восклицанія съ самымъ поступкомъ профанировало святую чистоту Божества; — но торжественныя слова эти, — прибавляетъ онъ, — произносимыя въ мгновенія предсмертныхъ судорогъ Десдемоны, производили опущеніе высокаго ужаса.
34. Сталь, закаленная въ холодныхъ волнахъ Кеалона, считалась самою лучшею.
35. Отелло принимаетъ Яго за чорта, и смотритъ — нѣтъ-ли копытъ на ногахъ у него.
36. Нѣкоторые комментаторы думали, что это намекъ на кровавую сцену убійства Маріамъ супругою ея Иродомъ. — Другіе полагаютъ, что здѣсь говорится объ одномъ Жидѣ, заброшавшемъ драгоценный перлъ,

не желая уступить его за низкую цѣну. — Можетъ-быть, говоритъ Бенжамен Ларошъ, — авторъ намекаетъ здѣсь на Спасителя, преданнаго и распятаго своими соотчичами. — Мнѣніе это, какъ совершенно-согласное съ религіознымъ направлениемъ эпохи, кажется ему болѣе вѣроятнымъ.

37. Спартацкія собаки отличались своею лютостію.

Въ подлинникѣ Яго, въ разговорѣ съ Родриго, часто мѣшаетъ ты и вы. — Я не вездѣ держался въ этомъ случаѣ подлинника уже и потому, что по духу англійскаго языка мѣстоименіе you — вы, употребляется гораздо-чаще нежели у насъ. — Вездѣ, гдѣ только удача дѣластъ Яго дерзкимъ, ему естественно переходитъ въ этотъ насмѣшливо-фамплярный тонъ, отличающій его; — напротивъ онъ можетъ спускаться до льстивой вѣжливости каждый разъ, когда старается убѣдить и склонить пробуждающійся здравый смыслъ и упрямство Родриго.